

Г. А. Явлинский

Второе июля

О завершении проигранной эпохи
и перспективах

Москва

2021

УДК [342.4+323(470)](081)
ББК 67.400.11,021я44+66.3(2Рос)я44
Я20

Я20 **Явлинский Г. А.**

Второе июля. О завершении проигранной эпохи и перспективах. – М.: РОДП «ЯБЛОКО», 2021. – 204 с.: ил., цв. обл.

ISBN 978-5-4399-0074-9

В основу сборника легла статья Г. А. Явлинского «Второе июля. О завершении проигранной эпохи и перспективах», опубликованная после голосования за внесение путинских поправок в Конституцию РФ 1 июля 2020 года. Во второй части сборника для удобства читателя приведены полные тексты статей автора разных лет, на которые он ссылается в статье «Второе июля».

Составитель — Игорь Яковлев.

УДК [342.4+323(470)](081)
ББК 67.400.11,021я44+66.3(2Рос)я44

ISBN 978-5-4399-0074-9

© Российская объединенная
демократическая партия «ЯБЛОКО»

СОДЕРЖАНИЕ

ВТОРОЕ ИЮЛЯ

О завершении проигранной эпохи и перспективах	5
---	---

СТАТЬИ

Опасность войны	36
Большой террор и современный большевизм	52
Оформление корпоративного государства	59
Путь, которого нет	63
Парадная идеология.....	74
Активизм и политика.....	78
Перспективы российского общества в XXI веке: окончательный уход или модернизация	95
Необходимость и способы легитимизации крупной частной собственности в России: постановка вопроса.....	120
Ложь и легитимность	155
Февральские параллели.....	172
Урегулирование на Донбассе	191
Война в Сирии: то, о чем надо помнить	194

Фото: Алексей Александров

ВТОРОЕ ИЮЛЯ

О завершении проигранной эпохи и перспективах

31.08.2020 / Главное

О ЧЕМ ЭТОТ ТЕКСТ

Внесение путинских поправок в Конституцию ознаменовало поражение демократических реформ, начатых в России в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века. Основные причины провала:

- отказ от государственно-правовой оценки сталинизма и преступлений советского периода;
- грубые просчеты в логике и содержании реформ 1990-х годов: гиперинфляция, залоговые аукционы, слияние власти, собственности и бизнеса, порождение олигархии.

На этой основе в стране создан автократический, неправовой, полукриминальный и антисоциальный политический режим с хронически стагнирующей экономикой и беднеющим населением. Результатом также стали политика, продиктованная имперским мышлением, следование принципу «ограниченного суверенитета» в отношении республик бывшего СССР, попытки грубого вмешательства в дела соседних государств, аннексия Крыма и война на Донбассе, заказные убийства политических оппонентов и журналистов, бессмысленное кровавое участие в войне в Сирии, принятие множества репрессивных реакционных законов.

Цель оппозиции в новых условиях — переоснование российского государства: созыв Учредительного собрания, принятие легитимной и по-настоящему народной Конституции и строительство на ее основе современной страны. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- *подготовить проект новой демократической Конституции;*
- *начать работу по подготовке, созыву и проведению Учредительного собрания (с участием всех политических сил России, которые могли бы представить свои предложения по государственному устройству — от конституционной монархии до парламентской республики, а также предложить для обсуждения соответствующие проекты конституционных актов);*
- *провести максимально широкую разъяснительную кампанию о необходимости государственно-общественной оценки большевизма, сталинизма и всего советского периода;*
- *разработать и начать продвижение программы экономических реформ (предполагающих безусловное закрепление права частной собственности, существенное снижение роли и объема присутствия государства в экономике, комплекс мер, опирающийся на активные классы общества: промышленную элиту, финансовые круги, предпринимателей);*
- *разработать судебную реформу и реформу ФСИН, подготовить изменения в Уголовный кодекс;*
- *освободить СМИ от государственного контроля.*

Демократическая оппозиция более не должна выступать в роли советника или консультанта властей. Необходимо политическое принуждение власти к диалогу с оппозицией. Важно развивать современную политическую партию, практиковать современную публичную политику, готовить политические кадры. Конец эпохи, проигранной демократическими силами, надо превратить в начало новой. Для этого необходим новый способ действия, другие приоритеты и принципиально новая политика, тезисы которой изложены в этой статье.

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

События лета 2020 года подводят черту под целой эпохой и четко обозначают намерения постсоветских властей на ближайшие годы. Фальсификации уступили место откровенной и наглой лжи. Тезис «мы никогда никуда не уйдем» стал универсальным ответом власти на требования перемен.

В Беларуси и России ситуации по сути очень похожи: авторитарные режимы не в состоянии вести диалог с обществом; единственное, что их занимает, — это вопрос самосохранения. Протестующие против лжи на выборах и возмущенные насилием сотни тысяч граждан Беларуси вышли в августе на улицы, но благородный патриотический протест столкнулся с тоталитарной машиной подавления, готовой, защищая режим, безжалостно расправиться с собственным народом.

На горьком примере Беларуси очевидно, как гражданскому протесту не хватает политики, политической составляющей. И дело не только в формальном отсутствии каких-либо органов оппозиции или деклараций, которые можно спешно создать «под ситуацию». Политическое содержание не виньетка, не брошюра, а стержень альтернативы, основа обращенной в будущее идеологии, программы реформ, обязательная предпосылка для существования политической партии с серьезным и уважаемым лидером, для борьбы и победы. Безусловно, необходимым условием действенного протеста являет-

СОДЕРЖАНИЕ >

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	7
КОНЕЦ ЭПОХИ	9
РУБЕЖИ ПОРАЖЕНИЯ	16
ПРИЧИНЫ ПРОВАЛА	18
ПЕРВОИЮЛЬСКАЯ СИСТЕМА: ГЕНЕЗИС И ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ	20
НОВОЕ НАЧАЛО: «ПРОГРАММА 2 ИЮЛЯ»	24
НОВЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ	30
ДОСТИГНУТЬ ПРАКТИЧЕСКИХ РЕЗУЛЬТАТОВ	32

ся настроение и решимость людей выйти на улицы, и чем больше таких людей, тем лучше. Однако это необходимое, но недостаточное условие. Требуется массовая осознанная идея, оппозиционная политическая программа и лидер. Без этого даже самые многочисленные митинги неспособны поменять режим. Политика — единственный путь к реальным переменам.

И в России, и в Беларуси несменяемые режимы десятилетиями выжигали политическое поле, уничтожая политику, деполитизируя граждан, убивая содержательную альтернативу правящей авторитарной модели, умышленно вели общество к политической деградации. И то, как сегодня Кремль реагирует на события в Минске, — продолжение этой линии. Москва говорит, что «внутрибелорусские проблемы» могут быть решены только «руководством этой страны в диалоге с ее гражданами», заявляя при этом о «согласии с любым решением Лукашенко». Вот Лукашенко и ведет этот «диалог» с автоматом в руках, называя граждан Беларуси «крысами». Судя по всему, такая модель «общения» власти с оппозицией, да и вообще со всеми самостоятельно мыслящими гражданами будет реализовываться в России в ближайшие годы: жесткое подавление любых протестов, репрессии, пытки, покушения, отравления, убийства. История с Алексеем Навальным — тому подтверждение.

Поэтому тем, кому небезразлично будущее нашей страны, нужно вновь начинать серьезную политическую работу. Прежде всего необходимо понять причины провала постсоветской модернизации и без иллюзий определить, каким образом нужно действовать в сложившихся обстоятельствах. Чтобы, когда страна всколыхнется снова, когда сложатся условия — как это было в России в 1990 году или в Беларуси в 2020-м, — люди наконец победили: обрели свободу, демократию, справедливость и уважение.

КОНЕЦ ЭПОХИ

1 июля 2020 года произошел слом российской государственности, существовавшей почти тридцать постсоветских лет: официально был закреплен отказ от формальной ориентации на демократическую легитимность, федерализма, движения вперед от советского прошлого к современной цивилизации XXI века.

Несменяемость персональной власти Владимира Путина теперь закреплена в Конституции страны. Там же прописаны основы корпоративного полумафиозного и суперавторитарного государства с шовинистической идеологией.

Надо признать, что подобный исход был практически неизбежен: это логическое следствие многих ключевых решений, принимавшихся на государственном уровне все постсоветские годы (см. таймлайн ниже). Эпоха постсоветской модернизации России завершилась. Демократия потерпела поражение.

СОБЫТИЯ, ПРЕДОПРЕДЕЛИВШИЕ 1 ИЮЛЯ 2020 ГОДА:

1. Отказ от российской программы перехода к рыночной экономике и Экономического договора с бывшими республиками СССР о создании общего рынка; вместо этого — в обмен на кредиты МВФ — реализация не соответствующего российским реалиям плана экономической реформы, основанного на рецептах концепции «Вашингтонский консенсус».
2. Волонтаристское, неподготовленное и непродуманное подписание Беловежских соглашений; почти полное разрушение экономических связей с бывшими республиками СССР.
3. Отказ от всесторонней государственно-правовой оценки большевизма, сталинизма и советского периода, массовое сохранение во властных структурах «перекрасившихся» партийно-советских кадров.

РУБЕЖИ ПОРАЖЕНИЯ

Постсоветские реформы решили ряд потребительских задач: наполнили магазины, обеспечили доступность простейших услуг, создали хотя и ограниченный, монопольный, но реальный рынок товаров и услуг, связав его с внешними рынками (внешняя торговля). По сути, состоялся обмен нефти и газа на магазины с более или менее заполненными прилавками.

Однако, с точки зрения экономики как системы, задача достижения нового качества экономики и уровня жизни людей так и не была решена. Постсоветская модернизация ни в полноценном экономическом, ни в человеческом плане не состоялась.

За последние тридцать лет были существенно улучшены условия жизни 15–20% населения — прежде всего жителей столицы и некоторых других крупных городов, а также тех, кто имеет отношение к сырьевой отрасли и финансовому сектору, «элит» в различных областях, государственных чиновников.

При этом уровень жизни абсолютного большинства населения (80–85%) все эти десятилетия оставался низким, а в последние годы и вовсе стал падать.

Но главный итог постсоветской модернизации — это отсутствие перспективы практически для всех граждан страны. Для многих, кстати, произошедшее 1 июля 2020 года ознаменовало конец эпохи несбывшихся надежд. Осознание этого будет так или иначе приходиться, влиять на поведение людей.

В сфере высоких технологий сделано крайне мало. Международный успех российских технологических проектов — заслуга частных разработчиков, работавших скорее вопреки государственной системе, чем благодаря ей.

Достижения в военно-промышленном комплексе также сомнительны. Путинские презентации нового оружия с использованием анимации и кинематографических спецэффектов не внушают доверия, а только нагнетают страх. Главным стратегическим ресурсом российского ВПК по-прежнему являются не новые разработки, а созданный в советское время огромный ядерный арсенал, способный уничтожить планету. При этом реальная угроза уничтожения страны и людей в результате атомной войны усиливается по мере разрушения глобальной системы ядерной безопасности (см. **«Опасность войны»**, 2019). Возросла вероятность локальных войн по периметру российских границ. Спустя тридцать лет после вывода советских войск из Афганистана наши соотечественники воюют в Сирии, Ливии, Судане.

С. 36

Когда в 1990-е только начиналось движение к переменам, основным мотивом этого процесса было развитие человека, реализация интеллектуального и творческого потенциала нации. Но к 2020 году не удалось достигнуть самого главного:

- нет свободы;
- нет жизни без страха;
- нет уважения к человеку;
- нет уверенности в перспективе, в будущем детей;
- нет защиты от произвола;
- нет суда, вызывающего доверие и позволяющего надеяться на справедливое правовое решение;
- нет влияния гражданина на власть в собственной стране, на ее состав и действия.

Надо признать, что начавшиеся три десятилетия назад демократические реформы в России завершились неудачей.

ПРИЧИНЫ ПРОВАЛА

¹ Явлинский Г. А., Космынин А. В. Историко-политические заметки: народ, страна, реформы. М., «Московские ведомости», 2015.

² Явлинский Г. А. Рецессия капитализма — скрытые причины. Realeconomik. М., Издательство ВШЭ, 2014.

Говоря о причинах провала демократизации в России, конечно, нельзя не вспомнить об исторических и культурных особенностях нашей страны¹, а также о мировых политических и экономических трендах последних трех десятилетий². Эти факторы существенные, но все же не определяющие, они заслуживают отдельного разговора.

Ключевые же причины краха постсоветской модернизации — и одновременно важнейшие политические явления 1990–2020 годов — следующие:

1. Категорический отказ от полномасштабной оценки и преодоления большевизма, сталинизма, преступлений советского периода; сохранение преимущественности со сталинистско-большевистской государственной политикой и современный большевизм (см. **«Большой террор и современный большевизм»**, 2017); формирование отношения к советско-большевистскому наследию как к основе суверенитета, отождествляемого с неприкосновенностью собственной власти; отказ от диалога как инструмента политики, понимание политической конкуренции только как покушения на власть, а независимого суда — как источника потенциальной опасности; не осуществленная после исчезновения СССР смена элит, концентрация вокруг кандидата в Политбюро ЦК КПСС Бориса Ельцина советских кадров — парторгов, комсомольских функционеров и «красных директоров».

2. Грубые просчеты в логике и содержании реформ³: переоценка значения экономических преобразований

С. 52

³ Николаев И. Первые с конца. Чего достигла Россия после развала СССР? «Новая газета», июль 2020;

Явлинский Г. А., Космынин А. В. Двадцать лет реформ. «Мир России», 2011, № 2–3.

и фактическое следование марксистскому тезису «базис предопределяет надстройку»; недооценка необходимости политических реформ, глубокой перестройки судебной и административной систем, коренных изменений в системе органов безопасности, защиты свободы слова и СМИ от фактической цензуры, реализации антикриминальной и антикоррупционной политики; полное сохранение кадровой преемственности.

Особое значение имел отказ от собственной российской программы экономической реформы. И это при наличии отечественного интеллектуального потенциала для разработки такой реформы, человеческого потенциала для ее реализации, при уникальном характере реформируемой экономики. Причина — неверие во внутренние силы (прежде всего в людей), слепое следование «универсальным» рецептам, психологическая зависимость от внешнего одобрения и западных кредитов.

Именно поэтому не были реализованы программа «500 дней» и Экономический договор между бывшими республиками СССР.

Осенью 1991 года главы тринадцати бывших советских республик (балтийские государства как наблюдатели, остальные — как участники) подписали Экономический договор и пакет специальных соглашений к нему. Договор предусматривал создание банковского союза, введение общей валюты (рубля), единое таможенное пространство, свободную торговлю, общий рынок и общее правовое пространство на территории бывшего СССР.

В результате грубых экономических ошибок, сознательных и несознательных преступных решений, следования часто политически мотивированным иностранным рекомендациям, подкрепленным кредитами, вместо основы для современной рыночной экономики в России был заложен фундамент олигархической мафиозной корпоративной авторитарной системы. Самыми крупными блоками в этом фундаменте стали:

- Беловежские соглашения и разрыв экономических связей между бывшими советскими республиками в 1991 году;
- конфискация сбережений граждан вследствие гиперинфляции в 2600% в 1992 году;

- ваучерная приватизация вместо массовой продажи реальной собственности на приемлемых для людей условиях и окончательная ликвидация предпосылок для появления среднего класса;
- залоговые аукционы, рождение олигархии;
- слияние власти, собственности и бизнеса, превращение государственной власти в главного олигарха и, как неизбежное следствие, отсутствие условий для создания независимого суда и независимых СМИ, незаинтересованность государства и крупного бизнеса в их существовании.

ПЕРВОИЮЛЬСКАЯ СИСТЕМА: ГЕНЕЗИС И ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ

В результате неудачных реформ в России сформировалась гибридная политическая система, состоящая из:

- советских, национал-большевистских политических моделей и институтов;
- примитивного полурыночного капитализма;
- масштабных коррупционных связей, свойственных режимам, где отсутствуют независимое правосудие и свободные СМИ;
- олигархии, то есть слившегося с властью крупного бизнеса.

После 1993 года возникло и начало реализовываться на практике понимание государства как корпорации (государства-мафии), основанной прежде всего на эксплуатации доступных ресурсов (люди при этом также рассматриваются как ресурс). Ключевой задачей такого государства является удержание власти и ее защита от любых посягательств.

Это стало основой системы Владимира Путина и его несменяемого режима, что и было в итоге оформлено и закреплено в Конституции 1 июля 2020 года (см. **«Оформление корпоративного государства»**, март 2020). Все это закономерный результат последних тридцати лет. Основные вехи продвижения к «первоиюльскому режиму» можно определить так:

С. 59

- неприятие политического компромисса в стране в 1993 году и война в Чечне;
- фальсификация выборов всех уровней с использованием административного ресурса и пропагандистской машины для достижения корпоративных целей в 1996-м, 1999-м, 2000-м и во все последующие годы;
- сохранение системного недостатка легитимности государства и компенсация ее опорой на ложь и насилие;
- выбор Ельциным сотрудника КГБ в качестве гаранта сохранения созданной системы и продолжателя начатого;
- кадровая политика, основанная на приоритете лояльности, подчинения, умения вписаться в систему;
- реализация понимания власти как авторитарной «вертикали», подавление политических оппонентов всеми доступными средствами, вплоть до физического уничтожения;
- монополизация контроля над СМИ: медиавойны с участием государства, ставшие следствием слияния власти и собственности, неизбежная победа государства как самого сильного игрока;
- политика, продиктованная имперским мышлением, следование принципу «ограниченного суверенитета» в отношении республик бывшего СССР, попытки грубого вмешательства в дела соседних государств, аннексия Крыма и война на Донбассе.

С. 63

Последовательное пренебрежение институтами демократии и гражданского общества привело к подмене сущностей, формированию путинской концепции постсоветской истории, согласно которой распад советской системы произошел по каким-то неясным причинам, скорее всего вследствие «заговора» и «козней врагов». Теперь же, после всего пережитого, якобы необходимо «подниматься с колен», «восстанавливать суверенитет» и двигаться по своему собственному «уникальному пути» (это комплекс неполноценности, который зародился в России по своим, внутренним причинам, но сейчас отчасти совпал с мировым трендом). Однако альтернативу европейскому пути — с перспективой реализации и развития — режим Путина не создал и создать не может (см. **«Путь, которого нет»**, 2015).

С. 74

Такая оторванная от реальности постмодернистская модель удовлетворяет исключительно личные амбиции ограниченного круга людей. В качестве идеологического стержня для этой модели выбрана победа в Великой Отечественной войне (см. **«Парадная идеология»**, июнь 2020). Так кремлевские деятели рассчитывают использовать готовность людей к самопожертвованию ради интересов государства, создать в обществе атмосферу ненависти и непрерывной борьбы с Западом и в условиях этого противостояния добиться подчинения населения чиновничьей вертикали, возмнившей себя государством.

Фото: Дмитрий Азаров/Коммерсантъ

Понятно, что такая конструкция может существовать только при наличии весьма значительных ресурсов. Многолетняя экономическая стагнация, усиленная отказом власти поддерживать экономику и бизнес во время пандемии коронавируса, в сочетании с западными санкциями и нарастающим технологическим отставанием России от развитых стран ставит под сомнение достаточность ресурсов на сколько-нибудь длительный период. Потребуется переход к некоему варианту мобилизационной модели, аккумулярованию правящей группой важнейших ресурсов и распределению их по собственному усмотрению. Это будет означать открытое противопоставление интересов правящих элит интересам много лет беднеющего населения: люди могут не согласиться с дальнейшим снижением уровня жизни ради бесконечного «вставания с колен». Тем более что в обществе уже давно назревает ощущение, что режим Путина (особенно после конституционно-правового оформления 1 июля 2020 года) полностью лишен перспективы.

Если развал этой системы лишь вопрос времени, то форма, в которой это произойдет, неочевидна. Объективно неостановимый рост недовольства снизу в сочетании с заикленностью режима на самосохранении, многолетним сознательным конструированием репрессивного аппарата и последовательным уничтожением политики как таковой — это гремучая смесь. Понимание этого обязывает сделать все возможное, чтобы не допустить кровопролития. Насилие и жертвы при смене власти не позволяют стране нормально двигаться вперед.

Чтобы избежать кровопролития, необходимо уже сейчас воссоздавать демократическую политику силами активной части гражданского общества (см. **«Активизм и политика»**, 2019), выстраивать альтернативу, понятную большинству граждан страны.

С. 78

НОВОЕ НАЧАЛО: «ПРОГРАММА 2 ИЮЛЯ»

Естественное развитие России было прервано в 1917 году преступным большевистским переворотом и разгоном Учредительного собрания. Продолжить движение вперед можно только с помощью восстановления демократической легитимности и создания такого государства, которое станет продолжением гражданского общества⁴.

Падение большевистской системы, освобождение от коммунизма Восточной Европы, реализация стремления народов советских республик к свободе в конце 1980-х — начале 1990-х годов — сдвиг, сопоставлен-

⁴ Явлинский Г. А.,
Космынин А. В.
**Перспективы
российского
общества в XXI веке:
окончательный уход
или модернизация.**
«Мир России»,
№ 3, 2011.

С. 95

ный ходу истории. Это было неизбежное следствие нежизнеспособности советской системы. При этом двигателем тех общественно-политических процессов было стремление позднесоветского общества к переменам вполне определенного характера: к демократии, контролю общества над властью, рыночной экономике, равенству возможностей, повышению уровня и качества жизни.

То, что желаемое не было достигнуто, не означает, что это невозможно в будущем. Неудача постсоветской модернизации имеет конкретные причины, которые обязательно должны быть поняты и учтены.

⁵ Sine qua non — обязательное и необходимое условие (лат.).

Это sine qua non⁵ продвижения вперед. Без этого не будут преодолены большевизм и сталинизм, не будет демонтирована олигархическая система, а цели останутся демагогическими и ложными. Такими целями вновь станут оправдывать любые средства. И это будет бесконечное и бессмысленное хождение по кругу.

Подобная оценка не умозрительное заключение, она подтверждена почти тридцатилетним политическим опытом. Существовая в корпоративной мафиозной системе, стараясь, насколько возможно, не быть ее частью и осознавая свою ответственность, мы видели смысл политики в попытке скорректировать процесс движения страны — в ином, перспективном направлении. Да, по большому счету изменить траекторию движения страны не удалось. Но все политические оценки и прогнозы оказались верными, все созданное демократической альтернативой содержание остается актуальным.

Мы не поддерживали Конституцию 1993 года, потому что считали необходимым создание более прочного фундамента нового российского государства. Это касалось как демократичности и правового характера

содержания Основного закона, так и вовлечения в процесс разработки Конституции и основ государства как можно более широкого круга людей — и не в качестве статистов, которым нужно лишь одобрить то, что уже предложено.

Мы боролись против вредоносных реформ, обслуживающих интересы небольшой группы, все 1990-е годы мы выступали за реформы для большинства. Мы действовали исходя из сложившихся условий и пытались эволюционным путем прийти к переменам. И проиграли. Однако то, что было создано за эти годы — программы и законопроекты, а главное, вектор, задающий направление честной социально-либеральной политики (индивидуальной свободы, жизни без страха, творчества, человеческого взаимопонимания), — и сегодня представляет собой реальную основу для движения вперед при наличии политической воли. Суть в том, что мы сформировали демократическую альтернативу Путину и его курсу на войну, на милитаризацию общества, на запугивание в политических целях. Мы публично обосновывали и отстаивали альтернативное направление развития государства.

Теперь, после 1 июля, мы оказались в новых условиях. И здесь важно отметить два принципиальных обстоятельства.

1. После «голосования» 1 июля в России произошел отказ от правового государства, процедуры выборов в значительной мере превратились в профанацию, парламент стал придатком и исполнителем путинских решений. Обнулены не только сроки президента Путина — «обнулены» и Госдума, и региональные законодательные собрания, и Конституционный суд. Придется существовать в условиях совсем уже декоративного парламента.
2. Существенно изменились объективные условия для политической работы. Прежде всего это связано с появлением принципиально новых информационных, цифровых и коммуникационных технологий (в том числе технологий больших данных). В мире эти обстоятельства резко усилили влияние популизма и национализма и

в целом существенно понизили качество политики. Новый тренд заключается также в том, что поле политики сильно сужается, выборы утратили былое значение, а участие в них теперь может рассматриваться прежде всего как тренинг кадров и лишь в небольшой степени как форма влияния на политику. В России сочетание суперавторитарной модели правления с агрессивным полицейским государством и новыми технологиями ставит перед политиками чрезвычайно сложные задачи.

В новых условиях ключевой целью становится переоснование государства: созыв Учредительного собрания и строительство современной страны на основе легитимной и по-настоящему народной Конституции.

Программными задачами ядра демократической оппозиции должны стать:

- подготовка проекта демократической социально-либеральной Конституции, отражающей реалии современного мира, особенности информационных и цифровых технологий, ориентированной на молодежь, учитывающей негативный и позитивный опыт Конституции 1993 года. Этот документ должен максимально опираться на нормы прямого действия, позволяющие реализовать свободу, творчество, уважение к человеку, жизнь без страха, а также на институционализацию фундаментальных ценностей, таких как запрет пыток, отмена всеобщего обязательного призыва в армию и переход на контрактную военную службу (см. «Конституция свободных людей»⁶);

⁶ Конституция свободных людей vs Путинская конституция. М. РОДП «ЯБЛОКО», 2020. – 218 с.

С. 155

С. 172

⁷ Преодоление сталинизма. М., РОДП «ЯБЛОКО», «КМК», 2009. – 160 с.

С. 52

- масштабная политическая работа по созыву и проведению Учредительного собрания с участием всех политических сил России, которые могли бы представить свои предложения о государственном устройстве — от конституционной монархии до парламентской республики, а также предложить для обсуждения проекты конституционных актов. В ходе широкой и многоплановой дискуссии, всенародного обсуждения, публичных и профессиональных политических дебатов, с учетом мнения граждан будут выработаны ключевые нормы, которые в дальнейшем могут быть приняты Учредительным собранием. Очевидно, что подготовка такого Учредительного собрания — многолетняя процедура, что борьба за созыв такого органа будет очень непростой. Однако возвращение России к реальной легитимности и прекращение вековой государственной лжи и насилия — важнейшая историческая задача (см. **«Ложь и легитимность»**, 2011; **«Февральские параллели»**, 2007);
- непрерывная всесторонняя политическая и просветительская работа по разъяснению необходимости государственно-общественной оценки большевизма, сталинизма и всего советского периода. Без преодоления сталинистско-большевистского наследия демократизация страны невозможна. Большевизм будет возвращаться в форме неობольшевизма, постмодернизма, «текучего зла» (см. **«Преодоление сталинизма»**⁷; **«Большой террор и современный большевизм»**, 2017);

- разработка программы экономических реформ, включающей в себя безусловное закрепление права частной собственности; существенное снижение роли и объема присутствия государства в экономике; повышение конкуренции и демонаполизацию; оптимизацию налоговой и денежной политики; отказ от консервации ресурсов для чрезвычайных обстоятельств (вооруженных конфликтов и других конфронтаций); комплекс мер, опирающийся на активные классы общества — промышленную элиту, финансовые круги, предпринимателей; система мер по отделению власти от бизнеса и собственности, то есть устранение главной причины краха постсоветской модернизации — слияния власти и собственности⁸;
- разработка судебной реформы и реформы ФСИН, подготовка изменений в Уголовный кодекс; освобождение СМИ от тотального государственного контроля; совершенствование системы миграционного контроля, создание института адаптации мигрантов, защита прав мигрантов⁹;
- подготовка реформы избирательной системы¹⁰;
- реализация мер по нормализации внешнеполитического положения России (Крым, Донбасс, Сирия), комплекса политических мер по выходу из режима санкций¹¹;
- создание национальной экологической программы, направленной на снижение климатических рисков, которые все больше становятся определяющим фактором для долгосрочных перспектив экономики и жизни страны;

С. 120

⁸ Явлинский Г. А. **Необходимость и способы легитимизации крупной частной собственности в России: постановка проблемы.** «Вопросы экономики», № 9, 2007;

Явлинский Г. А. Рецессия капитализма. ГУ ВШЭ, 2014;

Явлинский Г. А. Перспективы России. Экономический и политический взгляд, «Галлея-Принт», 2006;

Явлинский Г. А. Стимулы и институты. ГУ ВШЭ, 2007.

⁹ Ганнушкина С. А., Почему жители России просят убежище в Европе?, 2019;

Пандемия способствовала освобождению из ЦВСИГ 50% мигрантов, 2020.

¹⁰ Дубровина Е. П., Предложения по реформированию избирательной системы Российской Федерации, 2019.

¹¹ Спецпроект «А Крым наш?»;

Явлинский Г. А., **Урегулирование на Донбассе,** 2010;

Явлинский Г. А. **Война в Сирии: то, о чем надо помнить,** 2019;

Арбатов А. Г. Коронавирус уйдет, а ядерное оружие останется, 2020.

С. 191

С. 194

- формирование, обучение и подготовка корпуса политических кадров новой эпохи — людей, чьи ценностные ориентиры будут принципиально отличаться от образа мысли и действия возвращенных путинской системой функционеров.

Иначе говоря, после 1 июля 2020 года главной задачей является подготовка, политическая артикуляция и продвижение полного комплекса мер по построению нового российского государства. Эта задача сродни тому, что предполагалось сделать после завершения советского периода, но сделано не было (либо было, но с грубыми, а иногда и преступными ошибками). Понимание допущенных ошибок и причин краха постсоветской модернизации чрезвычайно важно.

НОВЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ

События самого последнего времени высветили еще одно следствие провала постсоветской модернизации — плоды политической деградации общества. Суть в том, что абсолютно справедливое недовольство людей действиями властей проявляется не через политику — не путем осознанного отказа поддерживать абсурдные поправки в Конституцию в 2020 году, не путем голосования против Путина на выборах в 2018 году и даже не с помощью протеста против пенсионной реформы. Вместо этого народное недовольство выплескивается посредством спонтанных массовых акций в поддержку популярного в своем регионе чиновника из криминальной ЛДПР, что трактуется значительной частью столичных оппозиционных активистов как начало демократического движения против тирании.

Это результат длительного политического оболванивания населения России с помощью пропаганды, вовлечения людей в эйфорию «крымской весны», разжигания войны на востоке Украины, участия в войне в Сирии,

постоянной государственной лжи по всем существенным вопросам. При такой интенсивной и агрессивной промывке мозгов чрезвычайно сложно вести политическую работу, направленную на просвещение, объяснение и убеждение граждан в необходимости переоснования государства и преобразований, основанных на институционализации ценностей, построении современной демократической государственности.

Мы все чаще сталкиваемся с ошибочным представлением о том, что политическая мысль не нужна, что политика — это только персонализированная схватка за власть, что настоящее действие — это только выход на митинги, а настоящая демократия вырастет из уличной активности сама собой.

Нет, не вырастет. Крах постсоветской модернизации это доказывает. Ни Триумфальные, ни Болотные и Пушкинские не смогли задать политический вектор уличному протесту. Даже самым массовым выступлениям необходимо содержание, четко сформулированные политические требования к власти и лидеры (см. **«Активизм и политика»**, 2019). Если общество отвыкло или не хочет говорить сложно о сложном, значит, Путин и путинская Конституция победили, кто бы ни был хозяином Кремля.

С.78

Необходимо предлагать людям идейно четкую, ценностно ориентированную программу либерально-демократических (в истинном смысле этих слов) преобразований, а не стремиться с помощью манипулятивных технологий и любыми средствами «оседлать» протестную стихию.

Демократическая мысль обязательно должна присутствовать в общественно-политическом пространстве. Инициировать и поддерживать такой дискурс гораздо сложнее, чем кричать «долой Путина!» или вести бессодержательные споры о том, кто и как обслуживает режим или «сливает» протест.

Создание интеллектуальной альтернативы, генерирование политической мысли, программное, содержательное наполнение политических лозунгов — это и есть то самое действие, о необходимости которого многие рассуждают. Но совсем немногие заняты реализацией этого действия.

В новых условиях ключевой целью становится переоснование государства: созыв Учредительного собрания и строительство современной страны на основе легитимной и по-настоящему народной Конституции.

Что же касается массовой активности, то совсем недавно, в 2014 году, мы наблюдали кратковременную, но вполне искреннюю активность, которая была сродни массовому помешательству, — так называемую крымскую весну, напористо и агрессивно поддержанную всеми парламентскими партиями и их электоратом. Это стало возможным в том числе потому, что людей последовательно отучали от политической мысли.

ДОСТИГНУТЬ ПРАКТИЧЕСКИХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Особого разговора заслуживает вопрос о практической реализации выработываемых мер. Опыт последних тридцати лет убедительно показал, что политическая оппозиция не должна выступать в роли советника или консультанта властей, такая деятельность крайне малоэффективна. Необходимо политическое принуждение власти к диалогу с оппозицией. Оппоненты авторитарной власти должны вести с ней жесткий и очень конкретный диалог с позиций проработанной демократической альтернативы — идейной, программной и политической. Поддержка такого процесса в нынешних условиях будет для мыслящих и ответственных граждан

серьезным политическим шагом, осмысленным гражданским действием, выражением протестной позиции. Именно последовательное и содержательное давление на власть со стороны политически организованного гражданского общества, а не только стихийные уличные выступления, какими бы массовыми они ни были, откроет путь сначала к серьезному обсуждению актуальной повестки дня в широких кругах общества, а затем — через формат «круглого стола» с властью — к реальным переменам в стране и смене власти.

Три ключевых элемента, необходимых для практической и успешной (!) реализации новой политики:

- актуальная профессиональная программа действий по выводу страны из кризиса и эффективным реформ;
- лидер, способный вести на равных профессиональный диалог с властями по политическим и социально-экономическим требованиям, располагающий высококвалифицированными кадрами и опирающийся на эффективную политическую партию;
- не менее миллиона активных сторонников в стране.

Если не работать над содержанием альтернативы, не инициировать широкий общественный дискурс, не принуждать власть к диалогу, то никаких изменений добиться будет невозможно, какие бы персональные перестановки и ситуационные перевороты во власти ни происходили. Ни пикеты и митинги, ни даже революции не помогут. За тридцать постсоветских лет властью было предпринято столько преступных шагов, что цепочка беззакония предопределена на долгие годы вперед. Такова логика политического процесса. Если в 2014-м Кремль мог провести на территории иностранного государства «референдум о статусе Крыма», то почему в 2020-м нельзя было устроить у себя в стране плебисцит по одобрению слома Конституции и продлению правления Путина до 2036 года? Поэтому совершенно бесполезно рассуждать о том, что что-то «неправильно посчитали».

Тем, кто намерен серьезно заниматься демократической политикой после 1 июля 2020 года и задается вопросом «а делать-то что?», конкретный ответ такой:

- учиться «жить не по лжи» в публичной жизни, говорить правду о нашей стране: о политике, экономике, социальной сфере, культуре;
- защищать и отстаивать право на жизнь и свободу, приоритет личности, равенство перед законом, уважение к человеку, жизнь без страха, свободу творчества, равенство возможностей;
- строить современную политическую партию и практиковать современную публичную политику, готовить политические кадры;
- активно бороться за необратимое преодоление сталинизма и большевизма;
- разрабатывать и предъявлять обществу перспективную всеобъемлющую программу реформ;
- бороться против идеологии реванша, национализма, шовинизма, популизма и политических спекуляций;
- защищать граждан от цифровой диктатуры.

Да, эпоха постсоветской модернизации России завершилась поражением. Однако конец проигранной эпохи именно сейчас надо превратить в начало новой — эпохи строительства Новой России. Для этого нужен новый способ действия, другие приоритеты и принципиально иная политика, тезисы которой изложены в этой статье.

СТАТЪИ

Опасность войны

Сайт Григория Явлинского, 07.12.2019

На одном из последних заседаний Совета безопасности России президент в который раз рассказывал о приближении НАТО, «милитаризации космоса», расширении международного «ракетно-ядерного клуба». Главный вывод: необходимо форсировать «развитие военного потенциала» и производство новых типов оружия.

Совбез России — орган, осуществляющий подготовку решений президента по вопросам защиты ключевых жизненных интересов личности, общества и государства от наиболее существенных угроз. Однако главный жизненно важный интерес, касающийся всех граждан России, — необходимость сохранения и поддержания мира — в практической плоскости не обсуждается. Вместо этого президент ищет объяснения и причины, придумывает поводы¹ для гонки вооружений.

¹ «Ядерный клуб» не расширился с момента вхождения в него КНДР в 2006 году.

Путин строит свою политику не на предотвращении войны, а на подготовке к ней.

Ракета SSC-8 (9M729), к которой на Западе предъявляют претензии касательно возможного нарушения ДРСМД

Фото: РИА Новости/Владимир Астапкович

Конечно, российский президент не один такой в мире. Изоляционизм и национализм Дональда Трампа привели к серьезному осложнению глобального контекста, сузили горизонты политического мышления. Международные усилия по поддержанию мира в него просто не вмещаются. Если в конце XX века угроза ядерной войны считалась наиболее существенной, теперь, не став менее страшной, она забалтывается, заслоняется на политическом уровне разного калибра амбициями и потому все больше превращается в реальную опасность войны.

Россия играет в этом процессе едва ли не ведущую роль. Владимир Путин ничего не делает для сохранения мира. Наоборот, президент России активно и настойчиво ведет дело к полномасштабной гонке вооружений (видео «Путин ведет Россию к большой войне» <https://youtu.be/INiyDutO-lo>, февраль 2018). Собственно, тональность разговора на заседании Совбеза не новость, а следствие и продолжение многолетних упражнений в милитаристской риторике. И это при том, что по военным расходам Россия примерно в десять раз уступает США и в пять раз Китаю. Уже сейчас гонка вооружений сказывается на финансировании российских систем образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения.

НЕБЫВАЛАЯ УГРОЗА

Российские политики, военные и эксперты жалуются на американцев, которые больше не хотят связывать себя никакими договорами и рассчитывают скорее на собственную ПРО и ядерное оружие, чем на систему международных соглашений. Однако популистская эксплуатация этой темы, бряцание ядерным арсеналом — одна из базовых черт и российской официальной политики последнего времени.

В своей программной статье перед очередным переизбранием в 2012 году кандидат в президенты Путин подчеркивал: «Мы ни при каких условиях не откажемся от потенциала стратегического сдерживания и будем его укреплять... До тех пор, пока “порох” стратегических ядерных сил, созданных огромным трудом наших отцов и дедов, остается “сухим”, никто не посмеет развязать против нас широкомасштабную агрессию²».

² Путин В. В. Быть сильными: гарантия национальной безопасности для России. Российская газета, 20.02.2012.

³ Там же.

Под прикрытием этих красивых предвыборных метафор стала осуществляться грандиозная программа перевооружения всех трех компонентов стратегических ядерных сил (в том числе обещанные Путиным развертывание 400 новых межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и строительство восьми атомных стратегических подводных лодок³).

В августе 2014 года, выступая на прокремлевском молодежном форуме «Селигер», президент России озвучил прямую угрозу: «Наши партнеры, в каком бы состоянии ни находились их государства и какой бы внешнеполитической концепции они ни придерживались, должны понимать, что с нами лучше не связываться. Что касается возможного вооруженного конфликта... Я хочу

напомнить, что Россия является одной из наиболее мощных ядерных держав. Это не слова, это реалии. Более того, мы укрепляем наши силы ядерного сдерживания, мы укрепляем наши вооруженные силы»⁴. В марте 2015 года немалый ажиотаж в мире вызвал документальный фильм «Крым. Путь на Родину», в котором, отвечая на вопрос журналиста, были ли приведены в готовность ядерные силы РФ во время «крымской весны», Путин признался: «Мы готовы были это сделать»⁵.

⁴ Выступление В. Путина на Всероссийском молодежном форуме «Селигер-2014». 29.08.2014.

⁵ Владимир Путин: мы действовали в интересах русских людей и всей страны, ТАСС, 16.03.2015.

При этом, даже если исходить из того, что разговоры — это только разговоры и основная их цель — напомнить контрагентам, что они имеют дело с ядерной державой, частота упоминания ядерного оружия в выступлениях российского руководства по острым политическим вопросам и контекст, в котором это происходит, очень показательны. Они влияют на мышление и постепенно сдвигают рамки возможного.

Выступая в октябре 2018 года в Сочи, президент Путин неожиданно сформулировал центральную часть оборонной доктрины России следующим образом: «<...> В нашей концепции применения ядерного оружия нет превентивного удара. И я прошу всех здесь присутствующих и всех, кто будет потом каждое слово из того, что я скажу, анализировать и так или иначе использовать в своих собственных изложениях, иметь в виду: у нас нет в нашей концепции использования ядерного оружия превентивного удара. Наша концепция — это ответно-встречный удар. <...> Это значит, что мы готовы и будем применять ядерное оружие только тогда, когда удостоверимся в том, что кто-то, потенциальный агрессор, наносит удар по России, по нашей территории. Никакой тайны вам не расскажу: у нас создана система, и мы ее совершенствуем постоянно, она нуждается в совершенствовании — СПРН, система раннего предупреждения о ракетном нападении. То есть эта система фиксирует в глобальном масштабе, какие старты стратегических ракет из Мирового океана, с какой-то территории произведены. Это первое. И второе — она определяет

траекторию полета. Третье — район падения головных частей ядерного оружия. И когда мы убеждаемся (а это все происходит в течение нескольких секунд), что атака идет на территорию России, только после этого мы наносим ответный удар. <...> Конечно, это всемирная катастрофа, но я повторяю: мы не можем быть инициаторами этой катастрофы, потому что у нас нет превентивного удара. <...> Агрессор все равно должен знать, что возмездие неизбежно, что он будет уничтожен. А мы жертвы агрессии, и мы, как мученики, попадем в рай, а они просто сдохнут, потому что даже раскаяться не успеют»⁶.

⁶Выступление В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», 27.10.2018.

Эта концепция известна давно и означает, что политическому руководству нужно принять решение о конце света за четыре-пять минут — на основе противоречивой информации от военных, в состоянии стресса, под огромным психологическим давлением. Между тем в истории было много примеров ложной тревоги, переданной со спутников раннего предупреждения, и ошибочной интерпретации информации, полученной с наземных радаров. Но до сих пор это случалось в мирное время, а что будет, если ошибка произойдет в условиях кризиса или даже начавшегося локального военного конфликта? К тому же системы раннего предупреждения уже в ближайшем будущем могут стать объектом атаки противоспутниковых систем или кибердиверсии.

Примечательно, что сегодня крупные инвестиции делаются в такие дорогостоящие системы с высоким выживанием, как подводные лодки с баллистическими ракетами и мобильные МБР наземного базирования. Эти системы более всего рассчитаны на так называемый «глубокий ответный удар», то есть ориентированы на запуск «без спешки» — когда после подрыва ядерных боеголовок противника на своей территории уже не осталось никаких сомнений в факте нападения. В этом случае ракеты шахтного базирования, скорее всего, будут поражены, но останутся мобильные наземные установки, ракеты на подводных лодках и на поднятых в воздух бомбардировщиках (всего как минимум 400–500 боеголовок), не говоря

об оперативно-тактических ядерных средствах (около 2000 боеголовок), нацеленных на Европу и Азию.

Вполне возможно, что после денонсации Договора о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД) и в ответ на российские ракеты 9М729 — те самые, из-за которых Запад обвиняет Россию в нарушении этого договора, — американцы начнут разворачивать свои новые ракеты средней дальности в странах НАТО, в непосредственной близости от России. В Европе есть энтузиасты, готовые разместить натовский арсенал: это прежде всего Польша, Румыния, страны Балтии. Подлетное время баллистической ракеты из Эстонии и Латвии до Москвы — четыре-пять минут. Это создает небывалую угрозу нашей безопасности: противник может нанести по России и обезглавливающий, и обезоруживающий удары. В такой ситуации как у противника, так и у нас все чаще озвучиваются идеи нанесения упреждающего удара⁷. Поэтому любой острый политический кризис, связанный с Россией, может привести к самым серьезным последствиям. Ситуация стремительно развивается в этом направлении.

⁷ См. интервью генерал-полковника В. И. Есина, который сказал: «Если американцы все-таки начнут разворачивать свои ракеты в Европе, нам ничего не останется, как отказаться от доктрины ответно-встречного удара и перейти к доктрине упреждающего удара». Еженедельник «Звезда». 09.11.2018.

Со стороны США речь может идти о создании усовершенствованных вариантов систем «Першинг-2» с маневрирующими гиперзвуковыми боеголовками (видимо, включенных в программу научно-конструкторских работ с ассигнованиями в 60 млн долл.). Ввиду короткого подлетного времени или особой траектории таких ракет (включая гиперзвуковые системы) это подорвет российскую концепцию ответно-встречного удара и заставит Россию с огромными затратами повышать живучесть ядерных сил и их информационно-управляющей системы. США готовы к гонке вооружений, причем уже с учетом новейших российских программ (тяжелых межконтинентальных ракет «Сармат», гиперзвуковых систем типа «Авангард», ядерных торпед большой дальности «Посейдон» или межконтинентальных атомных крылатых ракет «Буревестник»), обнародованных в президентском послании Федеральному собранию от 1 марта 2018 года. Независимо от судьбы ДРСМД Вашингтон планирует внедрять ядерные вооружения с пониженной мощностью боезарядов для «ограниченных ударов», а затем, с середины 2020-х годов, приступить к полному обновлению своей стратегической триады на основе ассигнований свыше 1 трлн долл. для развертывания новых систем на смену нынешним МБР, БРПЛ и тяжелым бомбардировщикам.

Но в российском обществе эта тема даже не обсуждается.

«КРОКОДИЛОВЫ СЛЕЗЫ»: ПОИСК ВИНОВАТЫХ

В уходящем году продвижение к опасной перспективе набирало обороты. Крупный практический результат — разрушение ДРСМД.

Теперь в России заговорили об обеспокоенности развалом «архитектуры системы контроля над вооружениями». Об этом говорит директор Службы внешней разведки России, об этом пишет секретарь Совета безопасности РФ, об этом рассказывает Путин.

Но ведь все это произошло не на пустом месте и вовсе не по воле одного Вашингтона. Полезность ДРСМД в течение последнего десятилетия регулярно оценивалась скептически высшим российским руководством⁸ и прямо отвергалась многими представителями военного истеблишмента. В высшей степени показательно официальное отношение к ДРСМД выразилось в том, что в издании «Концепции внешней политики» от 2016 года договор даже не упомянут в перечне соглашений по контролю над вооружениями, которым привержена Россия⁹.

⁸ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики и безопасности, 10.02.2007, Мюнхен. См. Литовкин Д. Адекватный «Искандер», Известия, 21.02.2007.

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена президентом РФ В. Путиным 30.11.2016), раздел 27.

И это неудивительно, поскольку главным сторонником отказа от ДРСМД является сам Владимир Путин. Выступая на коллегии Минобороны в декабре прошлого года, президент заявил, что заключение ДРСМД в 1987 году было для СССР «фактически односторонним разоружением», а зачем руководство страны на него пошло — «одному богу известно».

Свою оценку Путин основывал на данных о том, что на момент подписания договора США имели крылатые ракеты средней дальности морского и воздушного базирования (КРМБ и КРВБ), тогда как СССР обладал только системой наземного базирования (КРНБ), которую и запретил договор. Но в действительности дело обстояло как раз наоборот: начиная с 1983–1984 гг. были приняты на вооружение советские морские ядерные крылатые ракеты средней дальности С-10 «Гранат» и крылатые ракеты воздушного базирования Х-55, тогда как наземная система (РК-55 «Рельеф») еще не была введена в боевой состав и размещалась на складском хранении (в количестве 80 единиц) ко времени подписания ДРСМД. А США к тому моменту уже развернули в Западной Европе 320 таких средств (BGM-109G), которые затем уничтожили по условиям договора. Хотя СССР ликвидировал 1846 ракет разных типов, ни одна из них не могла достичь американской территории, поэтому напрямую договор не укреплял безопасность самих США, а лишь устранял ядерную

угрозу для их союзников по НАТО и американских баз в Европе и Азии. Со своей стороны, Соединенные Штаты уничтожили 846 ядерных ракет средней дальности, причем все они могли нанести удар с коротким подлетным временем или на низких траекториях и опустошить всю европейскую часть СССР, а также уничтожить защищенные подземные командные центры военно-политического руководства. Поэтому для Москвы ДРСМД стал фактически первым соглашением о глубоком (почти на тысячу боеголовок и носителей) сокращении стратегических наступательных вооружений со стороны США.

Президентское высказывание не было случайным. Еще в 2006–2007 годах российские политические и военные чиновники заговорили о возможном выходе из договора.

Путин в своей мюнхенской речи в феврале 2007-го указал на создание ракет средней дальности рядом третьих стран, тогда как только России и США было запрещено иметь системы этого класса¹⁰. О том же неоднократно говорил занимавший тогда пост министра обороны Сергей Иванов (после 2012 года Иванов уже в качестве главы администрации президента поднимал вопрос о выходе из договора). В том же 2007 году начальник Генштаба того времени генерал армии Юрий Балуевский мотивировал возможный выход России из ДРСМД планами США развернуть к 2012 году объекты ПРО в Польше и Чехии¹¹. В такой трактовке ракеты средней дальности были нужны России не для сдерживания третьих стран, а для использования против США и НАТО.

Потом президентом США стал Барак Обама, и в 2009 году новая администрация отменила программу республиканских предшественников, заменив ее «Европейским поэтапным адаптивным планом» (ЕПАП) развертывания ПРО. А в 2013 году Обама отменил четвертый этап названной программы, который вызывал наибольшее беспокойство в России¹².

¹⁰ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики и безопасности, 10.02.2007, Мюнхен.

¹¹ См. Литовкин Д. Адекватный «Искандер», Известия. 21.02.2007, Сафранчук И. Путаница военно-дипломатических азимутов, Независимая газета. 26.02.2007.

¹² На четвертом этапе предполагалось развернуть «продвинутую» модификацию ракет-перехватчиков «Стандарт» — SM-3 Блок IIБ (SM-3 Block IIБ) повышенной скорости и дальности действия на кораблях и наземных базах в Восточной Европе, что теоретически могло создать относительно большие возможности перехвата российских межконтинентальных ракет.

Однако в Москве эту уступку сочли недостаточной. В 2012–2016 годах Путин отверг все предложения США продлить срок действия Договора СНВ-3 после 2021 года и тем более заключить следующий договор по сокращению стратегических вооружений. Летом 2016-го Москва не проявила интереса к предложению Вашингтона заключить следующий договор о снижении потолка на боезаряды с 1550 до 1000 единиц. При этом приводимые российской стороной резоны: развертывание ПРО в Европе, высокоточные обычные вооружения США, расширение военной инфраструктуры НАТО — на фоне нарастающей опасности ядерной войны были не причинами, а скорее предложениями, призванными оправдать устойчивое желание России отделаться от договора и перековать систему ядерного сдерживания на свой лад.

Таким образом, в течение более чем десяти лет ДРСМД был в нашей стране исключительно объектом критики. На самом высоком уровне утверждалось, что России нужны такие ракеты — то против третьих стран, то против объектов ПРО США в Европе и других баз НАТО¹³. Такая позиция (и в первую очередь лично президента Путина) создала необходимый контекст для ликвидации ДРСМД. На пресс-конференции 20 декабря 2018 года Путин заявил, что отказ от ДРСМД — это «очень плохо», так как он подводит человечество к «опасной черте». Но чтобы сделать диалог невозможным, российский президент добавил: «Пусть потом не пищат по поводу того, что мы добиваемся каких-то преимуществ. <...> То же самое по Договору СНВ-3, в 2021 году он заканчивает существование. Никаких переговоров пока не ведется по этому вопросу. Неинтересно, не нужно — ладно, мы проживем. Мы свою безопасность обеспечим. Мы знаем, как это сделать»¹⁴.

¹³ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики и безопасности, 10.02.2007, Мюнхен. См. Литовкин Д. Адекватный «Искандер», Известия. 21.02.2007, Сафранчук И. Путаница военно-дипломатических азимутов, Независимая газета. 26.02.2007.

¹⁴ Большая пресс-конференция Владимира Путина, 20.12.2018.

Между тем шансы на спасение ДРСМД были — если бы не затягивали политическое позиционирование по принципу «не хотите — и нам не надо»*. При заинтересованности в сохранении ДРСМД это можно было сделать в течение нескольких недель.**

- * Образно выражаясь, позиции двух держав по огромной проблематике ДРСМД и всего стоящего на нем здания контроля над ядерным оружием разделяло всего 53 сантиметра — такова разница в длине пускового контейнера старой и новой российской крылатой ракеты. США относят ее на счет увеличенного топливного бака и большей дальности ракеты 9М729, чем это разрешено по договору (500 км), а Россия объясняет это различие более крупной секцией боеголовки и блока управления. Пройти эти 53 см с обеих сторон можно было без ультимативных требований — через согласование проверки технических особенностей этой системы (величины топливного бака) без раскрытия военных секретов.
- ** В прошлом подобные решения находили и по более деликатным военно-техническим вопросам. В сфере контроля над ядерным оружием не действует общая правовая норма о презумпции невиновности. Сто- рона, которую, оперируя фактами и цифрами, обвиняют в нарушении соглашения, должна доказать бес- почвенность таких претензий, причем тоже на фактической основе. Точно так же США не могут отделаться вербальными заверениями, а обязаны предоставить России технические доказательства того, что в пуско- вых установках (ПУ) ПРО в Румынии и Польше не могут размещаться крылатые ракеты типа «Томагавк», как это имеет место на их боевых кораблях в универсальных пусковых установках типа Mk-41. Если таких дока- зательств нет, ПУ должны быть соответственным образом технически модифицированы или демонтированы. Как минимум следует договориться о возможности регулярных российских инспекций на местах с коротким временем предупреждения с целью удостовериться в отсутствии крылатых ракет на базах ПРО.

В январе 2019 года российская сторона сде- лала очередной пропагандистский жест. За- рубежным экспертам показали контейнеры новой крылатой ракеты 9М729 «Новатор» для сравнения с прежней системой 9М728 «Искан- дер»¹⁵. Но, судя по всему, американская сторо- на сочла недостаточно убедительным показ за- крытых пусковых контейнеров с надписями на наклеенных листках. Заместитель генерального секретаря НАТО Роуз Гетемюллер в октябрь- ском интервью «Коммерсанту» прямо заявила: «Там не было предоставлено никакой полезной информации».

¹⁵ Минобороны провело брифинг для иностранных военных атташе с пред- ставлением ракеты 9М729 комплекса «Искандер-М».

Безусловно, часть вины за разрушение системы контроля над вооружениями лежит на США. Еще в декабре 2001 года Джордж Буш-младший заявил о выходе Соединенных Штатов в одностороннем порядке из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО), что и было сделано в 2002 году. Этот договор действовал три десятилетия и являлся важным сдерживающим фактором в стратегических отношениях СССР и Запада. Следующий (нынешний) республиканец в Белом доме, судя по всему, также не укрепляет мировую безопасность: инициативы Дональда Трампа опасны во многих отношениях, и вопросы разоружения не исключение. Более того, применяя к вопросам ядерного разоружения свой принцип минимума обязывающих соглашений, Трамп явно не учитывает специфику темы, масштаб и необратимость возможных последствий.

Выход США из ДРСМД создает угрозу большой войны в Европе. Однако американцы исходят из того, что США гораздо менее досягаемы для ядерной атаки, чем Россия. На уровне аналогичных вооружений (будь то модифицированные для наземного базирования морские ракетные системы типа «Калибр», авиационные ракеты «Кинжал» или новые гиперзвуковые ракеты средней дальности) российский ответ подорвет безопасность не США, а их союзников в Европе и Азии. Но даже если Россия разместит ракеты средней дальности на Камчатке и Чукотке, под прицелом можно будет держать только Аляску и часть американских северо-западных штатов, которые в военно-политическом смысле отнюдь не равноценны европейскому центру России, Уралу и Западной Сибири. Однако Кремль сегодня исходит из того, что в российском арсенале есть и другие вооружения, которые, как предполагается, могут достичь практически любой точки территории США.

Таким образом, создается тревожное впечатление, будто президент России искренне убежден в том, что Россия окружена смертельными врагами и внешняя политика — это всего лишь продолжение войны (которая вовсе не закончилась), только другими способами. Поэтому у Путина не было и нет политической воли

поддерживать мир через разоружение и взаимодоверие, а есть лишь две цели: изо всех сил вооружаться и пропагандистски возложить ответственность на других¹⁶. На самом деле это называется подготовкой к войне.

¹⁶ MacFarquhar N. Russia Shows Off New Cruise Missile and Says It Abides by Landmark Treat. The New York Times. 23.01.2019.

КАК ИЗБЕЖАТЬ КАТАСТРОФЫ?

Профессионалы знают, чего надо добиваться в следующем соглашении по СНВ: обеспечения контроля над авиационными ядерными крылатыми ракетами и авиабомбами тяжелых бомбардировщиков, включения в общие потолки межконтинентальных крылатых ракет наземного базирования, а также межконтинентальных ракетно-планирующих гиперзвуковых систем, независимо от вида их боеголовок. Таким образом, можно для начала косвенно ограничить средства, опасно снижающие порог применения ядерного оружия. Новое соглашение должно охватывать частично-орбитальные МБР и автономные подводные аппараты большой дальности. Наряду с этим необходимо согласовать меры транспарентности и разграничения систем ПРО на стратегическую (глобальную) оборону от межконтинентальных баллистических ракет и региональные системы ПРО и ПВО для защиты от баллистических и крылатых ракет средней и малой дальности. Это нужно для того, чтобы ограничить первую и развивать последнюю. Параллельно следует инициировать переговоры по космическим вооружениям, начав с запрещения испытаний любых противоспутниковых систем. Необходимо также перейти к диалогу о взаимном отказе от средств и методов кибератак против стратегических информационно-управляющих систем друг друга.

Однако ничего подобного нынешнее руководство России делать, похоже, не намерено. Сейчас Россия предлагает США продлить Договор СНВ-3 (его действие прекратится в 2021 году) не на пять лет, как предусмотрено

в соглашении, а на менее продолжительный срок. Слабое предложение. Многолетние политиканские игры вокруг вопросов жизни и смерти привели к тому, что теперь на скорую руку приходится предпринимать хотя бы что-нибудь.

Если бы с этим важнейшим вопросом работали системно все последние годы, имея в виду, что сроки действующего документа истекают, если бы упорно вели переговоры о новом договоре СНВ, тогда гораздо легче было бы сейчас продлить текущий СНВ-3. Но вместо этого все отвергали, выдвигали разные условия: «ПРО», «расширение НАТО», «санкции»... А о продлении соглашения не говорили. В общем, самоутверждались. Теперь же проснулись и занялись пиаром, пытаясь показать, какие американцы плохие. Как будто в этом дело.

Неудивительно, что теперь российские официальные лица признают, что заменить договор СНВ-3 до истечения срока действия его текущего варианта не удастся*.

* Москва готова продлить договор СНВ-3 менее чем на пять лет. Ведомости, 01.12.2019.

Причин несколько.

Во-первых, опасность прекращения действия ДРСМД и Договора СНВ-3 и, как следствие, нового витка гонки вооружений настолько велика и актуальна, что ситуация требует принципиально новых внешнеполитических подходов и качественной современной дипломатии. Речь идет о такой дипломатии, где во главу угла ставится не пропагандистское прикрытие политики начальства и «разводка» оппонентов, а настойчивый поиск взаимовыгодных компромиссов по сложнейшим проблемам, включая контроль над ядерным оружием. Однако ни сегодняшнее политическое руководство, ни российская дипломатия ни на что серьезное в этом критически важном вопросе неспособны.

Во-вторых, Путин настолько привык относиться к ядерному оружию как к атрибуту власти, главному доводу в любом международном споре, что будет и дальше использовать соответствующую риторику для латания дыр в российской внешней политике и поддержки собственного имиджа. В Кремле, вероятно, считают это действенным способом утверждения статуса великой державы в отсутствие каких-либо успехов в экономике и социальных вопросах. Но именно гонка вооружений и конфронтация с передовыми государствами мира в значительной мере тянут экономику вниз.

В-третьих, надо учитывать милитаризацию внутривнутриполитической повестки дня и в целом атмосферы в стране. На это оказывают влияние, с одной стороны, войны, в которых участвует Россия, и конфронтация с Западом, а с другой — растущая нестабильность власти и развивающаяся борьба группировок за сохранение/перераспределение ресурсов и полномочий. Отказ от риторики ядерного превосходства и курс на реальное разоружение в этом контексте будут расценены противоборствующими группировками как недопустимая слабость — тут же появятся желающие поднять брошенное «знамя».

В таких условиях современному российскому государству нет дела до главного долга перед народом — обеспечения прочного мира, благосостояния и защиты прав граждан.

Между тем безопасность и мир — принципиальная ответственность России. И вместо того чтобы провоцировать напряженность, участвуя в различных международных аферах и чуть что грозя ядерным оружием, президент России обязан направить все силы на сохранение мира и подписание требуемых для этого договоров. Существует абсолютно настоятельная необходимость как можно скорее вернуться к переговорам о контроле над ядерными вооружениями. Это прямая обязанность Путина перед российским народом. Такая острая необходимость и срочность обусловлены тем, что из-за политической близорукости и безответственности нынешних лидеров России и США от режима ядерного сдерживания скоро ничего не останется.

Америка отказалась от договора по противоракетной обороне 1972 года еще в 2002-м. Недавно Трамп развалил ядерную сделку с Ираном. Ядерная программа и ракетные испытания продолжаются в КНДР. Российская политика привела к ликвидации ДРСМД. Договор об ограничении СНВ, подписанный в 2010 году, может утратить силу в начале 2021-го (если США и Россия не договорятся о продлении). Этот договор остался единственным российско-американским документом, ограничивающим число развернутых в двух странах ядерных боезарядов и межконтинентальных баллистических ракет, а также предусматривающим обмен данными и взаимные инспекции.

«США и Россия пребывают в состоянии стратегической нестабильности: случайность или сбой могут привести к катаклизму, — отмечает влиятельный журнал *The Foreign Affairs*¹⁷. — Со времен Карибского кризиса 1962 года риск конфронтации с применением ядерного оружия не был так высок, как сегодня. Но в отличие от времен холодной войны обе стороны намеренно закрывают глаза на опасность». Отказ от контроля над вооружениями приведет к распаду Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), в результате чего новые государства захотят заполучить ядерное оружие.

¹⁷ Ernest J. Moniz and Sam Nunn, *The Return of Doomsday*, *The Foreign Affairs*, 06.08.2019 (русский перевод — globalaffairs.ru, авторы — Эрнст Мониц, бывший министр энергетики США в администрации президента Барака Обамы, и Сэм Нанн, сенатор от штата Джорджия с 1972 по 1997 год).

В 2020 году исполняется 75 лет бомбардировкам Хиросимы и Нагасаки. Жизненно важно всем вспомнить, что это такое.

В российских условиях для достижения гарантий мирной жизни обществу самому необходимо участвовать в политике, становиться субъектом политики и бороться за смену власти. Предстоящий в 2024 году так называемый транзит власти особенно опасен усилением всесторонней конфронтации России с Западом и даже угрозой полномасштабной войны: среди тех, кто борется за власть в Кремле, достаточно сторонников такой политики, при которой до ядерной катастрофы — один шаг. Чтобы не допустить этого, обществу необходимо прямо и непосредственно участвовать в политике, прежде всего бороться против угрозы войны (подробнее см. **«Активизм и политика»**).

 С. 78

Один из самых авторитетных философов и социологов современности Зигмунт Бауман писал, оценивая опыт прошлого и начала нынешнего века: «Похоже, только случившаяся катастрофа дает возможность распознать и признать (увы, лишь задним числом) ее приближение. Трудно себе представить более тревожную идею»¹⁸.

¹⁸ Бауман З., Донскис Л. Текущее зло. СПб., Издательство Ивана Лимбаха, 2019, с. 91.

Ядерная катастрофа не оставит даже возможности запоздалой рефлексии.

Автор благодарит академика А. Г. Арбатова за предоставленные материалы и рекомендации, высказанные при подготовке статьи.

Большой террор и современный большевизм

Сайт Григория Явлинского, 15.08.2017

80 лет прошло с начала Большого террора. Говорят, зачем об этом твердить вновь и вновь, ведь все уже сказано, а актуальные политические темы — другие. О репрессиях говорили Хрущев, Горбачев, Ельцин и даже Путин. Сказали, что «нехорошо» это было. Приняли законы о реабилитации жертв. Установили Соловецкий камень близ Лубянки. Может быть, скоро и памятник жертвам репрессий где-то в Москве поставят... «Хватит заикливаться на прошлом: на государственном перевороте 1917 года, терроре 1937-го, недавних 1990-х! Надо смотреть вперед!»...

Но ни «смотреть вперед», ни идти вперед, не поняв свою историю, не получается. Можно только ходить по кругу, возвращаясь к национальной катастрофе в том или ином виде. Без осмысления событий прошлого и их должной оценки как фактора, определяющего сегодняшнюю жизнь, невозможно ничего в ней исправить. Для исправления нужно понять: большевистская система, приведшая народ к самой большой трагедии в его истории, никуда не делась. Эта система в обновленном, гибридном, пока несколько смягченном виде является сегодняшней реальностью. И мы в ней живем.

Фото: Togdazine.ru

За два года, с 1936-го по 1938-й, органы госбезопасности арестовали около 1,7 млн человек, из них не менее 724 тыс. расстреляли. В месяц убивали более 20 тыс. человек. Почти всех без суда и следствия. «Тройками» и «двойками». В числе расстрелянных — больше половины командования вооруженных сил страны: маршалы, командующие армиями, корпусами, дивизиями, бригадами. Восемь ведущих военачальников расстреляли ночью 12 июня 1937 года, через 40 минут после вынесения приговора. Всего в течение 1937–1938 годов было репрессировано 32 тыс. военнослужащих, от маршалов до рядовых.

Бессмысленно рассуждать о том, что ужаснее — эти события, или массовая коллективизация, сопровождавшаяся голодом и репрессивным «раскулачиванием», или использование химического оружия против восставших крестьян, или массовые расстрелы в Крыму русских офицеров, сложивших оружие по призыву «новой власти», или убийство царской семьи (включая детей) и еще тысяч дворянских, купеческих, мещанских семей в первый же год незаконного большевистского правления. Тер-

пор 1937 года стал называться «большим» не потому, что до этого момента преступления большевиков были менее кровавыми, а потому, что это была спланированная общегосударственная кампания, которая охватила всю страну, не обошла стороной ни одну социальную группу, ни одну семью. Это была политика государственного террора, направленная на уничтожение миллионов людей, прежде всего самых ярких и самых талантливых граждан страны. Целью этой политики было покорение народа и внушение на многие десятилетия беспредельного страха.

В общей сложности в период с 1917 по 1953 год вследствие гражданской войны, коллективизации, непрерывного массового террора Россия потеряла, по оценкам историков, не менее 26 млн человек (и это не считая потерь в войне 1941–1945 годов). В Великой Отечественной войне у нас погибло не меньше, а вероятно, и больше людей (все чаще говорят о 42 млн погибших), в том числе потому, что накануне большевики уничтожили самых опытных и грамотных командиров. Трудно даже представить что-либо сопоставимое по масштабу с этой национальной трагедией.

Как же относится к этой неоспоримой катастрофе нашей страны, нашего народа современная российская власть?

Суть позиции власти — в отказе от каких бы то ни было исторических оценок происшедшего со страной за последние сто лет. Все это для того, чтобы сохранить спокойствие и «общественно-политическое единство» вокруг Путина, которое обеспечивает продолжение движения по особому пути имперского национализма, антизападничества и национальной изоляции с опорой на прямых наследников большевиков и сталинистов из КПРФ. И это при полном игнорировании всего комплекса вопросов, связанных с преступлениями большевизма и сталинизма, с массовыми убийствами. Напротив, провластная пропагандистская машина содействует оправданию и даже реабилитации сталинизма.

Считается, что отказ от ясных и честных оценок наиболее болезненных событий XX века обусловлен историческим невежеством современной власти и нежеланием тревожить собственную травмированную память.

Еще десять лет назад многим казалось, что попытки власти замалчивать преступления большевизма и сталинизма объясняются боязнью трезво взглянуть на собственную историю. Однако политическая практика показывает, что дело в другом. С каждым годом все более очевидно, что почти все актуальные и наиболее болезненные проблемы современной России связаны не со спонтанно проступающими то тут, то там «родимыми пятнами», а с сознательным и активным следованием политике большевизма.

Сегодня у власти в России преемники большевиков, а их политика — не что иное, как современный большевизм. Как практическая политика и идеология современный большевизм Путина пока еще частично, но все активнее воспроизводит сталинскую систему. Судите сами, о чем это свидетельствует:

- сознательный отказ от исполнения действующей конституции и превращение ее в недействующую ширму по аналогии со сталинской конституцией 1936 года;
- использование судебной и всей правоохранительной системы как карательной (политически мотивированные приговоры по «звонкам», рекомендациям и даже намекам первого лица государства и его приближенных);
- политические убийства;
- внесудебные расправы в самых разных формах:
 - репрессии против крымских татар, в ходе которых с 2014 года на полуострове было похищено 43 человека; только 17 из них удалось обнаружить живыми, пропавшими без вести числятся 18 человек, найдены убитыми 6 человек;
 - массовые казни в Чечне (в начале этого года были опубликованы сообщения о расстреле в республике 27 человек);
- подписание государственных договоров, которые власть не собирается исполнять (например, договор о границе с Украиной);

- избирательное исполнение принятых законов;
- узурпация власти через фальсифицированные выборы;
- произвол спецслужб;
- широкое использование принципов «цель оправдывает любые средства» и «люди — мусор»: демонстративное безразличие власти к количеству жертв среди военных, отправляемых официально или неофициально в зоны военных действий. Последних в Кремле называют «добровольцами», подсчет жертв среди них не ведется. Безымянные жертвы, безымянные могилы в Чечне, Донбассе, Сирии;
- аресты и реальные тюремные сроки для деятелей культуры (Олег Сенцов) и журналистов (Александр Соколов, РБК) по сфабрикованным обвинениям в терроризме и экстремизме;
- нарастающая конфронтация с Европой и миром;
- материальная поддержка маргинальных, радикальных и профашистских, самых неконструктивных квазиполитических групп в европейских странах;
- имитация общественного договора о нераскрытии преступлений, берущих свое начало в октябре 1917 года, о забвении по возможности жертв этих преступлений, о продолжении корыстного искажения отечественной истории и полном смешении в ней добра и зла;
- тотальная ложь и пропаганда во всех без исключения государственных и околосударственных СМИ.

До недавнего времени многие успокаивали себя и других тем, что нынешняя система отличается от большевистской отсутствием идеологии. Но сейчас и этот пробел стремительно заполняется: стране навязывается идеология имперского национализма, милитаризма, реакционного охранительства и обскурантизма, религиозности, редуцированной до политического инструмента.

Прикрываясь разговорами о необходимости «национального примирения», Путин не в состоянии прямо назвать государственный террор и массовое уничтожение невинных граждан собственной страны безусловным злом. Но «примирение» без обличения — это прямое оправдание зла, верный признак сознательной готовности в любой момент снова воспользоваться большевистскими преступными методами.

Итак, сегодняшняя российская власть со своей политикой — это власть большевистская, усвоившая из падения царского самодержавия лишь один урок: надо держаться за «трон» до последнего. Для этого Путин и пытается соединить несоединимое: самодержавие, большевистский переворот и террор, советскую химеру и современную Россию. Эклетика царского герба, советского гимна и демократического триколора не только в государственной символике, но и в реальной политике порождает чудовищ.

Упорные попытки Путина сохранить преемственность с системой сталинского большевизма, построенной на крови и сделавшей государственный террор формой своего существования, — одна из важнейших причин бесконечной государственной лжи, бесправия и насилия в нашей стране, отсутствия массового предпринимательства и независимого суда, презрения к правам частной собственности, к закону и праву.

Чтобы уйти от бесправия и произвола, сегодня необходимо тщательнейшим образом провести всестороннюю оценку большевистско-советской практики и системы. Для этого потребуются учреждение специального общественно-правового органа. Такая специально созданная официальная структура будет уполномочена изучить всю теорию и практику советского государства — от Ленина до Горбачева, рассмотреть с правовой и политической точек зрения репрессии и казни, проанализировать нарушения Советской властью договоров и соглашений. В работе этого органа примет участие Верховный суд Российской Федерации. Особо важной задачей органа станет полная и исторически точная оценка государственного переворота октября 1917 года и его последствий.

Итогом этой работы должен стать проект конституционного акта, который, наряду с оценкой событий 1917 года, должен содержать признание незаконности разгона Учредительного собрания, приведшего к национальной трагедии, оценку десятилетий государственного террора и политических репрессий как преступления со стороны большевистской власти, констатацию абсолютной неприемлемости использования террора, лжи и насилия в государственной политике, а также четко выраженный вектор установления и сохранения исторической преемственности с тысячелетней историей России в ее естественном движении к демократической легитимности.

Как и сто лет назад, сегодня Россия нуждается в современном жизнеспособном государстве и модернизированных общественных отношениях. Настоящая историческая Россия — это не мифическая Русь времен то ли «викинга» Владимира, то ли Ивана Грозного, не сусальные «конфетки-бараночки» колоритного старца Распутина, а европейское государство, всей своей историей выстрадавшее демократическую легитимность и жизненно нуждающееся в ней. Первым шагом к созданию легитимного государства, которое откажется от лжи, станет законная и легитимная смена сегодняшней необольшевистской власти, конституционный демонтаж действующей гибридной сталинской системы руководства страной. И произойдет это неизбежно!

В эти дни власти устанавливают в Москве мемориал жертвам сталинских репрессий. Рассказывают, что, когда в советское время возводили памятник Достоевскому, кто-то предложил сделать на постаменте надпись: «Федору Михайловичу — от благодарных бесов».

Иллюстрация: Universul.net

Оформление корпоративного государства

Сайт Григория Явлинского, 04.03.2020

Президент внес в Госдуму пакет своих поправок к Конституции. Через неделю президентские поправки будут одобрены депутатами, потом Совфедом и региональными заксобраниями, а 22 апреля поддержаны большинством на всероссийском плебисците.

Но поправки Путина направлены на закрепление в Основном законе страны принципиально иной концепции российского государства. Вместо демократического социального государства, предусмотренного действующей Конституцией, стране незаконно навязывают неправовую модель закрытого номенклатурно-бюрократического корпоративного государства мафиозного типа с идеологией демагогического патриотизма.

Конституцию России бесцеремонно превращают в инструмент авторитарной власти. Это будет «путинская» конституция — с системой организации власти, предложенной Путиным, и возможностью дальнейших изменений по инициативе Путина. Речь идет уже не о векторе развития государства, а о цели — о том, во что Путин собирается превратить нашу страну.

Суть номенклатурно-бюрократического корпоративного государства мафиозного типа — в нераздельности исполнительной, законодательной и судебной власти, в их переплетении и подчиненности персонально авторитарному правителю. Такая система управляется с помощью страха и коррупции. В ней не бывает ни честных выборов, ни независимого суда, ни верховенства права, ни справедливости.

Элементы этой системы уже активно внедряются в нашу жизнь. Процессы по делам «Сети», «Нового величия», «московское дело», расширение практики привлечения к суду за государственную измену — все это институционализация карательного правосудия. Путинские поправки к Конституции, касающиеся судебной системы, в конечном счете имеют то же направление. Фактически институционализируется понимание суда не как независимой ветви власти, а как карающего органа корпоративного государства.

Расширяется практика участия российских частных военных компаний в вооруженных конфликтах по всему миру. При этом ЧВК изначально не существуют как самостоятельные структуры, а тесно связаны с государственными силовыми органами.

В качестве ядра идеологии корпоративного государства в путинской Конституции предлагается закрепить изоляционистский комплекс взглядов на Вторую мировую войну и Победу. Такая идеология подчеркнута расхождением с пониманием крупнейшей катастрофы XX века в Европе и во всем цивилизованном мире. При этом в России еще будет цинично эксплуатироваться тема защиты Отечества и подвига народа.

В целом идеологическая составляющая поправок — это все тот же несовместимый пазл из советского гимна, монархического имперского двуглавого орла и демороссовского триколора. Опираясь эта эклектическая конструкция будет на «советское наследие» как краеугольный камень системы. Упоминание в Конституции Бога и веры в сочетании с положением о правопреемстве нынешней России советскому коммунистическому государству, которое последовательно, целенаправленно и жестоко уничтожало веру и верующих, выглядит, мягко говоря, очень странно.

Безоговорочное правопреемство СССР означает преемственность большевизма, сталинизма и всех преступлений советского периода, начиная с госпереворота 1917 года, а следовательно — возврат к самым разным формам современного большевизма и политического преследования оппонентов, политических репрессий. И дело здесь не в том, возможно ли в XXI веке прямое повторение Большого террора, а в том, что это возврат к лишенной объективной легитимности государственной системе, опирающейся на ложь и насилие (см. **«Ложь и легитимность»**, апрель 2011).

С.127

Таким образом, через изменение Конституции осуществляется переход от имитационной демократии с декоративными, но формально сохраняемыми институтами к созданию полноценных, официально оформленных и легитимированных через плебисцит институтов государства, в котором власть принадлежит номенклатуре и бюрократии.

С.78

Остановить окончательное превращение страны в номенклатурно-бюрократическую корпорацию невероятно трудно. Замена политики гражданским активизмом ведет протестное движение в тупик, к подмене эффективных действий спорадическими всплесками протеста, к замыканию в субкультуре, нагнетанию атмосферы страха, ненависти, жажды мести, деления страны на «их» и «нас», «наших» и «чужих» (см. **«Активизм и политика»**, октябрь 2019). Все это власть давно научилась использовать как инструмент управления реакциями общества и общественным мнением.

Кроме того, понимая, какие наступают времена, видя, с какой решимостью инициатор гибридного конституционного переворота намерен исполнить задуманное и подавить оппонентов, многие опасаются за свой личный комфорт. Эта ситуация не новая. Российские элиты уже «проглатывали» и криминальную приватизацию 1990-х, и преступную вторую чеченскую войну, и увеличение президентского срока до шести лет, и аннексию Крыма, и кровопролитие в Донбассе, и войну в Сирии (см. «Мы делали что-то не так всей страной», февраль 2020).

Теперь Путин открывает дорогу к созданию в России тоталитарного государства.

Этому надо противостоять, используя все имеющиеся у нас возможности (альтернативный пакет поправок уже направлен в Госдуму, в региональные заксобраны и президенту). Однако результативное сопротивление возможно только через осознание активной частью общества необходимости заниматься политикой. Наша цель — не борьба за «место под солнцем» в путинской мафиозно-корпоративной системе, а недопущение институционального закрепления этой системы. Наша цель — построить на месте путинской системы современное демократическое правовое государство, подотчетное и подконтрольное российскому народу и управляемое с помощью закона и справедливости.

Путь, которого нет

«Новая газета», 19.10.2015

Выступление Владимира Путина в ООН и интервью американскому и российскому телевидению в значительной степени суммировали основные положения политического курса, который он реализует с мая 2012 года. В него входит все, что происходит внутри страны, а также Украина, Крым, Донбасс и вот теперь Сирия.

Нельзя сказать, что прозвучало что-то новое — почти все это говорилось неоднократно и ранее. Постоянно звучат слова: «российская модель», «суверенитет», «легитимность», «друзья и союзники», «многополярность», «международное право»...

В России привыкли не слишком обращать внимание на публичные высказывания начальников, потому как слишком много пустословия («свобода лучше, чем несвобода»), сопровождаемого непреодолимым разрывом слова и дела. Но в данном случае ситуация несколько иная. Сегодняшние слова президента — плод и выражение мировоззрения, лежащего в основе действий, в которые втягивается вся страна, все граждане, включая нынешние и еще не родившиеся поколения. Поэтому очень важно понимать, что за словами кроется, особенно сейчас, в контексте прямого российского вмешательства в сирийскую гражданскую войну.

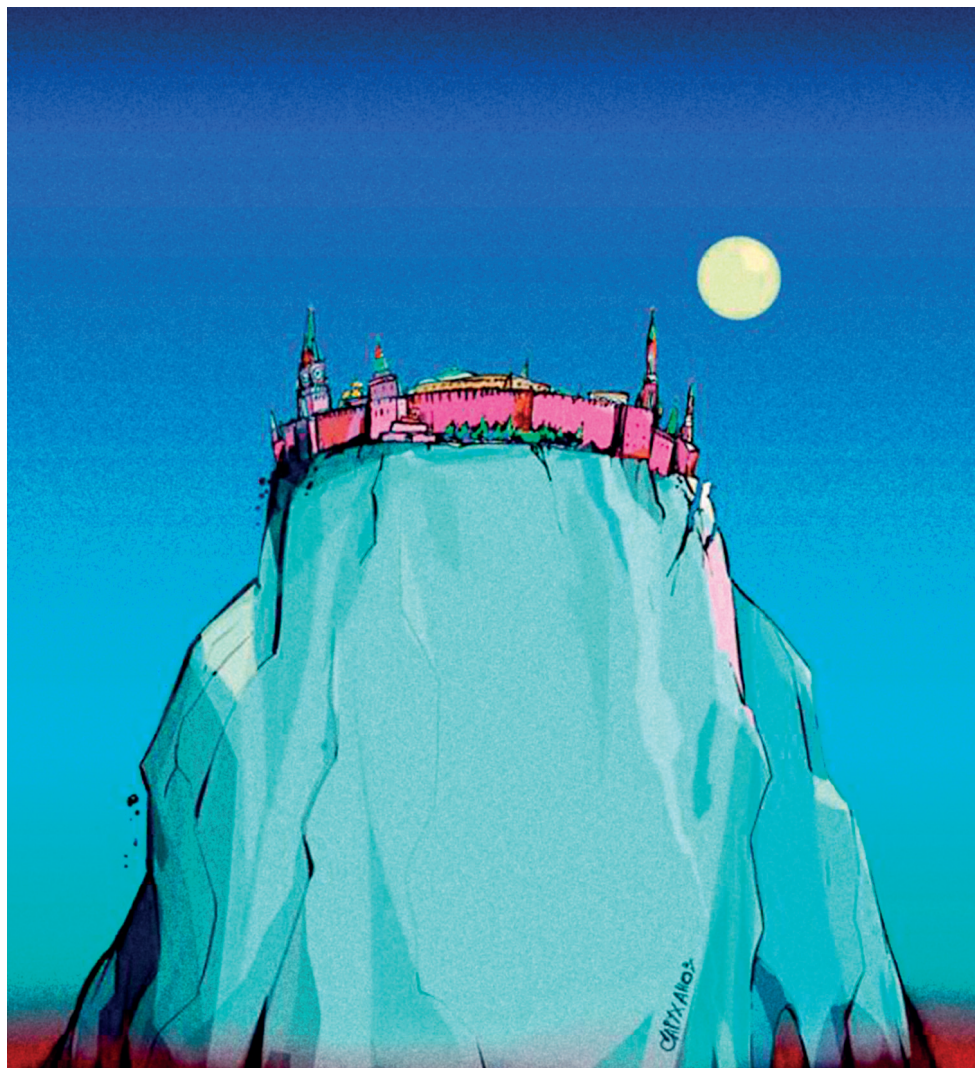

Иллюстрация: Петр Саруханов/«Новая газета»

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ

Отправной тезис политического курса Владимира Путина: сопротивление «навязыванию» нашей и другим странам неких «моделей развития» извне и защита «российского суверенитета».

Внутренняя политика последних лет показала, что под «моделями извне», от которых, по мнению президента, следует бескомпромиссно, всеми способами вплоть до военных защищать Россию, в Кремле понимают реальное разделение властей, независимую судебную систему, права и свободы человека, неприкосновенность частной собственности...

На самом деле это никакие не «модели извне», а важнейшая составная часть современного исторического процесса, и для любой страны, которая хочет сохраниться в XXI веке, эти направления развития не вопрос выбора. Это императив, неизбежность.

Конечно, делать все это мы должны сами, «впаривать» ни нам, ни другим все это не нужно и бесполезно, но делать сами мы должны именно это.

Однако главная цель сегодняшней российской государственной политики, которая подчиняет себе все, – не развитие страны в реальном мире XXI века, а сохранение режима персональной власти на неопределенное время. В обеспечении неприкосновенности власти и заключается вся сегодняшняя российская «модель». Ради ее поддержания производится умышленное выхолащивание и по сути уничтожение всех современных государственных институтов: суда, закона, права собственности... То есть в стратегическом плане страна не просто тормозится в своем движении вперед, она отбрасывается назад, демодернизируется.

Именно заикленностью на теме сохранения в неприкосновенности власти диктуется вся внешняя политика: и Украина, и теперь участие в гражданской войне в Сирии, и все другие авантюры, которые еще предстоит в силу неизбежного провала предшествовавших.

Отказ наверстывать упущенное, переходить от имитационного развития к реальному, вытекающий из такого политического курса, означает пребывание на периферии глобального развития, причем с большой вероятностью вечное. Никакого особого пути вне европейской цивилизации у России просто нет, и попытка построить «свою евразийскую модель» приведет к краху и развалу. (Вообще, как известно, когда водитель трамвая начинает искать новые пути, это плохо кончается.)

В отличие от СССР Россия никаким полюсом не является, так как нет у нее никакой «сверхидеи», своей особой философии или идеологии. Был в XX веке 70 лет «мир советской коммунистической идеологии» и конкретная практика этой идеологии, попытки ее навязать. Но даже СССР, в отличие от сегодняшнего российского руководства, не отрицал исторический процесс, а утверждал, что «находится в его авангарде, и рано или поздно все пойдут по этому пути». Отсутствие реального движения компенсировалось ложью и насилием, что создавало огромное напряжение, в конце концов приведшее к краху советской системы.

У сегодняшней России нет ни лидерской идеологии взамен обанкротившейся советской, ни стратегии (ни национальной, ни глобальной), ни практики ее внедрения. Есть слабая авторитарная провинциальная система полукриминального националистического типа, существующая на деньги от продажи сырья. Именно ее и предполагается защищать.

СУВЕРЕНИТЕТ

Сохранение режима в неприкосновенности обосновывается необходимостью защиты суверенитета страны. В это слово вкладывается какой-то сверхценностный, чуть ли не сакральный смысл, совершенно оторванный от действительности. Во-первых, потому что никакого абсолютного суверенитета в мире ни у кого нет. (Есть такая шутка: «Какая самая независимая страна? Вануату. Почему? Потому что от нее ничего не зависит».)

Во-вторых, суверенитет страны в современном мире прямо пропорционален ее экономической мощи, моральному авторитету государства, пониманию стратегических интересов народа (нации) и способности их реализовывать. Действия в этих направлениях и есть политика суверенитета, то есть суверенная политика.

«Что хочу, то и ворочу» — это не суверенитет, а проявление комплекса неполноценности российской элиты, в основе которого глубинное понимание ограниченности своих возможностей и страх перед будущим. Это даже не «подростковый бунт периода полового созревания», преодолеваемый взрослением, а истерика взрослого неудачника, винящего во всех своих неудачах других.

Если курс национальной российской валюты почти на 100% зависит от торгов нефтью в Нью-Йорке и Лондоне, то какой же это «суверенитет страны»? Если у правительства нет возможности определять курс рубля, то чем можно компенсировать эту неспособность? Угрозой применения ядерного оружия? Запусками крылатых ракет? Кстати говоря, это еще и означает, что за 15 лет для нашей экономики фундаментально не сделано ничего.

ЛЕГИТИМНОСТЬ

Легитимность в понимании нынешнего российского руководства — это тоже сохранение в неприкосновенности власти — своей, Башара Асада, Виктора Януковича, Муаммара Каддафи... Смена власти, по его мнению, недопустима, нелегитимна и происходит только вследствие заговора внешних сил.

И в этом случае налицо волюнтаристская трактовка, свидетельствующая об отсутствии связи с реальностью. Наоборот, основа легитимности современного государства — законная сменяемость власти. «Легитим-

ность — согласие народа с властью, когда он добровольно признает за ней право принимать обязательные решения. Чем ниже уровень легитимности, тем чаще власть будет опираться на силовое принуждение». Народ имеет право на смену руководства страны через выборы. Если власть манипулирует волей народа, фальсифицирует выборы, умышленно бесконечно лжет и создает полицейское государство, то требование смены власти становится предметом массовых акций гражданского сопротивления и неповиновения. Если на мирные формы протеста власть отвечает насилием, именно она несет первоочередную и главную ответственность за последствия.

Говоря о легитимности, также хорошо бы помнить, что Россия так и остается правопреемницей СССР — государства, созданного путем госпереворота в октябре 1917-го — январе 1918 года и Большого террора. Кроме того, в 1993 году была полностью нарушена действовавшая на тот момент конституция. На основе очередного антиконституционного госпереворота была как бы принята нынешняя конституция, но и она никогда не исполнялась.

Наконец, о какой легитимности, законности и международном праве в действиях России можно говорить на Генеральной Ассамблее ООН после известного голосования в ООН по Крыму? 27 марта 2014 года на заседании Генеральной Ассамблеи за резолюцию, подтверждающую суверенитет и территориальную целостность Украины в ее международно признанных границах и отрицающую законность какого бы то ни было изменения статуса Автономной Республики Крым или города Севастополя, проголосовали 100 стран, а против — 11.

СОЮЗНИКИ

Ложный выбор «Запад или Восток», перед которым, по словам Путина, поставили постсоветские страны, — действительно ложный, но создал этот ложный выбор он сам, объявив Россию «не-Европой» и придумав фантом «евразийства». Движение в Европу, европейский образ жизни, постепенное и эффективное вхождение в европейские и евроатлантические структуры — это исторически предопределенный путь развития большинства постсоветских стран и непременно России. Выдумывать и пытаться на практике осуществить что-то другое — путь к разрыву постсоветского пространства, различного рода политическим и военным авантюрам, кровопролитию и угроза самому существованию России.

Доктрина, придуманная для идеологического сопровождения и оправдания режима несменяемости власти в России, исходит из того, что условием выживания России в XXI веке является ее противопоставление европейской цивилизации и европейскому пути развития. Для практической реализации этой доктрины Кремль старается по возможности объединить и возглавить те страны, где режимы агрессивно отрицают современную демократическую государственность и права человека, выступить в качестве защитника разнообразных диктаторских режимов на Ближнем Востоке и в других регионах мира, явно или косвенно использовать любую сложную ситуацию, любую тактическую оплошность или затруднение Запада («Исламское государство», беженцы, экономические кризисы в отдельных странах, праворадикальные националистические партии, ошибки и провалы европейцев и американцев) для ослабления ЕС и особенно США.

Своим главным партнером российское руководство хотело бы видеть Китай, точнее КПК, которой принадлежит абсолютная власть в почти полуторамиллиардной стране. Однако для КПК постсоветская Россия — это символ неудачи, провала и развала коммунистической системы, которого Китаю, по мнению его руководства, пока удалось избежать. Кроме того, российские элиты жестко ассоциируются с безнаказанной корруп-

цией, борьба с которой — задача номер один для руководства китайских коммунистов. Безуспешность борьбы только повышает чувствительность к теме и желание дистанцироваться от тех, кто практически демонстративно превратил коррупционное разложение в образ жизни. Легко догадаться, что в таком контексте со стороны Поднебесной рассчитывать на какое-то понимание, а тем более хотя бы и ущербное, но равноправие, — крайне наивно и недальновидно.

Что касается ближневосточных и иных диктатур, то здесь политике путинской России созвучна тенденция исторического регресса, отката в прошлое вплоть до средневековой раздробленности, которая для ближневосточных монархий является гораздо более понятной и приемлемой средой, чем для Европы и США. Даже ИГ воспринимается в руководстве России, несмотря на риторику об «опасности для всех», отнесение к запрещенным организациям и т. п., как в общем-то полезная нам «головная боль» для США и европейцев. Это в представлении провластной элиты, видимо, и есть «многополярный мир».

Однако все эти диктатуры, кроме загнанного в угол Асада, рассматривают Россию как противника — не тактического, а цивилизационного, мировоззренческого. Что бы ни думало о себе российское руководство, при взгляде с исламского Востока мы — или христианский Запад, или территория потенциального распространения ислама. Не говоря уже об ИГ. «Исламское государство» — угроза не только идейная, но такая, которая уже обрела плоть — территорию и затягивает в себя все больше людей.

Позиционируя себя как «не-Европу», Россия проваливается в междоцивилизационную щель и исчезает. Ни среди сателлитов Китая (сателлит, продолжающий контролировать огромную территорию, примыкающую к Китаю и давно рассматриваемую им как зону жизненных интересов, — вообще нонсенс), ни в средневековой системе эмиратов и халифатов, ни тем более в мире ИГ ей места нет.

При этом хорошо бы не забывать, что размер российской экономики — всего 1,5% глобального ВВП.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ДАЛЬТОНИЗМ

Почему российская власть и элиты не замечают этих, казалось бы, очевидных вещей и действуют во вред не только стране, но и себе самим (погибнут же вместе с организмом, как раковая опухоль)? Из-за стратегической слепоты, неспособности различать перспективу и тупик и в силу этого сосредоточенности на тактических комбинациях.

В стратегическом плане большие осложнения неизбежны, потому что Россия вступает в конфликты исходя из кратковременной, тактической оценки ситуации. Она тоже не всегда верна, но главное в том, что, даже достигая тактических целей (создание зоны нестабильности в Донбассе, локальное наступление армии Асада), российская периферийная система совершенно не учитывает огромное число среднесрочных и долгосрочных последствий, поскольку в принципе не способна определять для себя реальные стратегические цели и задачи.

В выступлениях и интервью российского президента есть немало самых разных технических и тактических деталей, риторических приемов, которые создают ощущение серьезности, смелости и компетентности, но суть — в абсолютной ошибочности фундаментальных исходных позиций, в антиисторичности его мировоззрения. Нет в реальности такого пути, о котором он говорит; нет такой идеологии, которую он пытается представить; нет такого содержания, нет такой сущности и нет таких интересов России, отталкиваясь от которых, он выступал в ООН.

Исходные постулаты и позиция в целом настолько неверны, что любое крупное действие на этой основе как внутри страны, так и во внешней политике в долгосрочной перспективе обречены на провалы с тяжелыми для страны последствиями. Это в полной мере касается как Украины, так теперь еще и Сирии.

Следствием такого глубокого и серьезного непонимания устройства современного мира, презрения ко всему непонятному и непохожему на старые советские представления жизни, циничного отношения к челове-

ческим судьбам, умышленной демодернизации российского сознания будет тяжелый и очень опасный кризис.

Продолжать транслировать эту точку зрения можно только потому, что ни у кого нет возможности ей публично возразить, представить полномасштабную альтернативу, да и в этих тепличных внутриполитических условиях удерживать позиции удастся только с помощью непрерывной демагогии и манипуляций общественным сознанием со стороны государственных СМИ.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВА

Сегодня можно уверенно констатировать, что события последних лет свидетельствуют о срыве постсоветской модернизации. Российские действия на Украине и в Сирии символизируют ее бурный финиш.

Постсоветская модернизация не создала институтов по защите себя от антиевропейства Путина и провалилась. Если бы задачи модернизации — правовое государство, разделение властей и реальная независимость суда, обеспечение права собственности — пусть медленно, но последовательно выполнялись, политический разворот, который мы переживаем сегодня, был бы невозможен.

Приходится признать: экономический рост, тем более случайный, за счет сырьевых цен, в немодернизированном обществе ведет к серьезным негативным политическим и социальным последствиям, в том числе и к войне.

После грядущего кризиса и после Путина предстоит серьезная общественная дискуссия на главную тему — российской и русской самоидентификации. Именно на этой основе может быть достигнуто взаимопо-

нимание с миром, но при одном неременном условии — ощущении цивилизационной общности. Вот тогда станет ясно, что Россия вместе с другими европейскими странами, в том числе и православными странами — членами НАТО, вместе с США и всеми, кто разделяет принадлежность к европейской цивилизации в самом широком смысле, идет общим историческим путем. Естественно, при сохранении и укреплении российской своеобразности, особенностей культуры и традиций.

До тех пор, пока этого нет — все разговоры-переговоры на высшем уровне, встречи «на полях», все «семерки» и «двадцатки», все и всяческие «форматы» со стороны России будут превращаться в демагогию, популизм и фарс. Сейчас так и происходит. «Вырезая» Россию из глобального развития по европейскому пути, пытаюсь с отдаления высокомерно, а часто и просто по-хамски рассуждать о том, например, как Европа справляется с проблемой беженцев и что она вместе с США вообще намерена делать на Ближнем Востоке, российские политики, дипломаты, журналисты, блогеры толкают Россию все дальше и дальше — на окраину мировой политики, топят ее в болоте периферии. И думать, что при такой пещерной дикости политических нравов можно говорить об экономическом росте, отказе от догоняющего развития, об инвестициях — это значит вообще не соображать, как устроены современная экономика и жизнь.

Поиск единства в разнообразии, взаимопонимании и взаимопроникновении — важная составляющая европейского мировоззрения, и для России с ее богатейшей историей и культурой здесь всегда было место. Одно из важнейших мест.

Это место никто у России не отнимет, да и отнимать не собирается. Отобрать его у себя способна только сама Россия, если откажется от единственно реального европейского исторического пути в пользу болезненных фантазий и геополитических галлюцинаций.

Парадная идеология

Сайт Григория Явлинского, 24.06.2020

75 лет назад, 24 июня 1945-го, в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы — исторический парад в ознаменование победы СССР над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. После трагической разрушительной войны, унесшей десятки миллионов жизней, парад стал знаковым и важнейшим событием для нашего изможденного потерями народа.

В июне 2020 года российские власти воспользовались годовщиной исторического Парада Победы для решения своих пропагандистских политических задач. Это ведь не отложенный День Победы. Девятое мая перенести невозможно, тем более из-за какого-то коронавируса. Наоборот, в мае в этих особых условиях мы в России, как и люди во всем мире, только острее почувствовали значение того, что сделали 75 лет назад победители для настоящего и будущего. И то, что в этом году в День Победы не было парада, нисколько не умаляет значение этого дня. Таким день 9 мая 2020-го и войдет в историю.

А перенесенный на 24 июня марш на фоне продолжающейся эпидемии коронавируса не что иное, как «разогрев» перед стартующим на следующий день плебисцитом. Кроме того, это иллюстрация милитаристской идеологии авторитарного корпоративного государства, которая, собственно, и должна быть оформлена с помощью того самого плебисцита. Настоящий Парад Победы был только один — в 1945 году. а тяжелая во-

Фото: Сергей Рыбежский/Коммерсантъ

енная техника на городских улицах сегодня вызывает уже не ассоциации с воинской славой России, а совсем другое чувство.

Уже много лет Путин пытается использовать победу в Великой Отечественной в качестве идеологического стержня как внутренней, так и внешней политики. Его статья о Второй мировой войне, опубликованная на днях на английском и русском языках, — это презентация идеологии путинской системы одновременно для Запада и России. Однако за рубежом немногие заметили объемный и откровенно пропагандистский текст российского президента, а те, кто заметил, отреагировали, мягко говоря, критически. С идеей Путина о «новой Ялте», разделе мира между пятеркой ведущих ядерных держав, в мире уже знакомы, и отношение к этому диктуется не взглядами на Вторую мировую, а текущей политической конъюнктурой. Китай и Трамп могут использовать такие идеи в своих «больших играх», но на этом все и заканчивается. Ностальгическая парадигма середины прошлого века не монтируется с современными реалиями и годится разве что для парада.

К сожалению, в России от путинской концепции просто так не отмахнешься. Это все тот же курс на «особую цивилизацию» со стержнем в виде перманентного конфликта с Западом: «смотрите, что мы им предъявляем». Утвердить эту идеологическую конструкцию должно голосование 1 июля, и этому, безусловно, нужно противостоять.

Что же касается самих исторических трактовок в статье Путина, то нельзя не обратить внимание на несколько странных утверждений. Например, о том, что «советских руководителей можно упрекать во многом, но не в отсутствии понимания характера внешних угроз». А ведь всем хорошо известно, что нападение гитлеровской Германии было совершенно неожиданным для СССР, что всего за четыре месяца враг дошел до Москвы, а освобождали страну еще три года. И о каком «укреплении обороны страны» накануне войны идет речь? Большевистский режим перед самой войной уничтожил лучших военачальников и обезглавил армию, начал переносить границы, демонтировал укрепления, а новые рубежи рядом с новой границей не построил, вместо этого разместив там полевые аэродромы и перебазировав авиацию, которая была уничтожена в первый же день войны. Или вот еще Путин пишет, что «процесс инкорпорации Латвии, Литвы и Эстонии» в СССР был реализован «на договорной основе, при согласии избранных властей». Однако достаточно вспомнить, что после 1940 года советские власти депортировали свыше 150 тысяч граждан этих трех балтийских стран. Примерно то же происходило и на западных территориях Украины и Белоруссии при разделе Польши между гитлеровской Германией и СССР.

Значительное место в статье Путина — а значит, в его идеологии и мировоззрении — занимает Сталин. И это внятный сигнал российскому обществу. Путин как бы мимоходом пишет о преступлениях против собственного народа в годы Большого террора. Создается впечатление, что во имя «великих целей» что-то подобное возможно и в современной России. Особенно если учесть, что российский президент так стремится возродить прошлое, восстановить нечто похожее на Советский Союз. Для всего этого и нужна «парадная идеология».

Но в 1945 году наш народ победил, несмотря на преступления сталинского режима, гонения и репрессии, победил вопреки. И чтобы сохранить память об этом, надо противостоять агрессивной, разъедающей среде большевистского реванша, отличать Великую Победу от сталинизма (подробнее см. «Победа вопреки» и «Актуальность Дня Победы», май 2020). Понимание этого необходимо не только для сохранения исторической правды, справедливости и уважения к предкам, подарившим нам жизнь. Это одно из обязательных условий для безопасного настоящего и будущего — чтобы не повторились катастрофы прошлого.

АКТИВИЗМ И ПОЛИТИКА

«Новая газета», 21.10.2019

На последнюю из серии протестных акций в Москве собралось чуть больше 20 тысяч человек (а уже через час после начала митинга, согласно данным «Белого счетчика», поток уходящих был значительно интенсивней входящего потока). Еще 10 августа на тот же проспект Академика Сахарова выразить свое недовольство действиями властей вышли больше 50 тысяч человек. И эта тенденция на понижение понятна: у митинга нет содержания, никто не говорит о программе и стратегии действий, вместо этого — только лозунги «Отпускай», «Допускай», «Путин — плохой». Поэтому многие приходят лишь для того, чтобы пообщаться с друзьями, глотнуть «воздуха свободы» и разойтись до появления следующего такого же «окна».

БЕГ НА МЕСТЕ

Таким образом, протест превращается в субкультуру, которая властям особенно не мешает. Кстати, на последней акции на Сахарова официальные данные МВД о численности митинга впервые совпали с информацией независимого «Белого счетчика» (вероятно, с точки зрения властей,

Участники митинга «За свободные выборы» на проспекте Академика Сахарова.
Фото: Глеб Щелкунов/Коммерсантъ

сегодня 20 тысяч человек вполне себе безвредная цифра). Со сцены митинга пришедших продолжали убеждать в том, что «нас много», говорили об освобождении отдельных заключенных как о победе. Заодно кричали и о «победе» так называемого умного голосования, и о разгроме «Единой России» на последних выборах в Мосгордуму (хотя большинство в нынешней МГД в итоге получила именно «Единая Россия», и председателем снова избран тот же единоросс). Такие мотивационные заявления позволяют, вероятно, подпитывать микроклимат субкультуры, удерживать сторонников в зоне комфорта, но эти «пропагандистские неточности» быстро вскрываются, и тогда наступает еще большее разочарование.

Протестный митинг на Болотной в 2011 году — самый массовый за многие годы, кстати, — был типичным проявлением гражданского активизма: люди требовали положить конец фальсификациям на выборах и наказать виновных. Требовали то ли у Центризбиркома, то ли у президента, то ли у абстрактных чиновников, то есть у тех, кто был больше всех заинтересован в фальсификациях.

**Конечно, требования не были выполнены.
А зачем? Ведь власти жульничали умышленно.**

И никакая Болотная Кремлю была не страшна: Болотная не боролась за власть, не имела своей фракции в Госдуме, не поддерживала своего кандидата в президенты. В итоге протест на Болотной был объявлен «неполитическим», а главной функцией гражданского общества на предстоящих через три месяца выборах было названо наблюдение... Вот так и пронаблюдали за оформлением очередного президентского срока Путина в марте 2012-го. В результате наступило разочарование, и активность надолго угасла.

Но если на Болотной в 2011 году события развивались по схеме «возмущение — протест — разочарование», то условная схема протестных акций минувшего лета выглядит уже так: «возмущение — протест — стабилизация и рутинизация протеста». При этом если раньше власть старалась вообще не допускать массовых выступлений, то теперь, на фоне очевидного роста недовольства положением дел по всей стране, Кремлю скорее на руку превращение протеста в банальность, в изолированную субкультуру. В условиях роста народного недовольства, при непрочности власти накануне «транзита» такая субкультура может казаться режиму полезной — в качестве клапана для выпуска пара: мол, пусть люди с большим активистским потенциалом возмущаются внутри этой резервации в свое удовольствие.

За семь с половиной лет после Болотной изменения едва ли заметны: основной проблемой протеста сегодня, как и в 2011–2012 годах, остается отсутствие перспективного содержания и модели роста и невозможность превращения во всероссийское оппозиционное движение.

- Московские протесты лета 2019-го начинались с политического требования зарегистрировать собравших подписи кандидатов в депутаты на выборах в Мосгордуму. Это требование выполнено не было.

- Шестеро участников протестов стали жертвами показательных процессов и осуждены на реальные сроки тюремного заключения. Недавно арестовали еще пятерых новых, а еще один — в розыске.
- Новая Мосгордума беспрепятственно продолжает выполнять установки властей.
- В Петербурге после безобразных, преступных и грязных выборов как ни в чем не бывало проходит инаугурация нового губернатора-назначенца.
- Историку и правозащитнику Юрию Дмитриеву по сфабрикованным обвинениям продлевают срок содержания под стражей до 25 декабря.
- Честного и профессионального журналиста «Псковской губернии» Светлану Прокопьеву обвиняют в оправдании терроризма.
- В Ростове молодых ребят приговаривают к шести годам строгого режима за якобы «подготовку массовых беспорядков» (и это не другая история, отличная от «московского дела», а та же самая).
- Недавний активистский успех в «деле Голунова» не привел ни к пересмотру аналогичных дел, ни к прекращению практики подбрасывания наркотиков и использования правоохранительных органов в политических и личных целях, ни даже к наказанию преступников-полицейских, подбросивших наркотики журналисту.

Все это, несомненно, вызывает справедливое возмущение. И именно это возмущение стало главным триггером активистского протеста минувшим летом. Но протестующие возмущались не сутью системы, а скорее ее видимыми производными — тем, что чиновники и силовики «зарвались», «перешли границы», «совсем уже...» В таком недовольстве заложена предпосылка к тому, чтобы, «выпустив пар», вернуться к прежней жизни.

Тем не менее очередные фальсификации на выборах и репрессии полиции способствуют формированию гражданской позиции у людей. Многие хотели бы сознательно и активно участвовать в политике. Однако протест

не становится политикой. Людям не предлагают ни программы, ни плана действий, ни лидеров, ни даже каких-либо среднесрочных целей. Но, не предлагая ничего, кроме посредственно организованного митинга или прогулки по бульварам, людей по большому счету оставляют в рамках давней отечественной традиции — либо терпеть до конца, либо, когда предел терпения будет пройден, бунтовать, ничего не меняя по существу.

Активисты, организующие митинги и пикеты, в абсолютном большинстве своем смелые, благородные и честные люди, многих из них я знаю лично. Они бескорыстно делают свое дело. Их деятельность вызывает глубокое уважение и благодарность за гражданственность и борьбу с несправедливостью.

Но, повторю, этого недостаточно: по такому же сценарию развивались протесты в 2011–2012 годах и закончились глубоким разочарованием и поисками виновных в «сливе».

И тогда, и сейчас протестующие хорошо знали и знают, против чего выступали. Но ни тогда, ни сейчас не было ни малейшего представления, как заставить власть слушать, разговаривать и, главное, менять неприемлемое положение дел в стране. В этом особенность московских гражданских протестов: благородный протест и активизм есть, а политики нет.

ЗАПРОС НА ПОЛИТИКУ

В чем же разница между оппозиционной политической деятельностью и гражданским активизмом?

Оппозиционная политика — это деятельность, направленная на изменение существующей системы распределения и реализации власти и собственности. Не только власти, но и собственности; не в отдельно взятой сфере, а во всех. Политическая оппозиция должна знать, какую систему хочет построить и как это сделать.

В свою очередь, активизм — это протест против конкретных явлений. Правозащитники, «зеленые» или борцы против точечной застройки защищают преследуемых властью, спасают природу, пытаются разрешить конфликтные ситуации. Активисты зло и остроумно критикуют систему — за коррупцию, насилие и несправедливость.

В современной России гражданский активизм — это справедливая протестная реакция людей на определенное действие власти или на возмутительное событие.

Чаще всего это так и остается вспышкой негодования, затухающей даже в ближайшей перспективе. В отличие от политики, где в наших условиях главное — это долгосрочное действие, связанная многоступенчатость, направленность на смену негодной и неприемлемой системы.

Функции политики и гражданского активизма тоже различаются. Политика стремится к согласованию интересов различных групп общества, тогда как гражданские активисты естественным образом представляют интересы прежде всего своего социального слоя и только по узкому кругу вопросов. (Вопросы бывают очень важными — что может быть важнее жизни, здоровья, свободы человека, — но при этом точечными; более того, именно эта точечность позволяет сконцентрировать максимальные усилия на выполнении локальной задачи.)

Политика ставит цели развития страны и предлагает варианты их реализации. Гражданский активизм решает локальные задачи своего города, района, группы.

Инструмент политики — партия со своей структурой, программой и лидерами. Инструмент гражданского активизма — мобилизация протестующих на одну или несколько акций.

Так что же необходимо оппозиционному движению в России сегодня — активизм или политика? Чтобы ответить на этот вопрос, надо понять, какова цель оппозиции. Реформирование и переустройство правящей системы или ее полный демонтаж? Корректировка или замена?

Например, «Яблоко» до 2000 года боролось за другие реформы — за реформы в интересах большинства, за верховенство права, против криминальной приватизации, против коррупции и против войны на Северном Кавказе. Партия исходила из того, что вектор постсоветского движения России верный и соответствует глобальному историческому развитию, но российское руководство совершает множество тяжелых ошибок, допускает масштабные преступления. С этим нужно было бороться.

Так, слияние власти и собственности в результате залоговых аукционов закладывало фундамент мафиозного государства, и была необходимость этому противостоять (что, к сожалению, не удалось).

Стояла задача корректировать процесс создания постсоветской системы. И в этой ситуации политика во многом сводилась к гражданскому активизму — митингам, шествиям, пикетам, другим формам публичной деятельности.

Сегодня же, на двадцатом году правления Путина, дело уже не в коррекции системы и не в кадровых перестановках. Этим заниматься поздно.

Если речь идет не о смене системы, а о замене какого-нибудь судьи или об отставке, скажем, председателя избиркома, то «голый» активизм при большой массовости (уличные протесты, акции профессиональной со-

лидарности) может оказаться вполне продуктивным. Но если говорить о демонтаже системы, об отказе от авторитарного режима власти в России и тем более о мирном, бескровном изменении сути российской власти, то тогда активизм — полезное подспорье, часто важный, но далеко не решающий инструмент — как в математике, необходимое, но недостаточное условие. Для решения таких задач требуются политические инструменты — в виде партий и программы, нужны компетентные лидеры, с которыми власти будут вынуждены вести диалог. Без этого, без политики сменить систему не получится.

Поэтому отсутствие политики из раза в раз и становится началом конца протеста. Никто специально протест не «сливает», ему просто некуда двигаться.

Перед последним митингом в Москве в интернете звучали призывы принять политическую резолюцию, потребовать не только освобождения политзаключенных, но и судебной реформы... Но для судебной реформы, как и для реформы экономической, как и для борьбы с коррупцией (в виде ликвидации основ коррупции, а не очередного отдельного разоблачения), необходима программа и ее понимание. Ничего этого у сегодняшнего протеста нет. Как нет и готовности такую программу (даже при ее наличии) обсуждать с властями, продавливать ее, шаг за шагом принуждать к принятию.

Нельзя просто взять и прыгнуть в политику, невозможно из ничего создать искусственный орган, который сам по себе станет центром оппозиции. Это все равно что сравнивать поход якутского шамана в Москву с маршем Мартина Лютера Кинга на Вашингтон, воображать, что Кинг — это такой Форрест Гамп, который «просто встал и пошел».

Общество может быть представлено в политике и участвовать в политике только через политическое структурирование. Называть это можно по-разному — движением, фронтом, партией, но, по сути, это должно быть серьезное профессиональное политическое образование. А надежды на

то, что вместо этого можно создать некую активистскую «партию-лайт» или, точнее, «партию-лайк», — иллюзия (есть уже печально-позорный опыт «Координационного совета российской оппозиции» в 2012 году).

ОПАСНАЯ ПУСТЫШКА ПОПУЛИЗМА

Почему так происходит? Причины разные. Выросшее в 1990-е и 2000-е поколение формировалось в условиях становления в России мафиозного государства, расцвета периферийного капитализма, торжества цинизма и прагматизма, культа успеха любой ценой, снижения уровня образования. Новое поколение в большинстве своем едва ли отличает активизм от политики. Молодежь идет в команды и группы, где главное — задор, энергия, беззаботность и, конечно, планы на счастливое будущее. Несомненно, молодым людям комфортно в такой среде, а политические рассуждения им просто в тягость. Опыт предыдущих поколений им не нужен, они считают его непригодным в новых условиях. Мудрость им тоже не нужна, они исполнены революционного задора.

Однако история свидетельствует о том, что большинство молодежных движений в итоге приносили лишь разочарование и опустошение: их лидеры погибали в тюрьмах или на виселицах, а те немногие «светочи нового мира», которые на время стали победителями, так и не смогли добиться долгосрочных положительных результатов.

Дело, однако, не только в разрыве поколений и особенностях постсоветской ментальности. Есть и другие, объективные причины. В демократических странах сегодня социальная динамика все больше определяется протестом против сложившегося положения дел, истеблишмента и партийно-политических структур. В Великобритании, например, Brexit был одушевлен просто оппозицией Европейскому союзу, а не какой-либо четкой альтернативой членству в ЕС.

Всегда легче сплотить людей вокруг идеи против чего-то, чем вокруг идеи за что-то. Поэтому протесту очень часто не хватает конструктивности.

Эта тенденция, обусловленная социальными изменениями, экономическими проблемами и технологическими новшествами, усугубляет некоторые из наиболее серьезных проблем сегодняшней жизни, подпитывает злобу и непримиримость позиции, люди организуются исключительно вокруг противостояния другой стороне. Это раскалывает партии, вызывает популистские восстания, поскольку граждане требуют снести истеблишмент и изменить статус-кво. По всей Европе ведущие в своих странах партии раскалываются, ослабляя центристских лидеров и расширяя возможности для жестких популистов. В Соединенных Штатах тотальная межпартийная война сделала сотрудничество с правительством невыносимым.

Эти процессы лучше всего заметны на примере протестующих во Франции «желтых жилетов». Французские протесты воплощают в себе гнев в отношении порядков в стране и тотальное недоверие к институтам. Однако, несмотря на впечатляющую способность «желтых жилетов» к мобилизации, они остались политически беспомощными.

Происходящее в мире может свидетельствовать о закате того, что ученые называют шумпетерианской (элитарной) демократией, названной по имени австро-американского экономиста и политолога Йозефа Шумпетера, — системы, в которой элиты управляли народной волей и мыслили категориями общего блага.

Взамен нарастает сила, которую можно назвать отрицательным партнерством. Люди мотивированы протестом против власти в гораздо большей степени, чем поддержкой желаемой перспективы. Это имеет разрушительный эффект: ослабляет энтузиазм в отношении позитивной повестки и укрепляет позиции того, кто обещает просто разрушить оппонента. Утрачивается способность объединяться вокруг какого-либо созидательного плана на перспективу. Неудивительно, что энергия разрушения идет к разрушению.

Популистские партии преуспевают на одних выборах, пообещав сокрушить действующую власть, после чего следует их унижительное поражение в следующем цикле.

Согласно социологическим исследованиям, когда люди испытывают недоверие к власти и не ждут ничего хорошего от будущего, поддержка популистов быстро растет. Да и сами традиционные партии в связи с технологическими изменениями испытывают серьезные трудности: кандидаты теперь могут вести сбор средств через интернет (для этого им не нужны уже партии), выход на избирателей возможен через социальные сети в обход не только партийных, но и основных средств массовой информации, внутрипартийное продвижение все чаще происходит через институт праймериз. Это, конечно, демократизация, но такая, при которой традиционные партии, а вместе с ними и их политика теряют эффективность и осмысленность.

А что вместо?

Идея о том, что на смену партиям могут прийти движения, создаваемые под краткосрочные проекты, появилась на Западе еще в 1990-е годы. С тех пор прошло четверть века. Результат получился совсем не такой, как предполагалось вначале. За эти годы практически не было таких случаев, когда гражданский активист, обычный представитель среднего класса пробился бы на высокий пост. Зато получили преимущество те финансисты, бюрократы и выходцы из элитных семей, которые научились использовать популизм и двигаться вверх, то вступая в партии, то отдаляясь от них. В их числе миллиардер Дональд Трамп, «финансовый Моцарт» Эммануэль Макрон, сын высокопоставленного чиновника Евросоюза Борис Джонсон.

Сейчас многие избиратели в США, Франции и Великобритании смотрят на своих лидеров с огромным беспокойством и даже со страхом, потому что не знают, чего от них ждать. Их относительная независимость от партий обернулась неуправляемостью и непредсказуемостью.

На Западе популистские партии уже пострадали от своей пирровой победы в 2015–2016 годах, потерпев на последних выборах серьезные неудачи. Тем не менее скрытое возмущение и недоверие к традиционному истеблишменту осталось, сделав основные политические партии неспособными заполнить пустоты, активированные популистами.

Проблема еще и в том, что вырастающий из политического развала популизм, проигрывая, — а проиграет он непременно, — спасается с помощью национализма.

Ну а национализм, как хорошо всем известно, рано или поздно приводит к фашизму и к войне — большой, настоящей.

ТРАНЗИТ

В России есть тысячи, десятки тысяч людей, которые уже сейчас готовы выходить на митинги, шествия, отдавать подписи, голоса, силы и время за перемены. В разы больше тех, кто недоволен ситуацией в стране, не согласен с направлением движения и развития России. Однако для партии Путина (ПП) все это не сюрприз, они уже давно не «почивают на лаврах», а готовятся к возможным для себя неприятностям.

Впереди нас ждет пятилетка «транзита» — короткий, но крайне важный период до 2025 года.

ЧТО ТАКОЕ «ПАРТИЯ ПУТИНА»

Партия Путина — это вовсе не только «Единая Россия», это прежде всего Путин и его окружение: ближний, средний, дальний круги. Это его чиновники, судьи, прокуроры, спецслужбы, гвардейцы, полицейские, военные, пропагандисты и прочие зависимые, находящиеся в страхе чиновники, олигархи и предприниматели, а также некоторое число верующих в Путина и его политику властных людей, их общий электорат. Важно понимать, что ПП, безусловно, включает в себя и КПРФ, и «Справедливую Россию», и ЛДПР, и Общероссийский народный фронт.

А что такое транзит в условиях путинского режима в современной России? Это создание видимости перемен без каких-либо реальных изменений. То есть это сохранение в неизменном виде всех имеющихся на сегодня и созданных за последние 25 лет отношений механизмов власти и собственности. Это вовсе не исключает, а, наоборот, предполагает персональный передел как собственности, так и власти при сохранении самой системы. Поэтому ситуация так называемого «транзита из точки А в точку А» отнюдь не подразумевает «борьбу хороших парней с плохими». И ключевой вопрос не только и не столько в уходе Путина, сколько в том, что будет потом.

И это «потом» зависит, в частности, от того, будет ли у российского гражданского общества достаточно организационных, политических, институциональных ресурсов и инструментов, чтобы в шоу «Перемены без перемен» оказаться действующим лицом, ломающим этот сценарий и заявляющим о своих правах, а не частью подтанцовки.

Речь здесь идет не только о видении перспективы, но и о серьезной, тяжелой и опасной борьбе за будущее, за развитие и сохранение страны: о жизни без страха, о свободе и творчестве, неприкосновенной частной собственности и реальной конкуренции, о верховенстве права и работающей Конституции. Если в этой ситуации общество не станет самостоятельным субъектом политики, то его, общество, беспощадно используют те, кто уже включился в борьбу за будущий передел власти и собственности.

А время не ждет. Внутри самой партии Путина вовсю идет борьба номенклатурных вертикалей за лучшие стартовые позиции в период «транзита».

Совсем недавно вполне официально российские военные на высшем уровне предъявили городу и миру свое видение перспективы как национал-милитаристского будущего и бесконечной эскалации (!) и эксплуатации темы борьбы с внешними и внутренними врагами (см. интервью Шойгу, которого китайцы уже называют преемником Путина).

Тем временем слева нагнетаются популистские призывы к тотальному переделу, национализации, не говоря уже о полной поддержке коммунистами внешнеполитического курса ПП, в том числе и войны с Украиной.

Движение в сторону открытости института российской власти, разделения властей, независимости и самостоятельности судов смертельно для путинской системы.

А милитаризм, левачество и национализм, напротив, — прекрасное резервное пространство для изменения облика системы, некоторой ее трансформации и, главное, самосохранения.

Это те направления, под которые система будет мимикрировать и к которым легко приспособится, не меняя своей сути.

И хотя Путин разминулся с левой и социально ориентированной публикой, поддержав пенсионную реформу, в резерве у власти есть еще тема национализации, которую пока не трогают, а только иногда намекают. Но, когда тронут, получают от этой публики мощную поддержку, и даже повышение пенсионного возраста властям простят. Если сейчас кажется, что идея национализации утопична, то можно напомнить, что еще шесть лет назад и аннексия Крыма выглядела невозможной, о чем сам Путин говорил публично и, скорее всего, искренне.

В таких условиях совершенно недостаточно бороться время от времени за мифические «честные выборы» в путинской системе. Потому что кто будет организовывать такие выборы в этой системе? Кто будет следить за соблюдением правил и законов, препятствовать фальсификациям? Кто обладает необходимыми для всего этого силовыми ресурсами? Кто будет считать результаты? Говорят, в «честных выборах» якобы заинтересованы и крайне правые, и коммунисты. На самом деле и те, и другие заинтересованы только в выборах, на которых они победят сами. Этому нас учит история Учредительного собрания, которое разогнали в 1917-м проигравшие на выборах большевики.

ПРИНУЖДЕНИЕ К ДИАЛОГУ

Что делать в этой ситуации? Ответ вроде бы очевиден: создавать массовую политическую структуру с внятной программой для демократического обустройства России как современной страны.

Говорят, партийная система устарела. Возможно. Однако происходящее в нашей стране и в мире все больше свидетельствует о том, что заменить такое политическое устройство ничем. Кстати, в России, как показывают социологические исследования, люди разочаровались не в партиях и в политике вообще, людям надоело смотреть бесконечное бессодержательное ток-шоу, мыльную оперу федеральных телеканалов с одними и теми же персонажами, где смешались в одну серую массу депутаты, шоумены, журналисты-пропагандисты. Но рано или поздно наступит пресыщение и от повторяющихся уличных протестов с отдельными локальными результатами и гипертрофированным вниманием к ним оппозиционной прессы (между прочим, на фоне несопоставимо меньшего внимания в СМИ к не менее серьезным нарушениям прав человека вдали от столицы).

Не надо рассчитывать, что власть устыдится, одумается, испугается. Репрессии, которые мы видим сегодня, — не от испуга. Это расчетливая политика Кремля, направленная на удушение протеста в зародыше.

Власти считают «естественными выплесками» протесты такого масштаба (повод даже не важен) и используют репрессивные механизмы для профилактики. И в этом смысле минувшим летом задача была выполнена: протест затолкали в формат силового противостояния, спровоцировали полицейской жестокостью спонтанные ответные действия, провели молниеносные процессы, посадили для устрашения невинных людей (см. «Московское дело»).

Посылать этой системе корректирующие «сигналы» и ждать реакции бесполезно. Разрыв между властью и обществом, похоже, достиг такого масштаба, когда общественное мнение при принятии решений наверху, как правило, не учитывают. Нет даже видимости диалога с обществом, он вытеснен подавлением, пропагандой и манипуляциями. А такие сигналы, как рост поддержки и голосование за коммунистов-сталинистов «в пику» «Единой России», рассматривают как запрос на «твердую руку» и на наведение «сталинского порядка», что влечет за собой усиление полицейщины, репрессий к инакомыслящим, борьбу с «иностранными агентами»...

При таком положении дел необходимо вести собственную линию, собственную политику, а не следовать за тем, что навязывают власти. Нужно добиваться от власти диалога с оппозицией, представляющей значительную часть общества, заставить обсуждать ключевые вопросы и темы развития страны, в том числе — «транзит» верховной власти. К сожалению, нынешняя российская власть воспринимает реальный диалог с народом, с обществом как свою слабость. Поэтому убедить власть пойти на такой диалог не получится, можно лишь заставить.

Сделать это способна лишь внятная политическая сила, опирающаяся на массовую поддержку не только в Москве, но и по всей стране. Для этого

нужны прежде всего содержательная повестка, цели, задачи, программа (например, «8+8» или «Дорога в будущее»). Без этого легко манипулировать эмоциональным недовольством населения, легко стравливать людей друг с другом. Путин уже недвусмысленно продемонстрировал намерение устроить травлю «гнилых либералов, ответственных за 1990-е».

Кроме того, необходима организационная структура — политическая партия, способная не только устраивать акции «по ситуации», но и работать систематически по всей стране. Если оппозиционную политическую структуру поддержат 5–6 млн граждан России, то этого будет достаточно, чтобы начать менять положение дел в стране, приступить к трансформации режима и запустить процесс жизненно важных реформ.

Этого можно достичь, если люди почувствуют себя субъектом политического процесса — гражданами, влияющими на ход событий и ответственными за будущее своей страны.

Сегодня в России реальная демократическая политика — это не активизм, не игра в алгоритмы и не политтехнологические фокусы, а глубокая системная идеологическая работа с избирателями и строительство большой современной политической партии (см. «Громче голос»).

P.S.

Если мы пока еще не доросли до политики, тогда будем заниматься просто активизмом: обустроить детские площадки и велодорожки, бороться с точечной застройкой и транспортными хордами, собирать митинги от случая к случаю, освобождать одного из тысячи несправедливо осужденных (что, безусловно, важно), протестовать, выражать недовольство, выигрывать где-то муниципальные выборы и... ждать.

Не опоздать бы.

Фото: Findthisplace.d3.ru

Перспективы российского общества в XXI веке: окончательный уход или модернизация

Г.А. ЯВЛИНСКИЙ, А.В. КОСМИНИН, «Мир России», 2011, № 3

Данная статья является продолжением статьи «Двадцать лет реформ — промежуточные итоги? Российское общество как процесс», опубликованной в журнале «Мир России», 2011, № 2

Система периферийного капитализма, сформированная в 90-х гг., в последние 10 лет закреплялась. Ни персональные изменения во власти, ни трансформация политического ландшафта, ни «антиолигархические» кампании, ни рост цен на нефть, повлекший рост доходов населения, не затронули ее основ. Краткая характеристика сегодняшней России — период «развитого периферийного капитализма». Эта система обладает определенной устойчивостью, но в динамичном мире XXI века она обрекает страну на безнадежное отставание, а при определенных условиях может привести к серьезным потрясениям. Путь к преодолению периферийного капитализма лежит через преодоление разрыва между обществом (народом) и государством, воссоздание российского государства на качественно новой основе. Ниже мы предлагаем «дорожную карту» российской модернизации.

ПЕРИФЕРИЙНЫЙ КАПИТАЛИЗМ: ОТСУТСТВИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Рост доходов в последние десять лет привел только к консолидации и консервации тех негативных явлений, которые сложились в 90-е гг. как в отношении структуры общества, так и в направленности ее развития. «Средний класс» сегодняшней России по-прежнему формируют профессиональные чиновники, те, кто связан с экспортом сырья, представители сферы обслуживания.

«Укрепление государства» 2000-х — это не изменение сложившихся в первое постсоветское десятилетие взаимоотношений власти и крупного бизнеса, а уничтожение гражданской альтернативы. В начале десятилетия проводилась активная политика подмены и имитации, которая затем сменилась прямым подавлением.

Самым серьезным социальным следствием политики власти постсоветского двадцатилетия стала активация схемы «ухода» — сначала как реакция на шоковый характер реформ, а затем на авторитаризм и равнодушие власти. Современные формы «ухода» — эмиграция, в том числе «утечка мозгов», социальная пассивность, политическая апатия, уход

в теневую экономику, расширение и углубление криминализации социального поведения значительных слоев общества, актуализация дезинтеграционных процессов — инфраструктурных, социально-политических, региональных, асоциальное поведение (алкоголизация, наркотизация).

Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), только с 2005 г. по март 2011 г. доля тех, кому политика интересна, сократилась с 48 до 39%, а тех, кто не уделяет ей внимание, напротив, увеличилась с 50 до 59% [ВЦИОМ, (3) 2011].

При этом 58% россиян считают, что политика «дело грязное» и высоконравственных людей в ней быть не может [ВЦИОМ, (4) 2011]. Один из ведущих отечественных экспертов по проблемам коммуникации Иосиф Дзялошинский отмечает: «Социологи и политологи знают, что, начиная примерно с 2000 года, все большая часть населения уходит в «приватизацию» жизни. По моим данным, около 70% россиян вообще изъяли себя из общественной и публичной сфер! Гражданин у нас ни за что и ни перед кем не отвечает, кроме как перед своими чадами и домочадцами» [Дзялошинский, 2011].

Подчеркнем, что речь идет не о последствиях экономического кризиса, которые можно сгладить дополнительным финансированием и компенсировать за счет очередного скачка скачком цен на энергоносители. В системе периферийного капитализма рост доходов не пропорционален росту качества населения.

См. Н.А. Зубаревич, которая утверждает: «Принято считать, что корень социальных проблем — в низких доходах, а с ростом доходов повысится и качество населения. В долгосрочной перспективе такая взаимосвязь существует, но нельзя забывать о роли социокультурной среды, которая крайне важна для России. Многие регионы и города страны плохо приспособлены для полноценной жизни, а рост доходов без модернизации образа жизни может привести к снижению качества населения. Например, проблема СПИДа и наркомании как основного канала распространения инфекции наиболее сильна в богатых регионах и городах (особенно ресурсодобывающих) без достаточно развитой социальной среды, таких как Иркутская, Самарская, Свердловская области, Ханты-Мансийский АО и др. Это проблема «потерянного» поколения — молодежи из небедных семей, но без развитых потребностей и мотиваций. Темпы роста численности инфицированных остаются высокими, география расширяется, поэтому качество молодого населения даже в богатых регионах может снижаться» [Зубаревич, 2008, с. 187–188].

При сохранении относительной стабильности и основных рычагов управления у государства существующая ситуация — это путь к росту апатии, безынициативности общества, к окончательному закрытию возможности выхода России в число ведущих мировых экономик и интеллектуальных центров мира. При неблагоприятном развитии событий и нарушении стабильности возможен новый коллапс государства, которое так же как в 1917 и 1991 годах останется без общественной поддержки один на один с деструктивными процессами и силами. Опереться будет не на кого: разрыв между рейтингами первых лиц, на который обычно ссылаются, говоря о поддержке власти населением, и рейтингами абсолютного

большинства государственных институтов, показывающими отношение граждан к государству, очень велик. Необходимо также отметить, что риски, связанные с авторитарным государством, ориентированным на внешнеполитическую конкуренцию, возрастают. К распаду государства может привести внешнеполитическая авантюра, несравнимо меньшая по масштабу, чем Первая мировая война или холодная война.

Согласно индексу доверия к политикам ВЦИОМ, самый высокий индекс доверия в середине марта 2011 г. у В.В. Путина (40), за ним следует Д.А. Медведев (от 32), далее с огромным отрывом С. Шойгу с показателем 4 и С. Иванов — 1 [ВЦИОМ, (1) 2011]. Индекс одобрения деятельности президента — 38, премьер-министра — 42, возглавляемого им правительства — 17, а рейтинг доверия Государственной Думе в 2011 г. еще не выходил из минуса [ВЦИОМ, (2) 2011]. Та же тенденция отражается в показателях участия россиян в политической и общественной жизни — на фоне прогрессирующего снижения общественной активности число «неучаствующих» становится меньше только в годы федеральных выборов: 2004 — 32% «неучаствующих», 2006 — 52%, 2008 — 45%, март 2011 — рекордный 61% [ВЦИОМ, (4) 2011].

Объективная потребность в реформах, в модернизации абсолютно очевидна почти всем. Возможно, это не до конца ясно только на самом верхнем бюрократическом этаже общественной пирамиды, где достижение и удовлетворение частных целей или интересов создает иллюзию движения, в целом, в правильном направлении. Однако на нижних, средних ее этажах острота проблем общественного масштаба ощущается отчетливо и уже не может быть заслонена мелкими частными приобретениями и успехами.

Почему же ощущение дискомфорта, испытываемое сегодня большинством общества, и понимание вышеприведенных весьма тревожных тенденций, которыми переполнена наша либеральная пресса, не выливаются в борьбу за социальные и политические права, в голосование за оппозицию на выборах и иные формы политической активности? Еще раз подчеркнем, что дело, по нашему мнению, не в ментальной архаике и патриархальности традиций.

Первая реальная проблема, связанная с состоянием общественного сознания, — это уже отмеченное нами распространение различных форм «ухода».

Во-вторых, уже внутренняя политика «реформаторов» 90-х, атомизировав и грубо индивидуализировав общество и практически ликвидировав фальсификациями голосования на президентских выборах и игнорированием мнения парламента связь между результатами выборов и социально-политической жизнью в стране, сделала мысли о переустройстве уклада жизни мечтами, мало соотносящимися с повседневной практикой. Внутренняя политика 2000-х окончательно закрепила эту тенденцию: несмотря на то, что люди хотят перемен и готовы им способствовать, они не верят в их реальность, в принципиальную возможность разорвать порочный круг политического сущего. По-европейски рациональной реакцией на сегодняшнюю социально-политическую действительность является приспособление, а не протест.

Кроме того, препятствием для движения к организации общественной жизни, соответствующей времени, часто становится не косность мышления, не традиция, а упрощенно, инверсионно усвоенное представление о прогрессе. Доказательство — дискуссия о модернизации, которая мечется между советско-азиатским идеалом модернизации сверху, «жесткой рукой», и идеалом свободы, основанном на ельцинских 90-х. Несмотря на это, для нас очевидно, что общественная потребность в реальной модернизации, направленной на создание нового качества жизни, будет пробивать себе дорогу даже в условиях укрепившегося в последние годы общественного застоя, располагающего к конформизму и уходу от активных проявлений протестных настроений.

В 2001 г. во время событий вокруг силовой ликвидации телекомпании НТВ и холдинга Медиа-Мост в целом наибольшим, на наш взгляд, препятствием для консолидации общества была не традиционная пассивность (митинги в защиту НТВ собирали тысячи человек, подписей собиралось на порядки больше), не «державность», уходящая корнями в «московскую» историю, а утвердившееся в новом «среднем классе» представление о корпоративной этике. Дело здесь не только в том, что многие журналисты стыдили коллег, осмелившихся не по-современному «жить кишками наружу», а в том, что подобного рода тезисы упали на благодатную почву. Да и на смену пришли не дикторы ЦТ советской выучки, а амбициозный «второй эшелон» журналистов, профессионально сформировавшихся в 90-е. В этом контексте только с улыбкой можно отнести к рассуждениям о «социокультурном расколе общества», наличии «культурного авангарда», обладающего современным сознанием и инертной массой, «гасящей» модернизационные импульсы.

При этом нельзя просто положиться на то, что снижение авторитарной нагрузки на социально-политическую систему, предоставление гражда-

нам реальных политических и гражданских свобод постепенно выведут страну на перспективный путь развития.

Описанное нами в предыдущей статье расколотое, эклектичное сознание нестабильно, оно находится в движении. Если оно не будет двигаться к современной европейской организации взаимоотношений между обществом и государством, оно будет деградировать и «сваливаться» в национализм, реваншизм, вместо следования к реальной цели будет стремиться в мир утопий и фантомов.

Один из главных уроков наших реформ заключается в том, что само по себе, «невидимой рукой» ничего позитивного не делается, происходит только накопление энтропии, которое затем выливается в хаос и развал.

ЧТО И КАК ДЕЛАТЬ — ДОРОЖНАЯ КАРТА РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Сегодня мы видим свою задачу в том, чтобы, не дожидаясь грядущих кризисов, попытаться сформулировать и предложить своего рода «дорожную карту» будущих российских реформ, исходя из реалий в стране и мире и из фактически имеющихся, а не воображаемых возможностей российской власти. Итак, что для этого необходимо? В первую очередь необходимо внести ясность в вопрос о конечных целях. Ныне существующая ситуация, когда отсутствие стройной и непротиворечивой системы представлений о будущем страны компенсируется абстрактными лозунгами «величия и процветания», аморфной и беззубой идеологией «центризма» или тавтологичными заявлениями о свободе, не может быть более терпима. Необходимо определиться, какие ценности будут культивироваться в нашей стране с ее противоречивым прошлым и не менее противоречивым настоящим; какое место она будет занимать в мире — в мире, который

в обозримом будущем неизбежно будет оставаться внутренне разделенным, — через десять, пятнадцать, двадцать пять лет.

Нравится это нам или нет, но реальность нашего времени такова, что мир продолжает оставаться крайне неоднородным — наряду с группой стран, концентрирующих у себя большую часть наиболее ценных экономических ресурсов, в первую очередь, интеллектуальных и технологических, а также финансовых и силовых, существует и будет существовать огромная мировая периферия, лишенная доступа к основной части благ, являющихся результатом использования этих ресурсов. Для России как страны, находящейся сегодня в «серой зоне», где имеются объективные предпосылки для движения в разных направлениях, существуют только два пути: либо, используя эти предпосылки, попытаться стать частью ядра мирового капиталистического хозяйства (этот путь условно можно назвать «европейским выбором» для России), либо искать свое место на его периферии. Можно приводить аргументы в пользу того или другого варианта, но очевидным должно быть одно — никакого «третьего», «евроазиатского», какого угодно «своего» пути нет и не будет.

Страх поступиться частью собственного суверенитета как аргумент против «европейского» или «евроатлантического» пути для России понятен и даже отчасти обоснован. Но единственная альтернатива — место на периферии мировых процессов. Она также неизбежно связана с ограничением государственного суверенитета — не обязательно формальным, но по существу еще более значительным, поскольку суверенитет и независимость имеют смысл только в той степени, в какой имеются практические возможности их реализации. Суверенитет слабого и зависимого — это как свобода без денег: вроде бы есть, а воспользоваться невозможно.

Компас для реформ

Если же мы посмотрим на то, чем отличаются страны, входящие в первую группу, от остальных, то нельзя не признать в качестве общей и объединяющей их черты наличие определенного набора базовых ценностей,

к которым в первую очередь относятся приоритет прав человека, в том числе права собственности, индивидуальная свобода и понятие социальной справедливости.

Можно спорить о том, что первично — эти ценности или экономическая эффективность. Является ли относительное экономическое процветание этой группы стран следствием приверженности их политической элиты названным ценностям или, наоборот, экономическое благополучие создает возможности для относительно более полной реализации принципов личной свободы, безопасности и сглаживания социального неравенства? Представляется, что истина в этом споре лежит где-то посередине, но главное в другом. Признавая, что было бы контрпродуктивно, да и просто глупо, пытаться немедленно перекроить ткань общественных отношений в строгом соответствии с названными ценностями, нельзя вместе с тем не видеть, что без формулирования их как общественных целей, как ориентира при выборе стратегии никакие реформы как средство модернизации российского общества невозможны. Модернизация государства без человека, без провозглашения и реального приоритета интересов конкретного гражданина неизбежно приведет нас в ряды наций бедных и бесправных, то есть в конечном итоге к ситуации, прямо противоположной задачам модернизации.

Итак, первым шагом на пути реальной модернизации и эффективных реформ как ее инструмента должно быть принятие в качестве базовых ценностей человека и гражданина, и его свобод; его права на собственность и одновременно на социальную справедливость; приоритета института права по отношению к соображениям политической целесообразности и субъективным представлениям о ней конкретных лиц, наделенных властью и собственностью. Естественно, речь идет не о слепом следовании этим принципам во всех возможных ситуациях, но о принятии их в качестве главных, базовых ориентиров. Другими словами, понятия правового государства, гражданских прав и свобод, социальной справедливости должны стать своего рода компасом «дорожной карты» российских реформ.

Мы также должны трезво отдавать себе отчет, что подлинные реформы, которые еще только предстоит начать, стартуют не с чистого листа. Нынешнее российское общество — отнюдь не *tabula rasa*, у него есть своя история, да и у самих реформ — предыстория в виде весьма неоднозначных событий последних полутора десятилетий, которые наложились на имперскую самодержавную и советскую тоталитарную традицию. Соответственно, прежде чем начинать собственно реформы, необходимо определиться с существующими условиями и, главное, извлечь уроки из провалов в недавних реформах, а также подвести некую черту под нынешним периодом российской истории со всеми его политическими, социальными и экономическими последствиями.

Как осуществлять реформы в России, чтобы они были эффективными, глубокими и необратимыми? Осмысление теории реформ с учетом российской культурной и исторической традиции и критический анализ их практики позволяет сформулировать некоторые уроки.

См. также А.С. Ахиезер «Россия: критика исторического опыта». Том III. — М.: Изд-во ФО СССР, 1991, стр. 295–322.

Урок первый. Главный объект реформы, претендующей на эффективность в условиях XXI века, — общественное сознание. Реформа утверждается через мотивы и ценности, через сложившуюся культуру, и именно в этом смысле в конечном счете — через законы. При этом общество и его сознание нельзя «ломать через колено». Реформам нужно прорастание, а не перелом. Никакие решения не могут быть реализованы, если они противоречат жизненным интересам абсолютного большинства людей.

Урок второй. Нельзя раскалывать общество. Цель модернизации — интеграция общества, а не его разделение. Носители модернизации, ее движущие силы, очаги и островки должны быть связаны со страной. Концепция модернизационного «локомотива», который подтянет к себе всю страну, не сработает. Государство должно быть инструментом интеграции общества, а не «локомотивом реформ», опережающим общество. Необходимо формирование такой государственности, которая осуществляет задачу интеграции массового сознания.

Урок третий. Не следует искать готовых решений в своем или чужом прошлом. Нельзя копировать готовые решения, необходимо вырабатывать пути трансформации, применимые к данному обществу в данный момент.

Урок четвертый. Скорость реформы — не главное. Постоянное ожидание быстрого эффекта и истерия по этому поводу крайне вредны в стратегическом плане. Это очевидно на расстоянии, но надо научиться видеть это внутри процесса.

Урок пятый. Необходимо избегать «реформаторского фетишизма» — сведения реформы к одному элементу, например, к экономике, а внутри экономики — к монетаризму.

Урок шестой. В целом, реформа — это не поход армии. Это тропинка, которая иногда исчезает. Это выращивание будущего из небольшого первоначального звена, обладающего зачаточными чертами реформы.

Власть

С точки зрения необходимости подведения черты под прошлым и создания необходимых условий для осуществления реформ первым вопросом является вопрос о власти. Нынешняя официальная власть в России (мы здесь имеем в виду не только главу государства, но всю систему государственной власти на всех ее уровнях) есть продукт полутора десятилетий, включавших в себя неоднократные колоссальные политические потрясения (достаточно вспомнить 1991 и 1993 годы), неоднократные нарушения политической преемственности, кулуарную разработку и фактическое навязывание обществу системы организации государственной власти и ее почти перманентную перекройку. Более того, на этом фоне власть неоднократно лгала обществу, подменяла понятия, отказывалась от своих обязательств перед ним. Все это не может не сказываться на восприятии обществом государственной власти в плане ее легитимности — пусть не в форме прямого и публичного оспаривания последней (такие вещи сравнительно легко поддаются пресечению и контролю), но

в форме скептического и цинично-равнодушного отношения населения к деятельности государственных институтов и готовности саботировать любые их решения. Одновременно власть унаследовала в полной мере традиции предыдущей эпохи, которые были заложены еще Сталиным.

Для действительных реформ такая ситуация — очень мощное, если не непреодолимое препятствие. Для того чтобы созидательные реформы могли иметь шанс на успех, доверие населения к институтам государства, авторитет закона и государственных решений вообще должны быть существенно выше, чем мы имеем сегодня: другими словами, государственная власть сегодня нуждается в новой легитимности.

Во-первых, через предоставление более широких возможностей доступа к рычагам государственной власти представителям политических и социальных групп, альтернативных правящей, в обмен на гарантии с их стороны уважения основ конституционного строя и незыблемости принципов построения и функционирования системы власти в стране.

Во-вторых, через «деолигархизацию» власти. Необходимо принятие путем компромисса пакета законов, ограничивающих политическое влияние крупных собственников путем резкого повышения прозрачности процесса принятия экономически значимых решений и формулирования четких и не подлежащих двойному толкованию оснований для отмены государственных решений, вынесенных в интересах отдельных групп и личностей в обход установленных законом процедур, а также путем привлечения к ответственности их инициаторов.

Говоря в целом, необходимы качественные изменения в системе «человек-общество-государство», создание государства, которое люди считали бы своим. Для этого нужны реформы или модернизация, суть которой в сложившихся условиях в достижении следующих трех целей:

- закон должен стать одинаковым для всех;
- создание реально действующей системы разделения властей;
- обеспечение неприкосновенности частной собственности.

Однако наблюдение за процессами, происходящими в обществе и общественном сознании, а также анализ попыток и проектов реформ последних 20 лет, все больше утверждают нас в мысли, что эти меры необходимы, но недостаточны и, более того, не реализуемы в полной мере без коренного преобразования российского государства на основе восстановления исторической преемственности.

Именно поэтому мы говорим не о дополнительной легитимации существующего государства, а о новой легитимности, фактически о переосновании государства. Современная Россия должна продолжить и завершить политическую трансформацию от самодержавия к демократии, начатую весной 1917 года и прерванную антигосударственным переворотом октября 1917 года и разгоном всенародно избранного Учредительного собрания.

Подробное обоснование и хотя бы примерные рамки этого проекта — тема для отдельной работы. Здесь же отметим, что обязательными его элементами являются:

- ясная и недвусмысленная правовая, политическая и нравственная оценка насильственного захвата власти, совершенного большевиками в 1917–1918 годах, характера и природы созданного ими политического режима и его последующей деятельности;
- разработка комплекса мер по восстановлению единства российской правовой системы, устранению последствий преступлений и беззакония советской системы;
- подготовка и проведение в ближайшие десять лет Учредительного собрания, принятие новой Конституции, закладывающей основу действительно правовой системы несоветской России.

Учредительное собрание — тема не новая. Тем не менее, очень возможно, она станет в недалеком будущем весьма актуальной*. Поскольку мы считаем безусловным приоритетом недопущение любых форм насилия, то формой процесса продвижения к Учредительному собранию мог бы стать диалог с властями, например, в форме круглого стола, позволяющий искать компро-

миссные и промежуточные решения, сохраняя при этом главную цель — изменение политической системы — создание в России правового государства, основанного на международных стандартах прав и свобод человека, сменяемости власти при помощи свободных и справедливых выборов, независимости правосудия, неуклонного соблюдения прав частной собственности. Стратегия и тактика такого круглого стола, состав его участников и многое другое, связанное с этим, — тема для отдельного разговора**.

* Авторы статьи выражают благодарность д.и.н. А.Б. Зубову, д.ю.н. М.А. Краснову, авторитетному общественному деятелю А.Н. Келину и адвокату Н.А. Бобринскому, а также к.и.н. Т.В. Черниковой, д.и.н. В.И. Уколовой, к.х.н. В.В. Когану-Ясному, к.п.н. С.С. Митрохину, к.э.н. С.В. Иваненко и Е.А. Диллендорф, которые внесли вклад в обсуждение и формирование идей, связанных с Учредительным собранием.

** Идея необходимости политического круглого стола в России по типу польского круглого стола (весна 1989 г.) неоднократно высказывалась известным правозащитником С.А. Ковалевым.

Суд

Вопрос о судебном арбитраже как независимом институте хозяйственной и политической жизни является ключевым для всей системы модернизации. Точно так же, как никакая сколько-нибудь сложная спортивная игра не может быть организована без независимого нейтрального судейства, так и экономическая и политическая системы развитого общества не могут функционировать без института независимых арбитров, в роли которых выступают государственные и арбитражные суды, которые должны практически обеспечить равенство всех перед законом и не могут быть объектом чьих-либо санкций по любым иным основаниям, кроме отступления от закона при принятии судебного решения.

Российская судебная система в том виде, в котором она существует сегодня, — это продукт иных общественных отношений, институт, в течение многих лет и даже десятилетий действующий по иным принципам и укомплектованный людьми, привыкшими лишь в минимальной степени зависеть от закона и в огромной степени — от мощных политических и экономических интересов. Игнорировать это обстоятельство при планировании процесса реформ — совершенно недопустимая ошибка, но и полная замена штата судей, равно как и штатов правоохранительной системы в целом, — вариант технически и политически неосуществимый.

Поэтому и здесь обязательным условием является своего рода подведение черты под прошлым; своеобразная амнистия за прошлые «грехи» судебно-правоохранительной системы при резком ужесточении ответственности ее работников за любые будущие отступления от буквы закона, которые в их случае должны рассматриваться как тяжкие уголовные преступления. Такая «амнистия» должна означать, например, неприменение санкций к судьям за ранее вынесенные неправосудные приговоры; однако одновременно она должна сопровождаться созданием механизма пересмотра таких приговоров: их многочисленные жертвы продолжают находиться в заключении либо остаются пораженными в правах.

Собственность

В целом вопрос о неприкосновенности собственности ясен. Его решение зависит во многом от политического курса и воли. Но имеется некая составляющая в этом вопросе, которая вызывает существенные противоречия в обществе, — это проблема крупной частной собственности, основная часть которой так или иначе связана с итогами и особенностями приватизации бывшей «социалистической» государственной собственности. Очевидно, что сегодня степень легитимности крупной частной собственности явно недостаточна, чтобы обеспечить активное участие и сотрудничество крупного бизнеса в процессе модернизационных реформ. С другой стороны, столь же очевидно, что вопрос о легитимации приватизации и возникших в ее результате отношений не имеет простого и однозначно правильного решения, так как в этом случае мотив защиты института собственности противоречит соображениям социальной справедливости, которые, в свою очередь, представляют собой важнейший элемент необходимого для успеха реформ социального консенсуса. Нужно будет принимать специальный пакет законов.

Первая часть этого пакета должна признать сделки по приватизации легитимными (кроме тех, где были совершены убийства и другие тяжкие преступления против личности) и ввести единовременный компенсационный для общества налог на чрезвычайную прибыль — windfall tax, при

этом способ определения и величина налога — вопрос для обсуждения. Вторая часть пакета включает в себя работоспособные действующие антимонопольные законы и законы о защите конкуренции, а также об ограничении концентрации капитала. Третья часть состоит из законов о прозрачности финансирования политических партий, об очевидности лоббирования в Государственной Думе и других органах, об общественном телевидении и целый ряд антикоррупционных законов, в том числе и об ограничениях прав бизнесменов, чиновников и членов правительства, которые воспользовались коррупционной приватизацией 90-х годов.

Так же как и в случае с властью, вопрос о собственности должен быть урегулирован на основе некоего компромиссного решения. Оно, с одной стороны, обеспечило бы гарантии незыблемости прав собственников при условии соблюдения ими буквы закона, а с другой, в интересах общества сформулировало бы правила распоряжения активами, которые были получены в результате бюрократической приватизации, то есть на базе нерыночных в своей основе механизмов и процедур. Конкретные схемы и варианты такого рода правил могут быть различными (например, правила оборота этих активов и участие в составе их номинальных собственников или управляющих структур нерезидентов и любого рода непрозрачных структур, и др.). Важно при этом принять такие правила, которые сведут к минимуму искажения мотивации собственников в отношении эффективности использования оказавшихся в их распоряжении активов и одновременно позволят сохранить определенный уровень контроля над их использованием с точки зрения соответствия общественным целям.

Тот же принцип должен быть применен и для легитимации собственности, приобретенной не только в процессе приватизации и с существенными нарушениями налогового законодательства. Гарантии права собственности на деньги и активы, приобретенные некриминальными методами, но без уплаты налогов, могут быть предоставлены в обмен на некоторые ограничения при их использовании (обязательный, хотя бы и временный перевод денежных средств в российскую банковскую систему, уплата постфактум подоходного налога с официальной амнистией по допущенным налоговым нарушениям и т. п.). Для того чтобы нормировать механизмы

отчуждения собственности у владельца, использовавшего для ее получения особо тяжкие преступления — убийства, захват заложников и т. п., — должен быть принят закон о порядке реприватизации.

Меры доверия

Предлагаемые действия потребуют существенного изменения общественной атмосферы, хотя бы некоторой тенденции сближения народа и государства. Словами, призывами, обещаниями, программами, учитывая наш опыт, уже ничего нельзя сделать. Нужны решительные действия. И они возможны.

Если говорить о той части граждан, которую принято называть либеральной интеллигенцией, то шагом ей навстречу является амнистия М.Б. Ходорковского. Что же касается абсолютного большинства россиян, то здесь задача сложнее. Для ее решения нужно соединить имеющиеся ресурсы с реальной заинтересованностью народа и политической волей государства. Объединяющей идеей для наших людей, реализация которой способна вызвать доверие к власти, могло бы стать кардинальное решение жилищной проблемы. Собственное жилье — вековая мечта народа в России, а уникальность нынешнего момента в том, что впервые в истории у России есть для этого необходимые ресурсы: они накоплены в последние восемь лет благодаря очень высоким ценам на нефть и другое сырье.

Старт российской модернизации должен заключаться в политике обустройства жизни абсолютного большинства граждан и экономическом освоении Сибири и Дальнего Востока, а не в Сколково, разработке новых электронных гаджетов, мобильных телефонов и нанотехнологий. С экономической точки зрения нам нужна чрезвычайная по своим масштабам общенациональная политика стимулирования и развития внутреннего спроса — действительно массовое строительство индивидуального жилья, выдача земли под строительство миллионам людей, решение «проблемы» общежитий, ветхого жилфонда, коммуналок...

Строительство жилья — мощный экономический мультипликатор. Каждый работник, занятый в жилищном строительстве, обеспечивает работой в течение года как минимум трех человек: в промышленности строительных материалов, в транспортной индустрии, связанной со строительными работами, и в торговле стройматериалами. Можно ожидать появления не менее 2 миллионов новых рабочих мест в течение ближайших двух лет.

Второй пункт программы — земля и создаваемая за счет государства инфраструктура — обеспечение водой, электроэнергией и газом. Массовая бесплатная передача земли с инфраструктурой в частную собственность под застройку семейных домов станет критическим шагом.

А третье — дороги. Жилищное строительство неразрывно связано со строительством дорог, ремонтом мостов, плотин, развитием транспортной инфраструктуры, созданием новых общественных зданий и сооружений, школ.

В самом общем виде финансирование программы «Дома — Земля — Дороги» может осуществляться за счет большей части средств Резервного фонда (755,8 млрд руб. на 1 марта 2011 года, к концу года, согласно прогнозам правительства — 1,5 трлн руб.), Фонда национального благосостояния (2 трлн 632 млрд руб. на 1 марта 2011 года), а также некоторой части золотовалютных резервов государства. С учетом экономически обоснованных ограничений правительство вполне может выделить на строительство домов, жилья и дорог не менее 14 трлн руб. По нашим расчетам, это примерно 1,8 млрд кв. метров жилья. Это значит, что можно обеспечить 14 млн семей жильем в среднем по 130 кв. метров на каждую семью.

Но возможно, самым главным станет то, что в реализации этой программы понятный и очевидный интерес абсолютного большинства нашего народа — обретение собственного современного дома — для себя, для детей, для внуков. Это, на наш взгляд, реальный механизм разворота общественной атмосферы в сторону модернизации и жизненно необходимых реформ.

После реализации названных предварительных условий можно будет приступить и собственно к процессу модернизационных реформ, содержание которых во многом самоочевидно и потому не требует пространных комментариев и обоснований. Основные направления и принципы этих реформ можно обозначить следующим образом.

Институты

Первым главным направлением осмысленных реформ должно стать создание институциональной инфраструктуры развитого общества.

Как и в случае с базовыми ценностями, вопрос о том, что первично — высокий уровень развития экономики или сопровождающая его институциональная инфраструктура, базис или надстройка, — не имеет простого и однозначного ответа. Конечно, процесс должен идти параллельно. Пытаться отстраивать современные прогрессивные институты и ожидать от них эффективного функционирования в бедном и застойном обществе бессмысленно. Но столь же бессмысленно и уповать на то, что экономический рост на каком-то этапе автоматически приведет к появлению эффективного и некоррупцированного государственного аппарата, независимой и компетентной судебной системы, достойных развитого государства вооруженных сил и спецслужб, современной системы образования, не говоря уже об институтах осуществления экономической политики, органах надзора за банковской и финансовой системами, честной и эффективной системе органов социального обеспечения и социальной помощи и т. д. и т. п.

Поэтому первой задачей в повестке дня будущих реформ являются институциональные реформы, первые результаты которых должны стать условием, а не «конечным пунктом» решения любых действительно серьезных задач в экономической области. Речь идет, в частности, о реформе системы государственной службы. Не об «административной реформе» как очередном слиянии-разделении министерств и ведомств и сопутствующей перетряске кадров, а именно о реформе государственной служ-

бы, призванной коренным образом изменить систему мотивации труда государственных служащих, повысить привлекательность госслужбы для людей способных, творческих и энергичных и одновременно резко повысить требования, предъявляемые к степени их компетентности и честности. Такая реформа должна включать в себя, помимо значимого повышения тарифных ставок, создание особой системы социальных гарантий для работников государственного аппарата, системы учета и оценки опыта предыдущей деятельности, безупречных с точки зрения закона стимулов для карьерного роста, а также системы особой ответственности работников этого сектора за нарушение установленных для них правил и норм этики государственной службы. Содержание деятельности государственных органов должно быть подвергнуто более тщательной регламентации с обязательным усилением ее прозрачности и доступности для гражданского и парламентского контроля.

Далее речь должна идти о серьезных реформах в судебной системе. После того, как под прошлой деятельностью работников этой системы будет подведена черта, степень и механизм ответственности работников этой системы за неправомерные или необоснованные с точки зрения закона решения должны быть многократно усилены, равно как и ответственность за попытки подкупа или оказания давления на судебные органы, в том числе и со стороны органов исполнительной власти. Жесткость, а главное, неотвратимость наказания за любые незаконные или необоснованные судебные решения должна перевешивать любые связанные с такими решениями блага или отношения, а механизм надзора за судебными решениями должен исключить возможность доминирования в нем какой-либо одной группы интересов или политической силы. Одновременно судьям должен быть предоставлен справедливый и эффективный иммунитет, в судах должен заработать механизм пересмотра ранее вынесенных незаконных приговоров.

Затем, безусловно, неотложным являются принятие и, главное, создание механизмов реализации целого ряда законов, направленных на противодействие коррупции и организованной преступности. Сегодня очевидно (да и весь мировой опыт подтверждает это), что обычными,

универсальными методами побороть это зло, особенно в таком запущенном состоянии, невозможно. Необходимо создание для этой цели специальных органов и сил, наделенных адекватными возможностями, вооруженных нужными для этого инструментами и надлежащим юридическим обеспечением и несущих за свою деятельность особую ответственность. Все необходимые наработки и опыт, в том числе зарубежный, имеются, дело только за демонстрацией обязательной для начала этого процесса политической воли.

К числу наиболее актуальных и срочных институциональных реформ относится разработка механизма защиты свободы информации при одновременном ужесточении ответственности за злоупотребления ею. Как и во многих других сферах, здесь необходима срочная разработка четких и однозначных критериев правомочности ограничений на распространение информации и доступ к ней, с одной стороны, и привлечения к ответственности за нарушение норм права и профессиональной этики при использовании этой информации — с другой. В противном случае обществу никогда не удастся вырваться из порочного круга информационной непрозрачности и использования средств массовой информации исключительно в качестве политического и экономического оружия. Существование же этого порочного круга в состоянии похоронить любые даже самые добронамеренные усилия по реализации политических и экономических реформ.

К институциональным реформам следует также отнести давно назревшую и даже перезревшую реформу естественных монополий и ЖКХ, которую ошибочно или с недобрым умыслом пытаются свести к чисто организационным изменениям. Суть необходимой реформы — обеспечение открытости и прозрачности для внешнего контроля структур, действующих в этих областях, подменяется бесконечными дискуссиями об организационных перестройках (слиянии и разделении таких структур, создании новых, объединении в холдинги, перегруппировании и т. д.). Их результатом может быть что угодно, но не повышение прозрачности циркулирующих в соответствующих секторах финансовых потоков.

Наконец, к этому же направлению можно отнести реформу системы социального, в том числе пенсионного обеспечения, а также реформу трудовых отношений, которые призваны заложить в стране основы современного социального государства. Важность этих реформ ни в коем случае нельзя приуменьшать ссылками на общий низкий уровень доходов, ограниченность финансовых возможностей государства, особенности и трудности «переходного периода» и т. п. Сегодня наличие сильного социального государства — это не только продукт экономического развития, но и его условие: незащищенный работник; работник, обуреваемый страхом перед немотивированным увольнением, разорительной болезнью и нищей старостью, не в состоянии стать полноценным субъектом постиндустриальной экономики нового тысячелетия.

Стимулы

Вторым направлением в рамках предлагаемой «дорожной карты реформ» должно стать создание системы стимулов для долгосрочного инвестирования и сложных форм современной экономической деятельности. Нет необходимости убеждать нас в том, что чрезмерное вмешательство государства в экономику есть экономическое и социальное зло, источник неэффективности и злоупотреблений, причина нерационального делового поведения и существенного снижения темпов экономического роста по сравнению с потенциально возможными. Однако столь же очевидно, что грамотное выстраивание системы стимулов для притока ресурсов и предпринимательской энергии в сферы, предполагающие использование технически и организационно сложных схем, подразумевающие долгосрочные горизонты делового планирования и повышенные риски и потому неизбежно зависимые от уверенности в стабильно благожелательном отношении со стороны государства, является необходимым условием для возникновения новой экономики, конкурентоспособной в рамках современного мирового хозяйства. Отсутствие некомпетентного бюрократического вмешательства — это необходимое, но явно недостаточное условие для вхождения страны в число развитых постиндустриальных экономик.

Другим таким условием, безусловно, является наличие в стране крупного цивилизованного бизнеса, не столько свободного от государства, сколько взаимодействующего с ним по тем вопросам, где конкурентоспособность бизнеса в глобальной экономике напрямую зависит от конкурентоспособности государства, от его способности находить возможности снижать долгосрочные риски и защищать национальный бизнес от негативных факторов нерыночного характера. С этой точки зрения создание эффективных механизмов взаимодействия между государственными институтами и бизнесом в целом, создание для последнего положительных стимулов и возможностей адаптации к стремительно меняющейся глобальной экономической среде должны стать отдельным и чрезвычайно важным направлением процесса форсированной модернизации.

Ресурсы для будущего

Третьим направлением реформ должно стать внесение существенных преобразований в секторы, способные и призванные предоставить ресурсы для будущего экономического и социального развития, — в систему образования и организацию научных исследований как сферы, формирующие необходимые интеллектуальные ресурсы, и в национальный финансовый сектор, являющийся поставщиком капитала. Разговоры о необходимости серьезных реформ в этих секторах ведутся давно, число подготовленных вариантов программ соответствующих действий исчисляется десятками, но количество и, главное, качество реально предпринятых мер производят удручающее впечатление. В результате состояние этих критически важных для будущего развития сфер абсолютно неадекватно масштабам объективно стоящих перед ними задач и уже сегодня является тормозом для экономического развития. Очевидно также, что эти сферы по своей природе не могут развиваться и функционировать вне рамок государственной политики и уже в силу этого должны быть в центре внимания любой программы модернизационных реформ.

Разумеется, список объектов реформаторских усилий, выдвигаемых в повестку дня задачей модернизации, не ограничивается вышеперечисленными направлениями. Так, например, совершенно отдельную тему составляет план необходимых политических реформ. Не было ничего сказано и о назревших реформах в сфере безопасности, в области внешней политики государства, в сфере народного здравоохранения. Да и в рамках каждого из затронутых направлений возможна дальнейшая детализация с уточнением перечня насущных задач и необходимых мер. Тем не менее главная мысль всего сказанного выше состоит в том, что тезис о якобы окончании главных реформ и их доводке и урегулировании некоторых второстепенных вопросов ложен от начала и до конца. Подлинные реформы в настоящем смысле этого слова, по существу, еще не начинались, и для того чтобы запустить их процесс, предстоит пройти долгий и трудный путь. А для этого, в свою очередь, необходимы трезвое осознание ситуации и ясная и однозначная политическая воля.

КОМУ ДЕЛАТЬ РЕФОРМЫ – ПРОБЛЕМА ЭЛИТЫ

Серьезный профессиональный анализ провалов реформ 90-х и их катастрофических последствий позволяет сформулировать ответ на вопрос «что надо и чего не надо делать», «как надо делать реформы в России». Но в ответе на вопрос «кто будет делать реформы» кроется главная трудность. Сегодня главное препятствие успешной модернизации — не столько состояние массового сознания, сколько отсутствие соответствующей этой задаче элиты. Именно это (в сочетании с отсутствием понимания уроков реформ 90-х у руководства страны) стало главной причиной того, что последнее десятилетие прошло под знаком демодернизации [Явлинский, 2003].

Ключевые характеристики тех, кого можно было бы отнести к элите, необходимой для осуществления предлагаемых реформ:

- профессионализм (не «узкая специализация», а преобладание медиации над инверсией, опора при принятии решений на высокопрофессиональные экспертные мнения, комплексный анализ ситуации, в кадровой политике — приоритет квалификации над личными отношениями и предпочтениями);
- бескорыстие (не абсолютное бесребреничество, но иерархия ценностей, в которой честь, долг и закон выше своекорыстных интересов);
- независимость (приоритет принципов и представлений об оптимальном способе решения поставленных задач над «политической целесообразностью»);
- способность влиять на общественное мнение;
- патриотизм (увязывание своего будущего и своих интересов со своей страной).

На наш взгляд, говоря об элите в современной России, как правило, имеют в виду номенклатуру — бюрократическо-гламурный слой, живущий совсем по другим законам, к тому же пронизанный коррупцией. Как причиной, так и следствием такой ситуации — являются разрыв между обществом и государством и отечественная бюрократическая традиция, которая, фактически, не прерывалась сменой политического строя. Более того, большевистская бюрократия стала еще более могущественной, консолидированной и казуистической, чем царская. Процесс появления первых ростков постсоветской элиты на рубеже 80–90-х годов, был прерван. Это было связано с двумя событиями 90-х: криминальной приватизацией (ваучеры и залоговые аукционы), а также коррумпированием потенциальной элиты в период выборов 1996 года. «Обмен» своего положения у людей, способных независимо и профессионально влиять на принятие ключевых решений о будущем страны, на сомнительную собственность, власть и большие, в основном, «грязные» деньги привел к исчезновению

перспективы формирования элиты и торжеству номенклатуры. Это еще одно тяжелейшее для страны последствие «рыночных реформ».

Однако мы не намереваемся пересматривать подходы, устоявшиеся в теории элит, социологии и политологии. Лишь подчеркиваем, что в рамках данной статьи исходим именно из такого понимания элиты, потому что наличие такого класса, способного вырабатывать решения о будущем страны, — необходимое условие ее развития.

Серьезный поиск ответов на вопрос «кому делать реформы» — отдельная и самостоятельная тема.

Литература

- Ахиезер А.С. (1991) Россия: критика исторического опыта. Том III. М.; Изд-во ФО СССР.
- Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) (1). Доверие политикам // ВЦИОМ, База данных. <http://wciom.ru/index.php?id=169>
- ВЦИОМ (2). Одобрение деятельности государственных институтов // ВЦИОМ. База данных. <http://wciom.ru/index.php?id=172>
- ВЦИОМ (3). Интерес к политике растет или падает? // Пресс-выпуск № 1725, апрель. 2011 <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111495>
- ВЦИОМ (4). Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // Пресс-выпуск № 1728, апрель 2011. <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514>
- Дзялошинский И.М. 70% россиян выключили себя из жизни общества // http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/04/110405_russia_poll_dzialoshinsky.shtml
- Зубаревич Н.А. (2008). Социальное пространство России // Отечественные записки. № 5.
- Явлинский Г.А. (2003). Демодернизация. Современная Россия: экономические оценки и политические выводы. М.: «ЭПИцентр».

Необходимость и способы легитимизации крупной частной собственности в России: постановка вопроса

«Вопросы экономики», № 9, 2007

Вопрос о праве собственности, причем именно в социально-экономическом его аспекте, становится в последние годы ключевым вопросом не только экономического, но и цивилизационно-исторического развития России. Отсутствие у граждан ясного понимания того, кто, в каком объеме и на каком основании имеет право распоряжаться хозяйственными активами в российском обществе, прямо или косвенно блокирует важные инициативы в экономической и социальной политике, а потому препятствует модернизации страны и общества.

В конечном счете нерешенность вопроса о положении и характере крупной капиталистической частной собственности в России, низкая ее легитимность в глазах общества и власти превратились в одно из главных препятствий ускоренного развития в стране полноценной капиталистической рыночной экономики — экономики, способной преодолеть отставание от наиболее развитых государств.

В силу действия различных факторов как объективно-исторического, так и субъективного характера в последние 15 лет в российском обществе не сформировалась тенденция к более или менее автоматическому

устранению этого препятствия на пути экономического роста. По данной причине пассивное ожидание постепенного признания обществом легитимности сложившегося распределения собственности естественно-историческим путем является для России неприемлемым вариантом. Чтобы успеть присоединиться к мировому клубу относительно преуспевающих стран, прежде чем условия вступления в него ужесточатся до степени невыполнимости, политический класс страны должен предпринять энергичные и скоординированные усилия для форсированного решения этой проблемы.

Опыт постсоветского периода в России показывает, что проблема легитимации частной собственности, по крайней мере в существующих сегодня условиях, не имеет чисто юридического решения. Любые юридические практики сами по себе не улучшат отношение людей и институтов к крупным частным собственникам и соответственно не устранят базисные препятствия для функционирования механизмов роста капиталистической рыночной экономики. Необходимо начать формирование в обществе устойчивого представления о нормальности, естественности и справедливости прав и возможностей, вытекающих из статуса их юридических собственников.

Таким образом, практически значимое продвижение в направлении легитимации крупной частной собственности имеет своим необходимым условием политическое решение, подкрепленное активными действиями всех причастных к этому структур и институтов. В ситуации, когда верховная исполнительная власть способна «продавить» через подконтрольные политические структуры любое решение (считая его необходимым и правильным), которое, однако, будет саботироваться структурами, ответственными за его практическую реализацию, единственный способ избежать принятия «мертворожденных» решений — это выработка их на основе компромиссного консенсуса между всеми заинтересованными сторонами и структурами.

Для этого важны скоординированные действия центральной и региональных администраций, законодательных и судебных органов, политических и профессиональных организаций, организаций саморегулирования, средств массовой информации и не в последнюю очередь организаций деловых кругов и наиболее заметных представителей российского крупного бизнеса в их индивидуальном качестве.

В этих условиях единственным субъектом, способным проявить деятельную инициативу и организовать скоординированные усилия политического класса в России в вышеописанном направлении, к сожалению, выступает только государство в лице его высших должностных лиц.

СУТЬ ПРОБЛЕМЫ И ЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Конкретный смысл нерешенности вопроса о собственности заключается в том, что частные лица и компании имеют весьма ограниченные фактические возможности владеть и распоряжаться крупными хозяйственными активами, несмотря на формальное наличие в России института частной собственности и юридическую закрепленность в этой форме собственности большей части хозяйственных активов. Признавая, что применительно к крупным активам, имеющим общественную и государственную

значимость, право частной собственности нигде и никогда не может быть абсолютным и безусловным, нельзя не отметить, что в России степень уязвимости прав крупных собственников все же чрезвычайно высока. Больше того, в действительности во многих аспектах она выходит за пределы эффективного хозяйствования, что ограничивает перспективы роста экономики.

Уязвимость прав крупных собственников, рассматриваемая как политико-экономическое явление, проявляется двояко. С одной стороны, юридические собственники испытывают сильнейшие ограничения политического и административного свойства при использовании своих хозяйственных активов. А поскольку эти ограничения не обусловлены юридическими нормами регулирования их прав и полномочий, то и любые юридические нормы в данной сфере оказываются недействующими, если противостоят политической воле исполнительной власти). В этом, пожалуй, состоит главный фактор нестабильности отношений собственности применительно к крупным хозяйственным активам.

Многочисленные факты, приводимые в любой серьезной деловой литературе и СМИ, свидетельствуют о слабой действенности норм формального права перед лицом политических решений.

Иными словами, реальный контроль юридического собственника над действительно крупными активами возможен только в том случае, если он в той или иной форме располагает правом административного контроля¹. «Поход» крупнейших бизнесменов-собственников в региональную власть (до отмены выборности глав регионов, когда этот процесс еще не был подчинен федеральной власти) был вызван скорее хозяйственными соображениями, чем политическими амбициями.

¹ Делягин М. Россия после Путина: неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция? М.: Вече, 2005. С. 386.

К этому выводу приходят многие российские авторы, профессионально занимающиеся вопросами российской экономической политики. М. Делягин, например, отмечает, что в современной России «немыслимая для рыночной экономики незащищенность права собственности» делает «неприемлемо рискованными любые инвестиции без административного контроля над их объектом».

С другой стороны, не менее важна социальная уязвимость прав собственников. Так, основные общественные силы в большинстве своем считают право нынешних собственников на распоряжение соответствующими активами условным и небесспорным, случаи же его нарушения, не говоря уже об ограничении, — делом исключительно самих собственников, а не государства и общества. Следовательно, проблема состоит не только в административно-силовом вмешательстве в реализацию права распоряжения объектами собственности, но и в явной сомнительности самого права. Речь идет, таким образом, о недостаточной легитимности утвержденных юридическими актами прав собственности применительно к важнейшим экономическим активам с точки зрения как населения в целом², так и (что даже более важно) основных общественных институтов. На последнем из названных моментов в силу его важности остановимся подробнее.

² См.: Газета. 2007. 20 апр.

Согласно результатам регулярно проводившихся ВЦИОМом опросов, количество людей, не признающих итоги приватизации, в течение всех последних лет остается на уровне 50–60%.

О нелегитимности (или, во всяком случае, недостаточной легитимности) прав крупных собственников в первую очередь свидетельствуют действия властных административных институтов на всех уровнях. Последние не пресекают и не пытаются пресечь попытки (под надуманными предлогами или даже без таковых) захватить и передать другим лицам и организациям контроль над находящимися под их ответственностью предприятиями и иными хозяйственными

активами. Силовой передел собственности остается важной составляющей современной российской экономической системы³, несмотря на все разговоры о том, что он ушел в прошлое.

³ Волков В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М.: ГУ-ВШЭ, 2005.

Актуальность и острота проблемы так называемого черного рейдерства сегодня признаются и кремлевскими экономистами⁴. Но ее причины, безусловно, лежат в том числе и в двусмысленности позиции государственной власти: «черное рейдерство» является помимо прочего следствием нежелания власти, прежде всего административной, защищать право собственности, которое она считает по меньшей мере небесспорным. Больше того, во многих случаях ее органы прямо или косвенно участвуют в таких «переделах», преследуя либо интересы администрации как таковой, либо, что встречается чаще, личные интересы тех или иных ее членов. При этом подобное действие (или, наоборот, бездействие) органов администрации при наличии формальной «властной вертикали» не только не пресекается вышестоящими административными звеньями, но и отчасти поощряется или даже иницируется последними. Таким образом, признавая необходимость защиты прав собственников, исполнительная власть как минимум проявляет свое скептическое отношение к их легитимности.

⁴ Относительно свежий пример — получившее широкую огласку выступление Г. Грефа на заседании кабинета министров в мае 2006 г.

Легитимность права собственности ставится под сомнение и судебной системой. Отсутствие эффективной судебной защиты наблюдатели и непосредственные участники экономических отношений правомерно называют в качестве

⁵ См., в частности, материалы сайта Всероссийской ассоциации менеджеров.

одной из главных проблем российской хозяйственной практики⁵. И дело не только в недостаточной независимости судов от официальной или неформальной власти. Как показывает арбитражная судебная практика последних лет, у судей нет ясного понимания того, кому и на каких основаниях должны «по справедливости» принадлежать значимые хозяйственные активы.

В юридических спорах по поводу собственности «серая зона», в пределах которой решение в пользу любой из конфликтующих сторон может быть подведено под букву закона, весьма обширна. В пределах подобных «серых зон» судьи вовсе не обязательно делают свой выбор под прямым политическим или силовым давлением, поскольку большое влияние на принимаемые решения оказывают и их личное восприятие того или иного хозяйствующего субъекта как легитимного, и его общественное признание в качестве такового. То есть помимо коррумпированности и политизации судов⁶ и независимо от этого в условиях, когда происхождение права собственности на подавляющую (по стоимости) часть активов является непрозрачным и вызывает серьезные вопросы у судебных органов и структур, отсутствуют критерии легитимности приобретенного права собственности, что снижает легитимность практически любого крупного собственника хозяйственных активов. Иными словами, судейский корпус, равно как и российское общество в целом, как правило, не имеет внутреннего ориентира степени легитимности того или иного собственника —

⁶ Это само по себе является серьезным фактором незащищенности собственности и соответственно тормозом экономического роста. Так, эмпирические данные по более чем 70 странам показывают устойчивое и статистически значимое положительное влияние уровня реальной независимости судей на экономический рост. См.: Тамбовцев В., Шаститко А. Упорядочение отношений собственности // Стратегия России. 2007. № 4.

ориентира, исключительно важного для нормального правосудия в сфере имущественных отношений. Именно это обстоятельство создает условия для расцвета рейдерства, административного произвола в отношении легальных собственников.

Больше того, такая ситуация вызывает немалые сомнения и внутри самого предпринимательского сообщества России, которому даже на формальном уровне не удастся выработать консолидированное мнение и открыто сформулировать свою согласованную позицию.

Достаточно вспомнить историю с выработкой РСПП позиции по делу «ЮКОСа» и острую дискуссию вокруг вопроса легитимности результатов так называемых залоговых аукционов.

Однако сообщество даже и не обозначило его в качестве главной общественной проблемы.

В качестве примера можно привести доклад председателя РСПП на XV съезде этой организации в связи с принятием ее среднесрочной программы до 2008 г., опубликованный на ее официальном сайте. Вопрос о легитимности прав крупных собственников оказался, по сути, деликатно обойденным.

В числе прочего это объясняется и тем, что разброс интересов и мнений внутри него по данному вопросу, а также противоречия настолько велики, что идея масштабного перераспределения крупных хозяйственных активов — перераспределения на национальном, государственном уровне — имеет немало скрытых сторонников в самом классе собственников⁷.

⁷ Дискуссия в Фонде «Либеральная миссия». 2003. 14 окт.

Как заметил по поводу руководства РСПП Е. Ясин, «при всем своем потенциале, каждый из этих крупных бизнесменов преследует в своей деятельности исключительно свои частные интересы, которые объединяются с большим трудом и не по доброй воле».

Наконец, и средства массовой информации в большинстве своем заняли скептическую позицию. При всех нюансах, вызванных личными, субъективными убеждениями и пристрастиями, большинство тех, кто активно формирует или оказывает существенное влияние на общественное мне-

ние в стране, считают допустимым и даже необходимым реформирование структуры собственности усилиями государства. Расходятся они только в оценке тех или иных методов или иных ограничений. В любом случае социально активная часть российского общества, мировоззрение которой и отражают СМИ, не считает распределение собственности на сегодня неприкосновенным и допускает как минимум возможность, а то и необходимость ее принудительного изменения.

По разным опросам, число сторонников массивированного перераспределения крупной собственности (посредством национализации и реприватизации) составляет от 40 до 80%.

Таким образом, проблема утверждения в России частнокапиталистической собственности не может считаться решенной. Формальное признание этой собственности до сих пор не сопровождается наделением собственников соответствующими правами и полномочиями в качестве легитимных и подлежащих безусловному уважению. Содержание отношений собственности на крупные активы по-прежнему не соответствует юридической форме и во многом остается неопределенным. Иначе говоря, реальные отношения по поводу владения и распоряжения экономическими активами, их отчуждения и т. д. регулируются не только и не столько формальными нормами права (неважно, удовлетворительными или нет), сколько силой и властью, в том числе неофициальной и теневой.

Эта мысль может формулироваться по-разному. Например, в докладе С. Левина «Государство и проблемы формирования „контрактного общества“ в современной России» говорится о «превращении формальных прав собственности в специфический актив, ценность которого зависит от наличия других специфических активов неформального типа, таких, как «административный ресурс» и «инсайдерская информация». (Интернет-конференция «Поиск эффективных институтов для России XXI века». 2003. 2710.—2712.) Суть явления, однако, в любом случае сводится к тому, что формальный титул собственника сам по себе не означает реального доступа к управлению ресурсами, являющимися объектом собственности.

Действия последней слабо поддаются прогнозированию, вследствие чего возникает неопределенность, когда любая частная собственность на крупные активы воспринимается как условная, временная, не обеспечивающая формальным собственникам права на полное и безусловное распоряжение ими.

Вряд ли есть необходимость подробно раскрывать негативные последствия этого явления для экономической жизни страны: в подавляющем

своем большинстве они очевидны. Поэтому в тезисной форме перечислим наиболее существенные из них.

Во-первых, неопределенность реальных прав собственников экономических активов, существенных в масштабах России, означает резкое сужение горизонтов хозяйственного планирования и, как следствие, снижение инвестиционной активности российских компаний, их ориентацию на получение максимальной прибыли в короткие сроки, усиление акцента на управлении финансовыми потоками в противовес долгосрочной стратегии роста капитализации бизнеса, стремление сохранять значительную часть собственности в форме высоколиквидных, но малопроизводительных активов.

В этой связи уместно процитировать высказывание М. Тэтчер: «Произвол и непредсказуемость несовместимы с созданием богатства... Общество, в котором есть сомнения по поводу того, кому что принадлежит, не может рассчитывать на продолжительное и успешное развитие». См.: Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М.: Альпина Паблишер, 2003. С. 411, 412.

Во-вторых, характерным становится вывод значительной части финансовых активов за пределы страны, прежде всего в различные оффшорные структуры. Формирование прибыли крупных предпринимательских структур и систем по возможности выводится за рубеж под защиту иностранных правовых и политических систем. Это присуще не только изначально частным экономическим структурам, но и предприятиям с государственным участием.

В-третьих, стремление обезопасить свой контроль над активами посредством номинального перевода их в категорию собственности иностранных инвесторов (передача формальных прав собственника в руки оффшорных компаний и групп) ведет к усложнению юридических и институциональных форм самого контроля над предприятиями. Появление большого количества промежуточных и отвлекающих номинальных собственников осложняет работу с потенциальными инвесторами и партнерами, вызывая дополнительные риски утраты контроля из-за недобросовестных и мошеннических действий недружественных структур.

В-четвертых, восприятие частной собственности внутри страны как лишенной гарантий неприкосновенности и отягощенной в целом рядом произвольно устанавливаемых властью условий и обязательств в негативном плане отражается и на восприятии российского бизнеса (и российского имущего класса в целом) за рубежом, в первую очередь в развитых странах, где у него есть свои серьезные интересы.

Неслучайно переход под контроль российских компаний сколько-нибудь важных и национально значимых активов и предприятий в зарубежных странах неизменно вызывает в них волну опасений и глухое сопротивление правительств и бизнес-сообществ. Не в последнюю очередь это связано и с тем, что в самой России любой частный собственник как субъект остается уязвимым и, мягко говоря, не может быть вполне уверенным в своем будущем.

В этом отношении характерно мнение управляющего одного из американских инвестбанков в Сити, высказанное им в связи с ожиданием сделки слияния российской «Северстали» со швейцарской Arcelor. «Российский бизнес при всем том прогрессе, который был достигнут в последние годы, по-прежнему непрозрачен по европейским меркам. Происхождение капитала не всегда понятно, имущественные вопросы, как показала история с «ЮКОСом», могут всплыть по прошествии очень многих лет. Непонятно, как будет вести себя российская власть. Будет ли она, используя опыт с «ЮКОСом», пытаться поставить под свой контроль те или иные активы? Будет ли она, используя опыт «Газпрома» с отключением газа Украине этой зимой, использовать бизнес-интересы для достижения политических целей? Поскольку уверенности в ответах на эти вопросы в Европе нет, многим не нравится идея слияния с россиянами» // Эксперт. 2006. № 21.

В-пятых, значительное число успешных российских предпринимателей, едва добившись определенного уровня капитализации своего бизнеса и опасаясь лишиться его из-за неурегулированности вопроса о собственности, стремятся продать собственность и отойти от публичной предпринимательской деятельности в самой России. Это наносит большой урон российской экономике как непосредственно (вследствие потери финансовых и предпринимательских ресурсов), так и опосредованно — из-за упущенных возможностей роста национального капитала.

В конечном счете невысокая степень легитимности крупной частной собственности порождает чистый отток из России всех видов хозяйственных ресурсов — от финансовых до интеллектуальных и управленческих. В результате такие важные параметры, как темпы накопления и масштабы инвестиций, уровень конкуренции и монополизации в экономике, харак-

тер трансграничного движения капитальных ресурсов и степень интернационализации российского бизнеса, консервируют чрезвычайно неэффективную структуру российской экономики, закрепляя за ней тупиковое положение в рамках мирового капиталистического хозяйства.

Не будет преувеличением сказать, что принятие действенных мер по преодолению неопределенности в отношениях собственности становится главной задачей разработки любой ответственной экономической стратегии, важным аспектом институциональных реформ, необходимость которых очевидна для всех, кто ставит перед собой цель развития и модернизации нашей страны и общества.

НИЗКАЯ ЛЕГИТИМНОСТЬ КРУПНОЙ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ: ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ

Проблема неопределенности прав и границ собственности, условного характера крупной (да и, строго говоря, не только крупной) частной собственности в современной России поднималась нами и раньше⁸. Как мы пытались показать, причины дефицита легитимности крупных собственников с точки зрения власти (в широком смысле этого слова), бизнеса и общества в целом, а также западной экономической элиты многообразны. Это, в частности: 1) исторические традиции; 2) «антиолигархическая» пропагандистская кампания; 3) искаженная структура частной собственности в России, отсутствие среднего слоя собственников; 4) отсутствие видимой экономической и социальной

⁸ См., в частности: Явлинский Г. Периферийный капитализм. М.: Интеграл—Информ, 2003.

эффективности использования крупным частным капиталом принадлежащих ему хозяйственных активов; 5) дефицит международной легитимности российских крупных частных собственников; 6) юридическая непрозрачность структуры собственности; 7) специфический характер российской приватизации 1990-х годов. Остановимся на этих факторах более подробно.

1. Многие исследователи утверждают, что в течение новой и новейшей истории частная собственность в России всегда носила ограниченный характер и никогда в полной мере не распространялась на крупные, важнейшие для экономической жизни государства ресурсы. Основная часть земельных угодий, недра, коммуникации всегда находились в собственности самодержавного (впоследствии советского) государства, и претензии отдельных лиц на право по своему усмотрению безраздельно владеть и распоряжаться ими никогда не воспринимались всерьез ни властью, ни обществом.

Идеология и практика советского периода способствовали закреплению на подсознательном уровне известных тезисов: крупные объекты не могут и в принципе не должны принадлежать отдельным лицам; собственность (капиталистическая частная собственность) «есть кража»; в основе любого крупного состояния лежит преступление и т. п.

Не помогала разрушению этих архетипов сознания и практика первых лет постсоветского периода, когда формирование личных состояний и крупной собственности на производственные объекты сопровождалось резким падением уровня жизни огромной части населения, уничтожением сбережений, расцветом мошенничества на всех уровнях, ростом правового нигилизма и всякого рода моральных перекосов в общественной и политической жизни. Финансовый кризис 1998 года привел в числе прочего и к прямой реквизиции денежных средств предприятий и населения собственниками частных коммерческих банков, где хранились их вклады. При этом некоторые из этих собственников впоследствии продолжали фигурировать в списках богатейших людей России. Естественно,

в подобных условиях советские представления о крупной частной собственности на хозяйственные активы как о проявлении несправедливости, отклонении от нормального, должного порядка вещей пустили еще более глубокие корни.

2. «Антиолигархическая» кампания против крупных бизнес-групп, прежде всего финансово-коммерческих, начатая определенной частью властной элиты еще в конце 1990-х годов и достигшая своего апогея в ходе избирательного сезона 2003–2004 годов, во многом дискредитировала идею крупной частной собственности, закрепив в общественном сознании представление о том, что любая крупная собственность является продуктом преступных действий и не может быть признана законной и справедливой.

3. Определенную роль в массовом неприятии крупной капиталистической собственности как легитимной сыграла и искаженная структура частной собственности в целом. Средний слой собственников в постсоветской России сложился в куцем и, главное, в искаженном виде. Основная часть так называемого среднего класса в России — это люди, несколько приподнявшиеся над низким уровнем, но не располагающие сколько-нибудь существенными активами помимо собственного жилья, в большинстве случаев единственного для семьи. Вложения в реальные и финансовые активы, которые, собственно, и составляют основу выработки уважительного отношения к праву частной собственности, являются привилегией крайне ограниченной группы лиц. В результате по-настоящему крупные промышленные собственники (пресловутые «олигархи» в массовом сознании) практически не имеют опоры в лице широкого круга менее крупных собственников — как владельцев значимых производственных активов, так и миноритарных собственников, совладеющих этими активами через инструменты фондового рынка.

4. Огромные и потенциально ценные для экономики страны хозяйственные активы, оказавшиеся в частных руках, используются не полностью и не самым эффективным образом, а то и просто физически и морально стареют без какой бы то ни было пользы для общества и государства. Целые отрасли, оказавшиеся в частной собственности, в течение длитель-

ного времени стагнируют или лишены в долгосрочном плане перспектив достичь международной конкурентоспособности.

Массовая скупка предприятий, участков, лицензий и т. п. проводилась без четко поставленной цели и, главное, не была подкреплена финансовыми, организационными и другими ресурсами в достаточном объеме. На фоне разговоров о заведомо высокой эффективности частной собственности, в том числе крупной, многие частные компании оказались несостоятельными с точки зрения качества управления реальными активами. Даже в сознании социальных групп, прочно связанных с интересами современного российского капитализма, — наемных менеджеров, государственного бюрократического аппарата, правоохранительной системы, творческой интеллигенции и др. — представители крупного бизнеса не ассоциируются с рачительным хозяйствованием и тем более с созданием новых и перспективных направлений и отраслей.

Хотя во многих случаях названные негативные стороны имеют определенные объективные основания (неблагоприятный деловой и инвестиционный климат, общее ощущение нестабильности, административные барьеры и помехи, ограниченный доступ к кредитным ресурсам, дефицит кадров и т. д.), субъективно бездействие новых собственников и наносимый ими ущерб ассоциируются с самим явлением крупной частной собственности вообще. Больше того, очевидная слабость российского капитализма многих приводит к выводу, что сложившаяся в стране структура собственности как минимум не оптимальна и нуждается в принудительном изменении.

5. Несмотря на определенное улучшение ситуации в последние годы, очевиден дефицит международной легитимности крупных российских предпринимателей в качестве собственников. Отчетливо это проявляется при их попытках приобрести крупные и особенно социально значимые активы в других странах. В таких случаях презумпция невиновности перестает срабатывать, и дефицит легитимности прав российских инвесторов на принадлежащие им активы внутри России широко используется конкурентами для того, чтобы жестко ограничить их экономическое присутствие за ее пределами.

Особенно остро это проявляется, в частности, при попытках покупки российскими предпринимателями активов в базовых отраслях промышленности в странах Европейского союза.

Нигилистическое отношение российской власти к правам предпринимателей-собственников внутри страны приводит к тому, что она не защищает их эффективно и за ее пределами. Политически мотивированные обвинения ряда предпринимателей (еще вчера принимавшихся на самом высоком уровне в Кремле) в мошенничестве, взяточничестве и хищениях, немедленное объявление их в международный розыск, естественно, не могут не порождать опасливого и скептического отношения к российскому частному предпринимательству вообще. Немалая доля ответственности за это, однако, лежит и на самих предпринимателях: междоусобная конкурентная борьба между ними; дискредитация соперников через средства массовой информации; сомнительные юридические атаки посредством «дружественных» судов и государственных регуляторов; жесткие силовые акции и т. п. Все это, безусловно, подрывало и продолжает подрывать отношение к ним за пределами страны как к законным собственникам и добропорядочным бизнесменам.

6. Отрицательную роль играет и традиционная юридическая непрозрачность структуры собственности на многие крупные активы, формально принадлежащие многочисленным юридическим лицам. Многоступенчатость схем, обеспечивающих конечным собственникам контроль над находящимися в их распоряжении активами, вовлечение в них различных оффшорных компаний, не имеющих ни истории, ни доказательств добропорядочности и надежности управляющих структур, равно как и юридической чистоты сделок по приобретению тех или иных активов, порождают у потенциальных кредиторов и инвесторов вполне законные опасения по поводу легитимности их прав собственности. Кроме того, в условиях многоступенчатости схем контроля и множественности сделок при желании всегда можно найти относительно слабое звено и оспорить правомерность владения соответствующими активами как такового.

7. На специфическом характере российской приватизации в силу ее значимости мы остановимся особо.

СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР РОССИЙСКОЙ ПРИВАТИЗАЦИИ 1990-Х ГОДОВ

Специфический характер российской приватизации (высокая степень криминализации, подразумевавшая, конечно же, и высокую степень коррумпированности государственных органов, занимавшихся организацией и проведением приватизационных процедур) непосредственно связан с нелегитимностью прав на приобретенные в ходе ее проведения крупные хозяйственные активы. Кроме того, многочисленные случаи приватизации не по закону, а «по указу» (даже когда это в принципе допускалось законодательством при достаточно широком его толковании) уже сами по себе, независимо от наличия или отсутствия в них элементов коррупции, также снижают уровень легитимности прав собственности. Хаотичность приватизации, отсутствие простых и четких правил, соблюдаемых всеми участниками процесса (что является обязательным элементом при оценке его результатов как справедливых и честных), запутанность и нестабильность процедур — все это, безусловно, породило в общественном сознании восприятие приватизации как несправедливой и, следовательно, подлежащей возможному пересмотру.

Помимо процедурных вопросов, немалое значение имел и вопрос о размерах компенсации, которую государство в качестве собственника приватизируемых активов получало за отказ от своих прав на соответствующие активы. Понятно, что взвешенно и добросовестно оценить, насколько справедлив конкретный размер компенсации по тем или иным объектам, чрезвычайно сложно. По мнению некоторых экономистов, в силу ряда факторов и специфики экономических и политических реалий начала 1990-х годов практически определить величину «справедливой» цены было невозможно, а диапазон экономически оправданных оценок приватизируемых объектов был чрезвычайно широк. Соответственно, с этой точки зрения говорить о том, что приватизация проводилась по многократно заниженным, «бросовым» ценам, нет серьезных оснований.

Есть, однако, и альтернативная позиция. Государство обязано было, несмотря на все методологические и технические сложности, в том числе

изложенные выше, установить некий минимальный уровень цен на приватизируемые объекты. Этот уровень должен был бы отражать их реальную ценность при нормальном использовании в нормальных условиях и не допускать передачи объектов в частную собственность без получения бюджетом адекватной компенсации. Если хозяйствующие субъекты были неспособны или не желали заплатить установленную цену, то государство обязано было эффективно использовать данные объекты в рамках государственного сектора до тех пор, пока для их приватизации не созрели условия, приемлемые для общества. В любом случае, согласно этой точке зрения, государство не должно было поддаваться паническим настроениям и шантажу со стороны недобросовестных претендентов на государственную собственность и отдавать принадлежащие ему объекты исходя из произвольно установленных самим же государством жестких временных ограничений и предельных сроков.

Подобная точка зрения, безусловно, не лишена недостатков и может быть подвергнута обоснованной критике, но ее популярность и огромное воздействие на общественное сознание не вызывают сомнений. Получила распространение точка зрения, что «большая» приватизация была осуществлена фактически в форме раздачи бывшей государственной собственности ограниченной группе физических лиц. К тому же компенсация за передачу прав собственности по своим размерам оказалась несопоставимой с реальным эффектом, полученным частными собственниками в результате использования приватизированных ими активов.

Даже если бы так называемая большая приватизация была всего лишь мифом, степень его популярности настолько велика, что превращает его в неотъемлемую часть общественного сознания и общественной жизни.

Другими словами, большинство населения страны, в том числе политически активная его часть, убеждены, что крупнейшие российские предприятия, в первую очередь добывающего комплекса, приобретены первыми (а в большинстве случаев и теперешними) их собственниками практически за бесценок, а некоторые из них, ставшие благодаря контролю над этими предприятиями богатейшими гражданами России, являются фактически «назначенными миллиардерами». Самое главное, что в этом убеждена и подавляющая часть политического класса страны.

Однако крупные недостатки проведения приватизации не сводятся только к криминализации, коррупции и хаотичности процесса. Общество могло бы и смириться с этим, если бы была создана структура распределения собственности, обеспечивающая, с одной стороны, эффективное использование основных хозяйственных активов для более или менее сбалансированного (по отраслям и регионам) экономического роста, а с другой — возможность для большинства населения так или иначе получить свою долю от ее результатов.

На практике же возникший вследствие приватизации частный сектор российской экономики оказался неспособным решить ряд важнейших с точки зрения большинства населения задач. Прежде всего был несостоятельным тезис о заведомо высокой эффективности управления активами на частных предприятиях. Активы, находящиеся в частной собственности и имеющие конкретных персонифицированных владельцев, дают эффект только в определенных условиях: конкуренция, жесткие рамки закона, охраняемые государственной властью, направление энергии частнохозяйственной деятельности в сферы, не оказывающие угнетающего воздействия на развитие остальной экономики и общества.

Из-за отсутствия таких условий большая часть представителей российского крупного частного капитала активно использовала для личного обогащения финансовые потоки, связанные с обслуживанием государственных финансов, экспортом сырья, и «улавливала» личные доходы наиболее обеспеченных слоев российского населения посредством предоставления им торгово-финансовых услуг. Частные инвестиции в реальный сектор начали приобретать заметные размеры только после финансового кризиса 1998 года, вызванного в числе прочего падением цен на основные товары российского сырьевого экспорта, что сократило возможности сравнительно легкого «отъема денег» у государства и населения. Это побудило представителей крупного бизнеса инвестировать часть своих средств в менее прибыльные сферы деятельности, в том числе в обрабатывающую промышленность.

Общественное разочарование в результатах приватизации связано также и с тем, что основная часть взрослого населения не смогла улучшить

свое социальное и материальное положение, хотя в начале 1990-х годов приватизация преподносилась населению как возможность появления новых привлекательных перспектив для каждого взрослого работающего человека. В реальности же (хотя далеко не всегда и не обязательно в связи с приватизацией) существенные страты и группы в обществе, в том числе занимавшие до этого достаточно высокое положение, не получили таких возможностей. Только единицы из них, если не принимать во внимание самую молодую часть этих групп, смогли найти для себя привлекательные возможности в частном секторе в качестве как высокооплачиваемых наемных работников, так и индивидуальных или коллективных предпринимателей. Неприятие приватизации как процесса, обманувшего личные ожидания значительной части населения, снижало в общественном сознании и степень легитимности ее результатов.

Наконец, определенную роль сыграли и случаи прямого обмана, а также пренебрежение к соблюдению идеологически выдержанных форм при ее осуществлении. В частности, серьезные негативные последствия имела так называемая залоговая приватизация 1997–1998 годов. Многие расценивают ее как циничную и по форме (передача государственных пакетов акций «в залог» без намерения погашать полученный под него символический кредит), и по содержанию (получение под видом кредита государственных же средств, ранее переведенных на счета кредиторов) передачу наиболее ценных государственных активов немногочисленной группе специально отобранных частных лиц. Хотя непродолжительная кампания «залоговых аукционов» не могла принципиально изменить картину распределения собственности, она, безусловно, усилила ощущение нелегитимности распределения собственности. Появление в высказываниях представителей власти упоминаний о «назначенных миллиардерах» на самом деле является отзвуком и отсроченной реакцией на использование рядом частных бизнес-групп откровенно циничных форм взятия под свой контроль крупнейших добывающих предприятий, впоследствии ставших основой так называемых олигархических империй.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Причины сохранения ситуации, сложившейся в ходе приватизации, в течение столь длительного времени имеют двоякую природу. С одной стороны, они связаны с характером политического строя, укоренившегося в России в последние 15 лет: авторитарная система, основанная на неразделенности ветвей власти, слабости норм права в регулировании экономической жизни; гипертрофированная роль государственной бюрократии; неконтролируемая свобода действий политико-экономических кланов внутри бюрократического класса. С другой — нынешняя структура собственности, особенно на крупнейшие, общественно значимые хозяйственные активы, не подкреплена хотя бы пассивным общественным признанием. В сознании преобладающей части населения, прежде всего социально активной его части, сложившаяся структура собственности представляется случайной и не соответствующей естественному порядку вещей.

С учетом изложенных причин можно наметить пути выхода из тупиковой ситуации. В первую очередь необходимо проведение реальной политической реформы, которая должна создать основы для развития гражданского общества. В нем формирование властных институтов происходит снизу вверх и через механизм разделения властей сопровождается созданием сбалансированной системы взаимных сдержек и противовесов. Этого можно достигнуть только при адекватном учете общественных настроений широких слоев населения. Без общественного консенсуса по поводу того, кто и почему владеет той или иной собственностью, какие для этого существуют рациональные исторические и моральные основания, нельзя обеспечить процесс самоорганизации общества, а значит, и добиться успехов в решении задач политических и институциональных реформ.

Учитывая многообразие причин слабой легитимности крупных собственников в России, программа мер по ее обеспечению должна быть комплексной и включать различные аспекты — экономические, юриди-

ческие, социальные и психологические. Это важно подчеркнуть, в частности, в связи с тем, что в рамках обсуждения данной проблемы на страницах российских изданий в последние годы значительную роль играли и продолжают играть юридические вопросы легитимации и в меньшей степени — социально-политические.

Однако главным условием и первым шагом к достижению этой цели должна стать постановка самой проблемы как общественной и государственной задачи. На первый взгляд такое утверждение может показаться риторическим приемом, однако в действительности за этим стоят весьма конкретные и важные обстоятельства. Дело в том, что легитимация права собственности в общественном сознании и в общественной практике может, конечно, происходить стихийно и подспудно путем накопления небольших изменений. Но на это уйдет несколько десятилетий. Сегодня Россия просто не имеет достаточного временного ресурса: отрицательные последствия на протяжении столь длительного периода приведут к существенному ее отрыву от развитых стран, и сам по себе вопрос о легитимности крупной собственности может просто утратить свою актуальность. Поэтому легитимация прав на собственность должна быть реализована в исторически короткие сроки. Этого, в свою очередь, можно достичь лишь при условии провозглашения такой задачи одной из приоритетных в государственной политике и принятия программы мер по ее решению.

Основные направления легитимации крупной собственности определяются необходимостью преодоления действия каждого из факторов, описанных выше: историческая инерция массового сознания; идеологемы, рожденные политическими противостояниями последних пятнадцати лет; непрозрачность российского крупного бизнеса и специфические инструменты, используемые им для обеспечения своего политического прикрытия; наследие кампании приватизации государственной собственности 1990-х годов.

Порядок перечисления факторов не является случайным. В частности, вопросы достижения общественного консенсуса по поводу итогов «большой» приватизации, и в первую очередь получивших скандальную извест-

ность «залоговых аукционов» середины 1990-х годов, сознательно помещены нами в конец списка. На самом деле, как мы пытались показать выше, вопрос об общественном утверждении итогов приватизации (на тех или иных конкретных условиях) представляет собой лишь часть, и притом не самую главную, более общей проблемы легитимации частной собственности на крупные хозяйственные активы. Без решения этой общей проблемы предлагаемые варианты легитимации последствий «залоговой приватизации», будь то в форме взимания компенсационного налога или в какой-то иной форме, окажутся локальными мерами, не способными обеспечить крупным собственникам полноценную легитимность и уверенность в неприкосновенности их собственности, обществу — ощущение справедливости, государству — надежную экономическую базу.

Именно по этой причине мы предлагаем возможные варианты «подведения черты» под итогами приватизации крупных государственных хозяйственных активов в 1990-е годы рассматривать только в контексте программы мер по реабилитации и общественному признанию крупной частной собственности как таковой. При этом речь идет не о простом признании итогов приватизации государственной властью (тем более что формально подобное признание есть и простое повторение ранее звучавших со стороны высших должностных лиц заявлений на эту тему принципиальным образом ничего не изменит), а о программе взаимных мер бизнеса и власти, создающих условия для общественного признания реально складывающихся отношений собственности, в том числе и на крупные, общественно значимые хозяйственные активы.

Предлагаемый подход представляется вполне правомерным, если учитывать, что процесс приватизации государственной собственности еще не завершен и в предстоящие годы (до 2010–2011 годов) будет осуществлена продажа крупных государственных пакетов акций предприятий в сфере телекоммуникаций, транспортной инфраструктуры, электроэнергетики и, возможно, некоторых крупных институтов финансового сектора. Вопрос о легитимности крупной частной собственности должен быть решен (пусть не в полной мере, но хотя бы в главном) до того, как оставшиеся в руках государства «крупные куски» собственности в тех сферах,

где от владения ими решено отказаться, будут тем или иным способом передаваться в частные руки. К тому же и сам процесс дальнейшей приватизации, в последние годы явно буксующий, получит дополнительный импульс.

Достаточно вспомнить такие факты, как многократное перенесение сроков приватизации государственного пакета «Связьинвеста» и намерение Российского фонда федерального имущества уменьшить размер государственного пакета, планируемого к продаже, фактический отказ от планов приватизации Внешторгбанка, снятие с повестки дня вопроса о дальнейшей судьбе «Аэрофлота» и др.

Возможной формой обсуждения и выработки таких мер по легитимации крупной частной собственности может стать социально-политическое соглашение: между государством в лице его исполнительной и законодательной власти; крупным бизнесом (его могли бы представлять ассоциации предприятий, а также общественные организации и политические движения или партии, считающие себя выразителем их интересов); гражданским обществом (с известной долей условности его могла бы в этом случае представлять Общественная палата).

СОДЕРЖАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОГЛАШЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ

Соглашение должно содержать в качестве важной общегосударственной задачи публичное признание легитимности частной собственности, включая собственность на крупные хозяйственные активы, и программу мер для ее решения. Органической частью этого соглашения должно стать утверждение итогов приватизации и подведение черты под дискуссией о ее законности и справедливости. Естественно, в данном случае речь может идти только о добровольном, комплексном пакетном соглашении политического характера, связывающем в единый узел интересы и деятельность крупного бизнеса, политических и общественных организаций и государства.

Содержание возможного соглашения, естественно, должно определяться в первую очередь задачами, которые перед ним будут поставлены. Задача-минимум — подведение определенной черты под почти пятнадцатилетней историей изменений в характере и структуре собственности в России и гарантия окончания дискуссий о необходимости их пересмотра в обозримой перспективе. Задача-максимум — создание условий для восприятия обществом в целом и его основными институтами российского предпринимательского класса в качестве полноценных собственников, имеющих не только юридическое, но и моральное право распоряжаться общественно значимыми активами по своему усмотрению в рамках тех ограничений, которые гласно установлены обществом в форме имеющих законную силу юридических актов. Общественно-политическое соглашение должно, на наш взгляд, включать следующие моменты.

1. Заявление всех участвующих сторон об окончании так называемого «переходного периода» в постсоветском развитии российского общества. Это будет означать, что основные институты и отношения в российской экономике рассматриваются всеми участниками соглашения как долгосрочные, постоянные и не подлежащие радикальным изменениям в обозримом будущем. Данный тезис должен зафиксировать необратимость перехода от фактической монополии государства на владение и распоряжение всеми общественно значимыми хозяйственными активами к экономической системе, основанной главным образом на праве частной собственности.

Крайне важно также зафиксировать положение о том, что любые попытки объявить сложившиеся отношения собственности временными, переходными, а потому условными и подлежащими пересмотру, не имеют никаких правовых и идеологических оснований. Обязательность данного положения вытекает из самой сути капиталистической рыночной экономики и не нуждается в каких-либо дополнительных обоснованиях. Очевидно, призывы к частному сектору эффективно выполнять присущие ему хозяйственные функции останутся пустой декларацией, если не будет уверенности в том, что в обществе устранены сколько-нибудь мощные

силы, нацеленные на отрицание самого института частной собственности. Пока такой уверенности у российского делового сообщества нет.

Необходимость включения в предлагаемое общественно-политическое соглашение вышеназванных положений связана в числе прочего и с тем, что в среде российской элиты распространено мнение о временном характере принадлежности широкого перечня бывших государственных активов их нынешним юридическим собственникам — частным лицам и компаниям. Более того, получившая распространение в последние годы тенденция к повторной концентрации в подконтрольных государству компаниях, прежде всего в нефтегазовой сфере, значительной части активов (ранее выведенных из государственной собственности) усиливает в обществе ощущение временного характера частной собственности и на другие активы в различных секторах экономики. Поэтому обществу должен быть послан четкий сигнал: расширение сферы государственного контроля над хозяйственными ресурсами вовсе не означает, что приватизация крупных активов является нелегитимной, а ее результаты подлежат отмене или пересмотру. Другими словами, необходимо ясное публичное подтверждение того факта, что частная собственность лежит и будет лежать в основе экономического строя в России.

2. Принцип преемственности власти, то есть подтверждение аккуратного и уважительного отношения ко всем обязательствам, принимавшимся от имени государства, включая и вопрос о правах собственности, независимо от отношения к конкретным лицам, действовавшим в тот или иной период от имени и по поручению государства. Политически мотивированный отказ от обязательств, взятых на себя прежними составами государственной власти, в том числе от обязательств, зафиксированных в действующих законах и иных юридических актах, безусловно, губителен для самой идеи легитимации права частной собственности, предполагающей признание исторической традиции как важнейшего правового основания. Законы и процедуры, установленные предшествующей администрацией, возникшие на их базе отношения собственности также являются легитимными и должны соблюдаться всеми последующими составами верховной власти.

Это, разумеется, не означает, что сами отношения сформировались раз и навсегда и не подлежат изменениям. Напротив, интересы сохранения и укрепления демократического правового порядка часто требуют принудительного приведения такого рода отношений в соответствие с интересами экономики и общества, если между ними возникают разногласия. Однако коррекция должна проводиться, во-первых, на базе правил и процедур, установленных предшествующей администрацией, а во-вторых, что еще более важно, — соблюдения баланса между изменяемыми и неизменными компонентами на каждом этапе. При этом изменения должны носить эволюционный, а не революционный характер, поскольку революционные изменения в силу своей природы несовместимы с идеей преемственности и легитимности власти.

Таким образом, приватизация государственного имущества в 1990-е годы, включая крупные хозяйственные активы, должна быть признана легитимной, а ее итоги — не подлежащими массовому пересмотру. Отдельные сделки и их результаты могут быть подвергнуты пересмотру при наличии на то серьезных, неоспоримых оснований, но подобные случаи должны носить исключительно единичный характер и не ставить под сомнение итоги приватизации в целом.

В связи с данным утверждением есть как минимум два принципиальных положения, нуждающихся в уточнении. Первое из них заключается в следующем. Государство и общество должны отказаться от утверждения, что итоги той или иной конкретной приватизационной сделки могут быть признаны недействительными, а ситуация возвращена в исходное состояние только из-за нарушения тех или иных юридических норм. Помимо прочего это означает, что юридические нормы должны применяться с учетом влияния, которое они оказывают на общественное сознание и экономический климат в государстве в долгосрочной перспективе.

Даже в условиях правового государства с прочными традициями уважения к закону юридические нормы все же не являются абсолютным императивом. Тем меньше смысла настаивать на тщательном расследовании всех нарушений юридических норм в ходе приватизации в постсоветской

России. Здесь закон был и остается в большей степени политическим орудием, нежели регулятором существенно значимых отношений в обществе, особенно отношений по поводу использования крупных хозяйственных активов. В такой ситуации вопрос о правомерности отношений собственности, возникших в результате приватизации, требует политического в своей основе решения, которое должно затрагивать в том числе и вопрос о юридической чистоте уже состоявшихся в прошлом приватизационных сделок.

Второе положение заключается в том, что признание легитимности итогов приватизации 1990-х годов, будучи необходимым, не должно быть безусловным. И в средствах массовой информации, и в специальной литературе содержится большое число негативных, а в отдельных случаях — и просто разрушительных для экономического и социально-психологического климата примеров «большой приватизации». Слишком много вопросов, крайне острых как для нынешних собственников, так и для тех, кто несет моральную и политическую ответственность за осуществление приватизации 1990-х, остается сегодня без удовлетворительного ответа⁹.

⁹ Медведев Р. Владимир Путин: четыре года в Кремле. М., 2005. С. 173.

В качестве примера можно привести следующую цитату из книги историка Р. Медведева: «Мы слышим об огромных состояниях и о сделках в сотни миллионов долларов, но мало кто может объяснить обществу, как эти деньги и контрольные пакеты множества гигантских предприятий были заработаны и получены, да еще за столь краткие сроки. Мы узнаем, что громадные, известные всей стране заводы, а то и целые отрасли промышленности принадлежат, оказывается, частным лицам, и не всегда — российским гражданам, но мы не можем получить объяснения, как и почему это произошло и что дает эта смена собственников стране и ее экономике. Почему предприятия заполярного Норильска, которые создавались в течение 70 лет — в том числе и трудом десятков тысяч узников сталинских лагерей, — стали сегодня частным бизнесом нескольких человек из комсомольского актива 80-х годов? Каким образом можно было купить за 150 миллионов долларов предприятия, способные приносить до одного миллиарда чистой прибыли в год? Куда идет эта прибыль? Да и как смогли московские или нижегородские комсомольцы, театральные режиссеры и декораторы, пчеловоды или даже директора заводов и министерские чиновники столь стремительно заработать свои миллионы, а то и сотни миллионов долларов?»

Формальное утверждение результатов приватизации на основе предлагаемого соглашения может и должно сопровождаться предъявлением бенефициарам «большой приватизации» ряда условий, призванных ком-

пенсировать обществу часть упущенной выгоды, являющейся следствием хаотичной и недобросовестной приватизации государственных активов.

3. Определенные обязательства в виде денежных выплат или некоторых ограничивающих условий, накладываемые на собственников приватизированных крупных хозяйственных активов. Эти обязательства должны компенсировать обществу часть упущенной выгоды в результате неудовлетворительно проведенной приватизации государственных активов (компенсирующие условия). Компенсирующие обязательства должны быть применены к юридическим и физическим лицам, оказавшимся бенефициарами так называемой большой приватизации 1990-х годов. В первую очередь это относится к тем из них, кто приобрел крупные пакеты акций приватизируемых предприятий в ходе «залоговых аукционов», «инвестиционных конкурсов» и прямой продажи государственных долей так называемым стратегическим инвесторам. Полный список таких долей, ограниченный по общему количеству включенных в него предприятий и закрытый для последующего расширения, должен стать частью соглашения.

Конкретное содержание компенсирующих обязательств должно стать предметом профессионального рассмотрения на рабочем (экспертном) уровне и не может быть в полной мере заранее заданным. Принципиально важные из них должны быть четко зафиксированы и в предлагаемом политическом соглашении. Такими моментами, на наш взгляд, должны быть следующие.

Применение компенсационного дополнительного налога на бенефициаров приватизации активов в 1990-е годы. Смысл этого налога заключается в том, что значительный прирост стоимости активов в течение нескольких лет после ее проведения должен рассматриваться в качестве непредвиденного (незаработанного) дохода и подлежать дополнительному обложению. Уместной аналогией такого дополнительного налога может служить английский “windfall tax”, использованный в 1997 году лейбористским правительством Великобритании для корректировки итогов приватизации, осуществленной до этого консервативными правительствами М. Тэтчер и Дж. Мэйджора.

Учитывая, что бремя нового налога будут нести именно бенефициары приватизационных сделок, его базой должен стать прирост стоимости активов в течение установленного периода времени без учета сделанных в течение этого же срока прямых вложений данным собственником. Следовательно, базой налогообложения должна быть разница между ценой приобретения активов на момент приватизации и ценой их реализации (в случае если данный актив был реализован) либо текущей рыночной стоимостью соответствующей доли бенефициара за вычетом суммы документированных капитальных вложений или присоединенных активов. Что же касается ставки налогообложения, то она может быть установлена на уровне текущей ставки налога на прибыль.

Следует подчеркнуть, что такого рода компенсационный налог реален только при условии, что им будет облагаться ограниченный и заранее определенный перечень наиболее ценных активов, количество которых должно составлять несколько десятков, но никак не сотен или тысяч. Только в этом случае возможны эффективная работа уполномоченного государственного органа, на который будет возложено проведение тщательного расследования истории использования и реализации каждого из этих активов, определение бенефициара приватизационной сделки по поводу данного конкретного актива и расчет базы для налогообложения под контролем и с получением заключений авторитетных аудиторских фирм. В противном случае злоупотребления, коррупция и дезорганизация, сопровождающие любую массовую кампанию, негативно скажутся на деловой активности в стране и перекроют ожидаемый позитивный эффект укрепления легитимности прав собственности юридических и физических лиц.

Помимо или вместо компенсационного налога в отношении наиболее ценных из ранее приватизированных активов можно было бы предоставить государству в лице его органов управления особые управленческие полномочия, не вытекающие непосредственно из формальной структуры собственности. В частности, возможно применение такой компенсирующей меры, как предоставление государству права вето на наиболее важные управленческие решения, непосредственно определяющие судьбу дальнейшего использования активов. Эта мера явилась бы формой

дополнительного изъятия части дохода от использования ранее приватизированных активов в пользу общества в целом, то есть компенсацией за чрезвычайно выгодные условия приватизации данных активов в прошлом, только выраженной в виде потери части дохода от использования данных активов вследствие ограничений с учетом общественных интересов.

Вопрос о том, в какой пропорции следует использовать обе названные формы изъятия дохода от использования активов, следует решать на экспертном уровне для каждого конкретного случая. Однако в ряде случаев (например, для стратегических объектов транспортной и энергетической инфраструктуры; объектов, имеющих прямое отношение к обеспечению общественной безопасности и жизнеобеспечения населения) использование второй формы было бы не только оправданно, но и необходимо.

Одновременно в соглашении должны быть зафиксированы встречные обязательства государства к тем владельцам приватизированных активов, в отношении которых будут применены охарактеризованные выше компенсационные меры. Конкретное содержание такого рода встречных обязательств могло бы стать предметом отдельного обсуждения, но в любом случае в их число должны быть включены:

- гарантии от судебного преследования за правонарушения, которые могут быть усмотрены в действиях этих собственников в период приватизации (исключая тяжкие преступления против личности);
- гарантии от доначисления налога на прибыль, а также любых иных налогов применительно к оговоренным прошлым периодам;
- возможность использования для производственных инвестиций и выплат в пользу государства средств, ранее выведенных за рубеж с нарушением действовавшего в соответствующий период законодательства.

4. Исчерпывающее перечисление тех видов активов, которые по ряду причин (естественное или историческое происхождение, производный от элементов государственного суверенитета характер,

угроза общественной или государственной безопасности) могут находиться в распоряжении частных компаний и лиц без получения ими полномочий полных и безраздельных собственников, то есть с теми или иными изъятиями из таких полномочий. К числу таких активов могут быть отнесены, например, природные ресурсы; природные и исторические памятники; хозяйственные активы, особенно значимые для жизнеобеспечения населения (например, электроэнергетические мощности, железные дороги, газопроводы и т. п.), а также те, которые представляют потенциальную угрозу общественной безопасности (ядерные реакторы, мощности по производству веществ, относимых к категории особо опасных для населения, и т. п.).

К ним могут быть также отнесены активы, дающие возможность в коммерческих целях использовать принципы государственного суверенитета, например монопольно использовать услуги официальных органов власти (распространение официальной информации, проведение по поручению государства и в его интересах тех или иных операций коммерческого характера), или выполнять функции, являющиеся прерогативой государства (сертификация продукции, ведение реестров собственников и т. п.). Очевидно, активы, подпадающие под вышеперечисленные характеристики, могут находиться в распоряжении частных компаний и лиц без получения ими полномочий полных и безраздельных собственников, то есть с теми или иными изъятиями из таких полномочий.

В отличие от упомянутых ранее временных ограничений свободы управления приватизированными активами, предлагаемых в качестве компенсации за полученные нынешними частными собственниками необоснованные льготы при приватизации, в этом случае речь идет о причинах, по которым их права будут ограничены постоянно. Основанием для введения ограничений должны быть определенные характеристики или особенности функционирования самих активов, связанные с повышенной общественной значимостью сфер, к которым они принадлежат. Смысл положения состоит в том, чтобы, во-первых, заранее определить не подлежащий произвольному расширению список причин, по которым права частного собственника могут быть ограничены или урезаны государст-

вом, а во-вторых, исключить в дальнейшем возможность расширительного толкования таких причин и соответственно всякого рода неприятных «сюрпризов» для их собственников.

5. Взаимно согласованные обязательства государства и бизнес-сообщества, способствующие повышению информационной открытости и финансовой прозрачности крупного бизнеса. В частности, для бизнеса они должны включать обязательства по раскрытию информации о своих акционерах и по переносу центров прибыли крупных трансграничных холдингов и бизнес-групп на территорию России, а для государства — гарантии непереследования за отступления в прошлом от норм валютного контроля и использование механизмов трансфертного ценообразования.

В обмен на гарантии непереследования за допущенные в прошлом нарушения налогового режима, а также режима внешнеэкономической деятельности бизнес-сообщество должно взять на себя определенные обязательства по поводу полноты и своевременности раскрытия информации о своей деятельности, считающейся сегодня «деликатной» либо составляющей коммерческую тайну.

В первую очередь это относится к информации об акционерах крупных компаний, включая данные о собственниках акций, находящихся в управлении номинальных держателей акций, и конечных бенефициарах инвестиционных компаний, являющихся владельцами существенных по своей значимости пакетов акций. Данные обо всех прямых и портфельных инвестициях, в том числе достоверная информация о дочерних и зависимых компаниях, в капитале которых участвует тот или иной российский инвестор, также должны быть доступны как государственным надзорным органам, так и широкой аудитории интересующихся деятельностью российского бизнеса. Обязательства по повышению прозрачности должны, безусловно, коснуться и корпоративной истории российских частных компаний, включая информацию об их бывших владельцах и высших менеджерах.

Естественно, государство в лице исполнительной власти должно взять на себя обязательство тем или иным образом урегулировать все имеющиеся у него претензии, в том числе со стороны правоохранительных органов, к крупным предпринимателям. Последние должны быть уверены в том, что правительство и правоохранительные органы не держат «компромат», который может быть в любой момент использован для оказания на них давления и отъема собственности. Государство должно подтвердить и свою готовность после урегулирования имеющихся претензий к крупным предпринимателям засвидетельствовать чистоту прав их собственности перед любыми возможными партнерами и инвесторами, в первую очередь зарубежными. Кроме того, государство должно взять на себя обязательство придерживаться абсолютной информационной открытости в вопросах регулирования и ограничения прав собственности. В частности, следует юридически зафиксировать положение о том, что любые изменения в статусе и полномочиях юридических собственников могут вступать в силу только спустя определенный, достаточно длительный срок (например, пять или более лет) после их принятия и опубликования.

Реализация всех вышеназванных положений соглашения потребует соблюдения заинтересованными сторонами ряда условий.

Во-первых, необходимо достигнуть согласия в том, что общим вектором политического развития страны является формирование в России гражданского общества и подчинение деятельности государственных институтов основным принципам демократии. Главный из них состоит в недопущении концентрации власти в одних руках и в создании механизма юридически корректной замены лиц, осуществляющих властные полномочия, через давление «снизу».

Для нас важны не те или иные конкретные институты, с которыми обычно ассоциируется понятие политической демократии (например, выборность должностей или наличие нескольких политических партий), а принцип разделения властных полномочий между альтернативными «вертикалями».

Во-вторых, важно согласие всех заинтересованных сторон по такому принципиальному вопросу, как допустимые степень и формы участия в политической жизни страны владельцев крупнейших хозяйственных активов. Было бы наивно ожидать политической пассивности или нейтралитета от лиц, в распоряжении которых находятся активы национального значения, а также огромные финансовые потоки, не говоря уже о том, что и по закону, и по справедливости они имеют на это полное право. Более того, отказ им в этом праве означал бы, что их влияние уходит «в тень», в область никем не контролируемых действий и отношений. Однако власть должна обеспечить цивилизованные формы и жесткие рамки для их участия в политической жизни, чтобы те или иные бизнес-группы не могли использовать административный ресурс в своих интересах.

В-третьих, в обязательном порядке потребуются разработка мер по повышению прозрачности процесса принятия решений государственными органами и структурами, прежде всего теми из них, которые затрагивают интересы крупных игроков на российской экономической сцене. Усиление служебного и политического контроля по отношению к государственным служащим, располагающим по роду своей деятельности информацией и возможностями, представляющими собой коммерческую ценность, должно стать неотъемлемой частью пакета мер, согласие по которым будет зафиксировано в предлагаемом документе.

В-четвертых, в интересах политической стабильности соглашение не должно выходить за пределы существующего правового поля, то есть противоречить действующим на данный момент законам. Результатом его принятия должна стать разработка пакета законопроектов, которые в случае их согласованного и взаимоувязанного принятия обеспечили бы реализацию содержания соглашения в юридически чистой и непротиворечивой форме. Обязательным условием также должно быть получение по данному поводу положительного заключения от Конституционного Суда о соответствии всех включенных в него положений Конституции РФ.

Ложь и легитимность

Сайт Радио «Свобода», 06.04.2011

В этом году исполняется 20 лет России, возникшей после распада СССР. Мирный отказ от тоталитарной системы стал историческим достижением глобального масштаба. Тогда была очевидной воля общества к переменам, к строительству новой жизни, основанной на уважении к человеку, демократических принципах, свободной конкурентной экономике. Сегодня мы понимаем, что этот потенциал так и не был реализован. Надежды не сбылись.

Российский политический режим, возникший после 1991 года и оформившийся в последнее десятилетие, так и не создал современное государство.

Как следствие, продолжается непрерывно углубляющийся и превращающийся в непреодолимый раскол между властью и народом, государством и обществом.

Это не временный дефицит доверия, а системная проблема. Высокие рейтинги первых лиц — не показатель общественной поддержки власти. Огромная разница в доверии к ним и ко всем остальным государственным институтам свидетельствует о предельной неустойчивости, хрупкости всей российской государственной конструкции. Два раза за послед-

Фото: РИА Новости

ние сто лет совершенно неожиданно наступал быстрый и полный коллапс государства по схеме: «было, было и вдруг не стало».

Причина — не голод, не войны или репрессии, а глубокий и к моменту крушения уже непреодолимый разрыв между властью и людьми.

Наращение этого разрыва очевидно и сейчас. Социологи ищут признаки «оппозиционности», а дело заключается в другом.

Народ в России не сопротивляется государству. Дело значительно хуже — он уходит от него. Народ не верит государству, не интересуется им, боится его, не ждет от него ничего хорошего, считает его помехой и угрозой. Народ не хочет совершенствовать государство, его убедили в том, что он ни на что не влияет и вообще в государственном смысле значения не имеет.

Народ налаживает свою жизнь вне государства. «Уходящий» народ, считая государство чужим, естественно, и не является его опорой. В критических для государства ситуациях (таких, как в 1917 и 1991 годах) это приводит к его исчезновению.

Растущие масштабы алкоголизма и наркомании, уход в виртуальный мир, преступность — все это тоже формы бегства от лишенной перспектив действительности. Одним из следствий раскола между народом и властью является быстрая и глубокая криминализация государства. По мнению Председателя Конституционного суда Валерия Зорькина, сегодня масштаб проблемы таков, что «это вопрос о том, сохранится ли Россия в ближайшие десять лет».

Воинственный имморализм и всеобъемлющая ложь, насаждаемые в обществе, возвращение грубой официальной пропаганды привели к духовной усталости народа, к политической и социальной апатии, «утечке мозгов» и эмиграционным настроениям.

Опросы российской молодежи показывают, что 45% выпускников вузов не исключают возможности уехать, а от 18 до 24% твердо намерены добиваться отъезда из страны. Готовы покинуть страну до 30% предпринимателей. Массовый отъезд на работу за границу талантливых ученых, в том числе и молодых, подрывает потенциал российской науки. Главный мотив бегства — не низкие доходы, а невозможность жить достойно. Для 79% потенциальных эмигрантов мотивом является желание жить в условиях верховенства закона, прав и свобод, а для 69% — возможность избежать произвола властей.

Такие настроения людей вновь стали существенной частью массового сознания, они являются ярким проявлением того самого рокового разрыва.

Это — реакция на несправедливые шоковые реформы, полное игнорирование текущих и перспективных интересов людей, всех видов их прав, тотальное воровство начальства, возведенное в официальную политику, жестокий «правоохранительный» произвол и рейдерство.

Этот разрыв не ликвидировать в одночасье даже относительно честными выборами или внезапной отменой цензуры. Время упущено. Общественное сознание расколото и хаотично.

С помощью голосования, выборов можно решать проблемы только тогда, когда по наиболее базовым основаниям и целям жизни народа, страны есть консенсус, и надо выбрать, как эти общие для всего народа задачи лучше реализовать и кому это делать. Если общество расколото, деморализовано и унижено, голосование, даже относительно честное, ничего не дает. Примеров много.

В России планка общественной дискуссии умышленно опущена очень низко. Суррогаты общественно-политических программ, которые сейчас присутствуют на федеральных телеканалах, выдержаны в стиле драки на коммунальной кухне — переорать соседа. Суть проблем выхолащивается, сводится к противостоянию упрощенно-полярных точек зрения. Интернет является альтернативой по некоторым темам, но не по глубине и стилю «дискуссии». Выборы в таких условиях превращаются в соревнование популистов и горлопанов.

В сегодняшней России нет предпосылок полноценной политической дискуссии на основе партийных программ. Сейчас возможно только препирательство отдельных персон, носителей мировоззрений разной направленности, глубины и качества, среди которых национализм, номенклатурный «просвещенный консерватизм», национал-большевистская идеология, сталинизм, который открыто исповедует руководство КПРФ, радикальный псевдо-либерализм большевистского типа.

Отражением и дальнейшим поощрением этого хаоса в общественном сознании явились принятые верховной властью решения о государственной символике — самодержавный орел с двумя головами и коронами, сталинский гимн со старо-новыми словами, а также «как бы демократический» торговый флаг — триколор.

Те, кто принимал эти решения, наверное, думают что этот набор символов призван всех объединить или по крайней мере удовлетворить: ведь в нем

и державный империалист, и коммунист, и демократ найдут себе что-нибудь по вкусу. Однако государственная и национальная идентичность, национальное сознание — не пазл, чтобы собирать его механически.

В стране с таким отсутствием ощущения идентичности, разорванным и расколотым сознанием, нельзя сделать ничего — ни модернизации, ни инновации, ни чего-либо еще полезного. С народом, преданным и развращенным его элитой, можно только дожидаться окончательного распада.

ЛОЖЬ

Главной политической проблемой нашей страны является не уровень и качество демократии или защиты свобод и прав граждан, как это принято считать, а неограниченная и тотальная ложь в качестве основы государства и государственной политики.

И причина здесь не просто в личных качествах первых лиц — Ельцина, Путина или Медведева: уже с момента октябрьского большевистского переворота 1917 года российское государство построено на лжи. Ложь стала необходимым элементом государственной системы, которая уже более девяноста трех лет является нелегитимной и должна это всячески скрывать.

Ложь — органический элемент и современной эклектичной государственной системы желающей сохранить свою историческую связь и с советским режимом, и с умершим самодержавием, и с современным миром. Это можно пытаться делать только путем непрерывной и всеохватывающей лжи.

Корень этой проблемы в катастрофе, но не геополитической, а национальной. Почти сто лет — время жизни нескольких поколений — у нас прошли на основе полного разрыва с правом и законом, стирания национальной идентичности. Корень в том, что сегодняшняя политическая система России в историческом плане ведет свое начало от трагических событий 1917–1920 годов — государственного переворота, захвата власти группой преступных элементов и кровавой гражданской войны. Именно отказ от осознания этого факта и попытка построения якобы постсоветской России на ощущении преемственности и вбирании в себя лжи предыдущих 75 лет делают в принципе невозможным движение вперед и определяют деградацию общественного сознания. Это тупик. Выйти из него можно, только обеспечив минимально необходимую легитимность государства и власти, прерванную почти столетие назад, и восстановив на этой основе логику исторического развития страны.

Ни ленинизм, ни сталинский национал-большевизм, ни формальная демократия так и не стали достаточно серьезными «подпорками», чтобы псевдогосударство смогло отказаться от своих главных оснований — лжи и террора, чтобы хотя бы попытаться не бояться граждан, а добиться их поддержки не по принуждению.

Страна попала в порочный круг: не отказавшись от лжи, нельзя провести сколько-нибудь эффективные реформы, а отказ от лжи угрожает системе в целом.

Не решив эту задачу, оставаясь на почве тотальной исторической лжи, Россия никогда не сможет создать ни современное, работоспособное государство, ни эффективную конкурентную экономику. Задача, которую надо решать, — восстановление легитимности власти, прерванной почти столетие назад, и логики исторического развития страны.

Россия переросла самодержавие.

Самодержавная легитимность, основанная на идеях божественного происхождения царской власти и безусловного подчинения подданных, исчерпала себя еще в начале XX века. Это не означало обязательного конца монархии, но идея ее конституционного ограничения вызрела, стала естественным результатом развития общества, общественного и индивидуального сознания, которое в России XIX — начала XX века шло особенно активно после Великих реформ 60-х годов XIX века.

Моральное давление политической элиты и рост недовольства народа привели к отречению Николая II.

Вопроса «что дальше» после отречения не было. Практически всем было понятно, что дальше — Учредительное собрание, которое разработает и примет Конституцию. Учредительное собрание должно было легитимировать демократическую форму правления. Сами по себе выборы в Учредительное собрание — всеобщие, прямые, равные, с предоставлением равного права голоса женщинам, демонстрировали политический вектор, резкое отклонение от которого тогда казалось невероятным.

Это был шанс на мирную политическую трансформацию; шанс предотвратить гражданскую войну; шанс на то, чтобы ключевые вопросы тогдашней России — земельный, национальный, о войне и мире, решались с помощью демократических механизмов, в правовом поле; на то, чтобы принятые решения были легитимными. Шанс был реальным. Более 44 миллионов человек в не самых простых с житейской точки зрения условиях участвовали в выборах, тем самым продемонстрировав и самим себе, и всему миру легитимность перемен в государственном устройстве и значение Учредительного собрания для России.

Даже большевики осуществляли государственный переворот под лозунгом защиты Учредительного собрания. Совет народных комиссаров, созданный декретом от 26 октября 1917 года, назывался «временным рабочим и крестьянским правительством», осуществлявшим власть «до созыва Учредительного собрания». Декрет о земле начинался с заявления о том, что земельный вопрос «во всем его объеме может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием».

На выборах в Учредительное собрание, состоявшихся в ноябре 1917 года, 410 из 721 мандата получили эсеры, 175 — большевики. Кадеты получили 29 мест, меньшевики — 16.

Проиграв выборы, большевики 6 января 1918 года разогнали Учредительное собрание.

Разогнав Учредительное собрание, большевики свергли легитимную власть и толкнули страну на путь гражданской войны. Поскольку власть большевиков не имела легитимных оснований, постольку с самого начала они не могли обходиться без террора и лжи. Красный террор фактически начался сразу после взятия власти большевиками.

Победу в гражданской войне большевики одержали, во-первых, потому что в принципе не имели моральных ограничителей и возвели террор и жестокость в принцип. Во-вторых (и это важно с точки зрения вопроса о легитимности), после разгона Учредительного собрания их власть политически выражала имевшую широкую поддержку идею социализации земли и ее передачи крестьянству. Однако насильственная коллективизация 30-х, сопровождавшаяся уничтожением крестьянства как носителя чуждого большевикам сознания, по существу перечеркнула все надежды социальной группы, составлявшей большинство населения страны.

Ложь и террор стали системообразующими элементами государства.

На таких основаниях страна существовала до самого конца 80-х годов прошлого века. Демократическое меньшинство, избранное в 1989 году на первых за годы советской власти выборах с выбором (хотя и ограниченным), было заметнее и авторитетнее «агрессивно-послушного

большинства» не только потому, что было представлено яркими людьми — такими, как А.Д. Сахаров, — но и потому, что именно эти депутаты, избранные вопреки воле власти, воспринимались как по-настоящему легитимные народные представители. Однако эта легитимность была основана на отрицании: демократ — это, прежде всего, «не коммунист» (не в смысле наличия партбилета, а по отношению к власти и ситуации в стране). Так можно бороться с властью и за власть, но построить на отрицании новую государственность невозможно.

В 90-х проблема позитивной демократической легитимности власти так и не была решена.

Попытка реформировать советскую систему, путем поправок сделать номинальную (никогда не работавшую) Конституцию РСФСР действующей, а систему Советов совместить с принципом разделения властей закончилась событиями сентября-октября 1993 года.

Конституция 1993 года была составлена на злобу дня, обществом не обсуждалась, а обстоятельства организации референдума по ее одобрению и подсчета полученных голосов до сих пор вызывают очень серьезные сомнения в ее принятии.

Легитимность политической системы 90-х была подорвана и этими обстоятельствами, и тем, что демократия осталась имитацией, не совпадающей с антидемократической олигархической «начинкой» власти. К старой лжи присоединилась новая — миф о неизбежности именно такого характера реформ; о том, что Ельцин и Гайдар в 1992 спасли страну от голода.

В самые «либеральные» годы члены царской семьи упорно не признаются жертвами политических репрессий, а станция метро «Войковская», названная в честь человека, участвовавшего в хладнокровном убийстве царской семьи, в которую входили двенадцатилетний мальчик и четыре девушки, так и не поменяла своего названия, многие архивные матери-

алы остаются закрытыми, празднуется «День чекиста» и т. д., и т. п. Все это — не просто слова и листки календаря, а целая цепь ассоциаций, логических связей, стандартов мышления, сковывающая современную систему с ее советской предшественницей. В результате сохранился и даже укрепился стиль жизни, в котором ложь и двоемыслие остаются среди системообразующих элементов. В политике возникли и укрепились господство циничной «политической целесообразности», коррупция, управляемые выборы и медиавойны.

Чем больше проходит времени, тем более значимой проблемой представляется абсолютная противоречивость и эклектичность представлений новой российской власти о том, какое историческое наследство лежит в ее основе. Государство, провалившее экономическую реформу, ответственное за резкое падение уровня жизни абсолютного большинства населения, стало сознательно заигрывать с «державной» составляющей национального сознания, в которой царско-имперские элементы причудливо сочетаются с советско-имперскими.

Неслучайно в качестве герба новой российской республики был утвержден имперский двуглавый орел с коронами. По смысловой нагрузке он делал Россию конца XX — начала XXI века преемницей идеально-мифической «России, которую мы потеряли», России естественно ушедшего с политической сцены самодержавия, «конфетно-бараночного» лубочного образа прошлого.

Этот идеал не прижился, но проложил дорогу другому, советскому утопическому идеалу. Имперский орел, в конце концов, «притянул» к себе тяжело-весный советский гимн, который с этим орлом очень хорошо сочетается. Примерно так же, как путинская олигархическая система с ельцинской.

Кроме того, в 90-е годы проблема так и не преодоленного разрыва легитимности была отягощена тотальной конфискационной реформой, широкомасштабной ваучерно-приватизационной аферой государства, охватившей все население страны, и нелегитимностью крупной частной собственности, розданной на основе коррупционных схем через так называемые залоговые аукционы.

Время свободы СМИ так и не настало, потому что без лжи как системы возникшая после крушения советской системы власть жить не может.

Сейчас очевидно, что новый политический строй, основанный на конституции 1993 года и возникший на основе реформ 90-х годов, стал за последние десять лет формой закрепления власти номенклатуры советского типа в новых экономических условиях, чем-то провинциальным и доморощенным эдаким «капиталистическим чучхе» или «демократией процветающей дисциплины». Этот строй по-прежнему основан на лжи, страхе, коррупции, которые со временем только нарастают, поскольку не выполнено ни одно из условий создания современного государства:

- легитимный институт частной собственности, опирающийся на массового собственника, так и не создан;
- равенство граждан перед законом отсутствует;
- вместо суда и арбитража — имитация, прикрывающая господство «права сильного»;
- власть является не общественной функцией, а инструментом личного и группового обогащения.

По сути, вместо государства мы имеем сегодня обертку системы, способную только имитировать государственную деятельность. Задачи обеспечения безопасности граждан, обороноспособности страны, единства многонационального государства с огромной территорией, экономического и социального развития в таких условиях не могут решаться в принципе. Главная же проблема заключается в том, что в таких условиях не может складываться, функционировать и развиваться целостное жизнеспособное российское общество.

Думаю, что ситуация, сложившаяся к весне 2011 года, стала угрожать самому существованию России.

Власть теряет остатки даже формальной демократической легитимности, систематически фальсифицируя выборы. За «ЕР» голосуют не потому, что поддерживают, а потому, что людям безразлично и так положено. Явка падает. Роль Конституции систематически снижается грубыми вмешательствами в ее текст, такими как отмена прямых губернаторских выборов или продление сроков полномочий Президента и парламента. Новые попытки заместить вакуум мессианскими, державно-имперскими идеями даже в модернизированном виде (претензии Москвы на роль мирового финансового центра) оказываются безнадежными, и это очевидно. Ложь и ее пропаганда остаются системообразующим фактором. Политическое мышление застыло на уровне начала прошлого века. Нет однозначного осуждения государственного террора, постоянно предпринимаются попытки найти ему какое-то оправдание в духе «realpolitic». Рамки советского внешнеполитического мышления затрудняют развитие таких прорывных проектов, как российско-европейская ПРО. Большинство «элиты», обсуждая эту тему, думает не о будущем, а о прошлом.

Первопричина ситуации, грозящей национальной катастрофой, — характер и особенности российской политической системы. Ее основа — бюрократическая номенклатура, подменившая собой политическую и бизнес-элиту, сконцентрировавшая в одних руках власть и собственность, склонная выполнять только одну функцию власти — охранительную.

Охранительный курс — путь не к стабильности, а загниванию или дестабилизации. Его слабость — отсутствие внятной концепции государства, понимания перспективы развития страны, а следовательно — возможности предложить обществу заслуживающий доверия и интереса план модернизации.

Политически безразлично, кто будет определен и оформлен президентом — Путин, Медведев или кто-нибудь другой. Главное, что система останется неизменной — нелегитимной, политически и экономически неэффективной, унижительной и бесправной для граждан. Российская политическая система — это имитация современной государственности, «потемкинская деревня», состоящая из псевдоинститутов, постоянно и грубо фальсифицируемых процедур. В жизни общества отсутствует подлинность,

она заменена бесконечными «симулякрами». Вместо разнообразия мнений и стиля — тандем, вместо модернизации — Сколково, игры и чемпионаты; вместо многопартийности — скучнейшие кремлевские проекты и нарочито лишаемая свежих идей протестная «улица», которая замещает диалог власти с гражданами по самым актуальным вопросам гражданских свобод, коррупции, судебного произвола мелочной административно-милицейской войной с профессиональными протестантами и протестными «героями». В итоге подлинными, реальными являются только воровство и пропасть между гламурной денежно-властной номенклатурой и бесправными обычными людьми. Ну, кому такое понравится?

Торжество симулякров делает вопрос о будущем страны предельно обоснованным. Дисбаланс в политике, праве, социальном положении граждан, промышленности и инфраструктуре через какое-то время могут обернуться такими последствиями, которые намного превзойдут потрясения 1991 года. Необходимо принципиальное, качественное изменение этой системы.

Исторически тщетны попытки реализовать концепцию «сырьевой державы», «суверенной демократии», опирающейся на богатство собственных недр и глобальный спрос на ресурсы. Однобокое, преимущественно сырьевое развитие экономики, отказ от признания неприкосновенности частной собственности, государственный налоговый рэккет, неразрешимость проблемы создания современных производств не только тормозят экономический прогресс России, но и подрывают ее перспективу. При сохранении этих давних и новых, приобретенных за последние 20 лет, пороков Россия становится экономически уязвимой, а в смысле дееспособности и эффективности государственной власти — немощной страной.

Вполне можно предложить профессиональную программу экономических реформ, направленных на создание в России современной диверсифицированной инновационной высококонкурентной рыночной экономики, позволяющей в ограниченный временной период вывести Россию в число экономически развитых стран мира, решительно повысить уровень и качество жизни в стране, переломить негативные демографические тенденции.

Однако события последних пятнадцати лет убедительно показали, что в условиях современного российского политического режима, в силу его неправовой природы и бесконтрольности модернизация невозможна в принципе, как невозможно и создание конкурентоспособной рыночной экономики.

Нынешняя система нереформируема. Многочисленные программы ее улучшения, в частности Стратегия «Россия 2020», подготовленная ИНСОРом «Стратегия 2012» и некоторые другие, содержат тактически содержательные соображения, но стратегически в этом смысле лишь напоминают усилия по совершенствованию хозяйственного механизма в Советском Союзе в 60–80-е годы прошлого века. Важно понимать, что, во-первых, половинчатые решения будут работать плохо или же не будут работать вообще, лишь компрометируя сами себя, а во-вторых, невозможно, дожив до второго десятилетия 21 века, вернуться в начало 1990-х годов, чтобы предпринять «вторую попытку» того развития, которое не состоялось.

ЛЕГИТИМНОСТЬ

В такой системе власти ее руководители по существу не легитимны, они не опираются на Закон и Конституцию.

Легитимность власти обеспечивается процедурой, историческим народным признанием, реальными достижениями. Легитимность русской монархии была связана с верой в процедуру помазания на царство.

Советская власть, изначально абсолютно нелегитимная, временами частично принималась народом, так как ассоциировалась с многочисленными подвигами и созидательными достижениями советских граждан, осуществленными главным образом не благодаря, а вопреки противоправной системе и не давшими этой системе разрушиться до времени.

У сегодняшней системы нет по-настоящему законных процедур и мало созидательного в собственном историческом активе, такого, что могло бы обеспечить ей надежное историческое, народное признание. В заслугу ей можно разве что поставить только то, что, имея возможность дать ход самым мощным разрушительным и репрессивным импульсам, ее лидеры этого не сделали. Но этого недостаточно для исторического оправдания системы. Эта система за уже очень многие годы своего существования не нашла полноты своей правовой и исторической легитимации и сейчас требует фундаментальных изменений.

Нелегитимность нынешней российской власти и ее авторитарной политической системы, имитирующей демократию, по существу, в частности, означает, что ее можно рассматривать не как выразителя интересов народа и его представителей, а как систему, обеспечивающую материальные и политические интересы круга приближенных к власти людей. Принципиально выступая против всех форм насилия, нужно вести диалог с этой властью, например, в форме круглого стола, искать компромиссные и промежуточные решения. Но при всем этом главной целью должно быть кардинальное изменение политической системы — создание в России правового государства, основанного на международных стандартах прав и свобод человека, сменяемости власти при помощи свободных и справедливых выборов, независимости правосудия, неуклонного соблюдения прав частной собственности.

Задача состоит в том, чтобы достичь всего этого мирно и созидательно, не унижая ничье человеческое достоинство.

Надо сделать все, чтобы выход из сложившейся ситуации был в рамках гражданского мира и осуществлялся эволюционным путем.

Стратегия и тактика такого круглого стола, состав его участников и многое другое, связанное с этим, — тема для отдельного разговора. Но одна из важных целей такого диалога — принятие на государственно-правовом уровне решения о восстановлении российской государственности, разрушенной переворотом 1917 года и разгоном Учредительного со-

брания 6 января 1918 года, как точки правового отсчета. Необходимо продолжить и завершить политическую трансформацию, начатую весной 1917 года и прерванную антигосударственным переворотом.

Учредительное собрание может стать фундаментальным событием в построении современного российского государства.

Именно Учредительное собрание (в частности, в форме Конституционного собрания, как это предусмотрено в действующей Конституции) способно восстановить подлинную российскую государственность. Задача в том, чтобы каждый гражданин (за исключением законченных маргиналов) чувствовал себя причастным к этой работе либо непосредственно, либо через своих представителей — не придуманных, как те, кто сейчас заседает в Думе и Общественной палате, а реальных и легитимных.

Речь, конечно, должна идти именно о демократической легитимности. Нет ни малейшего сомнения в том, что Учредительное собрание 1917 года решило бы именно эту задачу. Соображения об Учредительном собрании — не первое публичное высказывание на эту тему. Но именно сейчас нужен шаг, направленный на то, чтобы предложить непосредственно обществу возможность открытой и широкой дискуссии по такого рода вопросам. И важно, чтобы было понятно — балаганизация идеи российского Учредительного собрания XXI века — это окончательная утрата шанса на развитие, прямой путь к продолжению застоя, загниванию и, в конце концов, к той или иной форме распада.

Понятно, что подготовка Учредительного собрания будет очень сложной и длительной. Необходим масштабный процесс осмысления сложившегося к настоящему времени положения России, ее геополитического места в мире, а следовательно, широкое обсуждение проблем государственности и особенностей российской экономической системы. Повторить меха-

нически опыт 1917–1918 годов невозможно, и попытки проводить аналогии представляются неуместными. Но обойтись без такого серьезного институционального поворота вряд ли удастся.

Мирное продвижение к Учредительному собранию должно представлять собой такой политический процесс, который бы сам по себе фактически частично легитимировал российскую власть, даже оставаясь в рамках нынешних конституционных основ. Теоретически это возможно, но для этого на основе действующей Конституции должны быть приняты радикальные демократизирующие нормы, направленные на обеспечение равенства всех перед законом, независимости правосудия, ограничения исполнительной власти, решительного отделения бизнеса от власти, на ликвидацию безответственных чиновничьих систем мнимой «стабильности», коррупции и бездеятельности, номенклатурных политических надстроек, на развитие парламентского и гражданского контроля, прекращение формирования политики и правовой системы по «понятиям», формирование внятного геополитического курса, полный отказ от политики самоизоляции и государственного выживания за счет сочетания отсталости с военным ресурсом. Иначе говоря, российская власть должна приобрести качественно иную репутацию и создать предпосылки своей легитимности на репутационном уровне. В то, что такое может произойти в обозримой перспективе, очень мало кто верит. Однако отказ от такого процесса ведет к тому, что перемены в будущем окажутся еще более радикальными и, скорее всего, разрушительными. Именно поэтому, несмотря ни на что, надо активно работать над реализацией ненасильственного и созидательного варианта.

P.S. Автор статьи выражает благодарность А. Зубову, М. Краснову, А. Келину, Н. Бобринскому, Т. Черниковой, В. Уколовой, В. Когану-Ясному, С. Митрохину, А. Космынину, В. Швыдко, С. Иваненко, Е. Диллендорф, С. Ковалеву, А. Мельникову и многим другим, кто внес вклад в обсуждение и формирование идей, нашедших отражение в этой статье.

Фото: Fotoe.com

Февральские параллели

Сайт Григория Явлинского, 04.2007

О Февральской революции 1917-го в этом году сказано и написано много. Однако памятные даты проходят, и дискуссия, по нашему обыкновению, сошла на нет, споры улеглись до следующих круглых цифр на календаре. Осенью нахлынет и так же потом стихнет волна разговоров о главном юбилее этого года — октябрьском. Скорее всего, логика и контекст дискуссий будут другими, тем более что к тому времени начнется федеральная предвыборная кампания. Между тем настоящее осознание и понимание того, что случилось 90 лет назад, нам необходимы сегодня принципиально, а не ради только сохранения исторической памяти. Все произошедшее с февраля по октябрь 1917-го (именно так: вместе, без разрыва) чрезвычайно актуально для нас сегодня, сейчас.

Конечно, крушение государства — не случайность. Не результат удавшегося заговора масонов и вражьих сил. И уж, конечно, — не следствие ослепления элит или «обморока национального сознания», произошедших, мол, в условиях войны, но в конечном счете якобы «под всепроникающим влиянием невидимого, но мощного, струящегося в течение десятилетий, агрессивного по отношению к государственности некоего гипнотического Поля».

Между прочим, о том, как по данной версии зарождались протестные настроения в стране, приведшие ее к Февралю, сообщалось открытым текстом, но вполне деликатно и сбалансированно, еще несколько лет назад и не в официальном ежедневном печатном правительственном органе, как в этот раз. Февраль, мол, совершили мы, русские, не совсем разумные, но при самом активнейшем и решающем будто бы интеллектуальном и протестном нам содействии части граждан Российской империи известной национальности, чрезмерно по сравнению с нами ущемленных в правах. У них, в отличие от нас, мол, «был» повод разваливать царскую Россию. Именно поэтому, не выдержав такого страстного напора, абсолютистский режим рухнул со всеми своими карательными органами. Напоминаю, что некоторое количество столь могущественных людей до сих пор еще живет в России под исторической кличкой «инородцы»...

По отношению к великому русскому народу с его Разиными и Пугачевыми подобные версии, с первых шагов придающие дискуссии сомнительный тон, качественно снижающие ее уровень, ничего, кроме незаслуженной обиды, не наносят...

На данные обстоятельства, между прочим, ни один из участников развернувшейся в СМИ полемики, насколько нам известно, не обратил внимания. А жаль. Может быть, до власти дошло бы наконец, что политический пиар, направленный односторонне и огульно против оппозиции и против всех — без оттенков — либералов, социалистов, демократов, интеллигенции, в этой ситуации несколько дурно пахнет. После такого навязшего в зубах «открытия» трудно поверить в искренность официальных лиц, поучаствовавших в дискуссии, и в их озабоченность укреплением государственности и «профилактикой революции»...

Глубинная, долго назревавшая причина обрушения власти в феврале 1917-го — это нежелание и неспособность российского самодержавия как политической системы реформироваться, то есть эволюционно развиваться, адекватно отвечая на требования времени и новые угрозы, а также в полной мере соответствовать новым геополитическим реалиям, складывавшимся во второй половине XIX — начале XX века в Европе и в мире в целом.

Цепь событий, приведшая к катастрофе, — как ступени в пропасть. Поражение в Крымской войне из-за технической отсталости флота, запоздалая, «со скрипом», с новыми несправедливостями по отношению к крестьянству отмена крепостного права, «застылость» России при Александре III с его противоречивой «комбинацией «реформ», контрреформ и откровенно реакционных актов», например одиозного циркуляра 1887 года о «кухаркиных детях». После успеха на Балканах — тяжелейшее поражение в войне с Японией.

Расплатой за полумеры, реакционность и постоянные запаздывания, то есть за вполне очевидные проявления отсутствия государственной мудрости, и стала первая неудавшаяся Революция 1905 года. «Кровавое воскресенье» — начало поворота, «вырулить» из которого мы не можем и сегодня. Это был страшный прецедент, когда оказалось, что не только оппонировать власти, но и жаловаться ей и чего-то просить у нее опасно и бесполезно. Вынужденные, половинчатые, через силу уступки времени и обществу: Манифест 17 октября, гражданские свободы, парламент. И одновременно, «для баланса», ограничение полномочий Думы, подгонка избирательного законодательства под административную систему.

Премьер Столыпин выбрал стратегически верный путь экономических реформ, но в тактическом, политическом и человеческом плане оставался придворным либералом, не умевшим налаживать отношения с зарождавшимся публичным политическим сословием в Государственной Думе и в земствах и тем более с крестьянами, которых его реформы коснулись больше всего. В результате, как и Александр Второй, он оказался реформатором, действующим исключительно «сверху», совершенно не понятый обществом и одновременно не нужный, собственно, и «верхнему» сословию, с точки зрения которого даже трагическая смерть премьер-министра — это, мол, закономерный итог, о чем не надо-де особо и жалеть. Столыпин, как заявила императрица, окончил свою роль, поскольку ему «нечего было исполнять»¹.

¹ Позь Карп. Отечественный опыт. СПб: СММО Пресс, 2001, с. 215.

К слову, жизнь двора при Николае Втором была устроена так, что все то время, когда Столыпин нес на себе груз и ответственность крайне радикальных реформ, он «для разводки», как сказали бы сегодня, все более третировался ближайшим окружением царя и крайними консерваторами, для которых любые институциональные перемены были нежелатель-

ны, потому что вели к перетряске сложившейся структуры отношений, сложившихся связей.

Найден был и «патриотический» ответ на неудачи — обвинение во всех бедах «подрывных элементов» и учинение еврейских погромов. Потом — возвышение Распутина и, накануне войны, безынициативного и беспрекословного Горемыкина (вот уж говорящие фамилии!), премьерская чехарда 1916-го, когда за один год глава правительства менялся четыре раза...

Естественным состоянием такого государства стала все пронизывавшая и постоянно разрастающаяся коррупция. Ее отчетливо высветила еще русско-японская война, среди ключевых образов которой наряду с Порт-Артуром и «Варягом» — стремительно разваливавшееся солдатское обмундирование и пропорционально богатевшие поставщики и интенданты.

Коррупционные схемы сначала дополняли, а потом заняли место легальных механизмов. Более того, они становились неотъемлемой частью державно-административной системы, которая эти, как раз легальные, механизмы и отвергала как либеральную заразу. Окружение государя, Распутин не только естественно вписывались в разраставшиеся коррупционные схемы, но и создали новые. Соприкосновение растущего рынка и неподконтрольной обществу бюрократии породило феномен чиновников-миллионщиков.

В условиях войны отсталая и коррумпированная государственная система рухнула из-за пронизывавшей все управленческие уровни коррупции, дезорганизации снабжения фронта и тыла, роста пораженческих настроений в войсках и тотального недоверия к власти. Из-за того, что поезда с оружием и продовольствием не ходили, винтовки не стреляли, а у матросов и солдат в продовольственных пайках оказывалось сгнившее мясо...

К Первой мировой войне Россия не была готова: ни организационно, ни экономически, ни политически, ни даже морально. Война ее истощила, практически исчерпав к началу 17-го года ее

²Струмилин С.Г. Избранные произведения. Т. IV. Глава «Мобилизация экономики воюющих стран». М.: «Наука».

возможности в дальнейшем успешных военных действий. На основе статистических данных это как научный факт убедительно и наглядно доказал в свое время академик С.Г. Струмилин².

Думские политики, армейские генералы, другие представители российской элиты, поддержавшие отречение, не стремились уничтожить монархию. Они скорее хотели заменить плохого царя и Верховного главнокомандующего на хорошего, выпустить пар общественного недовольства и, возможно, несколько усовершенствовать государственное устройство. Ни к чему другому они не были готовы. «Мы были рождены и воспитаны, чтобы под крылышком власти хвалить ее или порицать... Мы способны были в крайнем случае безболезненно пересестись с депутатских кресел на министерские скамьи... Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала у нас кружилась голова и немело сердце», — писал принимавший отречение националист-монархист Василий Шульгин.

Генерал Брусилов, другие командующие фронтами и политики, соглашавшись на отречение царя, искренне пытались не допустить хаоса и обвала. Не удалось. Коррозия системы, ее недееспособность и недоверие общества к власти были слишком велики.

Кто пришел на смену самодержавной власти? Те политики, которые в тот момент были в России. Других взять было неоткуда. Даже главные большевики еще не вернулись из эмиграции.

Парламентские лидеры, в руки которых в феврале 1917-го упала власть, в большинстве своем были образованными и честными людьми. Они не грабили свою страну, не обманывали ее.

Они отменили все ограничения в имущественных правах, выборе места жительства, поступлении на службу и в учебные заведения. Упразднили цензуру. Предоставили гражданам право свободно объединяться в общества и проводить собрания. Ввели мировые и административные суды (где можно было обжаловать действия властей), расширили права присяжных. Создали земельные комитеты, приступившие было к выработке новой аграрной реформы. Предоставили Православной церкви свободу от государственного давления. При этом главные вопросы предполагалось решить на Учредительном собрании.

Они провозгласили Россию республикой, провели всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в парламент.

Они торопились, но постоянно запаздывали. Они сделали, наверное, все, что было в их силах.

По-человечески это много, но для того, чтобы сохранить государство, спасти страну от катастрофы в условиях тяжелой войны и стать адекватными сложнейшей обстановке государственными деятелями, — этого все-таки мало. Временное правительство сосредоточило в своих руках огромные полномочия: исполнительной, законодательной и даже, подчинив себе Сенат, судебной власти, но не умело и не решалось ими распорядиться.

А ведь, казалось бы, оно с первого дня своего существования должно было знать, что и как делать со страной, иметь программу, уметь объяснить ее людям.

В первые дни были сделаны и трудноисправимые ошибки: роспуск старой административной власти на местах, а также положивший начало окончательному развалу действующей армии Приказ № 1, принятый «второй» властью — Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, согласно которому в армии вводилась «демократия»....

В общем, необходимо было быть временным лишь по названию, но по сути — настоящим правительством, от которого требуется неизмеримо больше, чем от избиркома или временного управляющего обанкротившимся предприятием в ожидании нового владельца.

Не хватало опыта практической государственной повседневной работы — и выработки стратегии, и принятия тактических управленческих решений. Огромная сложность состояла и в том, что абсолютно коррумпированные государственные учреждения в условиях нараставшего двоевластия просто разлагались, и нужны были практический опыт и знания, как ими руководить и реформировать. Занять такой опыт у кого-то другого, на время, невозможно, а взяться ему было неоткуда.

Самодержавие, как известно, не позволяло сформироваться новой государственной управленческой элите. Ему изначально не нужен был демократический орган в виде Думы, посягавший на его полномочия. Дума, в которой находились все оппозиционные силы и из которой вышли февральские лидеры, была школой скорее красноречия, ораторского и полемического искусства, чем государственного управления. Она боролась за «ответственное министерство», имела даже примерный, сформированный в годы войны его список, но никогда на практике не формировала правительство, не делегировала в него своих представителей, не контролировала работу министров.

Впрочем, дело еще и в извращенности, лживости всей государственной системы: парламент, призванный представлять интересы общества, был властью скорее словесной. Газеты много чего писали, но мало на что влияли. Правительство, не обладая достаточными волей и полномочиями, постоянно смотрело вверх, а там вместо государственного мышления и логики государственного управления были лишь интриги, неумная корысть и распутинские «записочки».

В условиях авторитарной системы самодержавия не было эволюции элиты, ее роста, обучения самоуправлению на всех уровнях. Не было взросления.

Неудивительно, что эта элита вела себя как подросток в период полового созревания, когда самостоятельность понимается прежде всего как преодоление «гнета» старших, но жизнь без старших вообще даже и не мыслится. Богатый протестный опыт не помогает тем, кто вдруг становится настоящей, взрослой властью. Неспособность действовать оправдывалась тем, что все, мол, потом решит Учредительное собрание с помощью законов, которые оно примет.

Для взросления было необходимо время — может быть, не очень большое. И кто знает, пережили Россия без тотальных потрясений еще год, наверное, она бы оказалась в почетном ряду победителей в войне и вышла бы на общий европейский путь в рамках разработанного деятелями Антанты версальского процесса. Это был бы нелегкий, драматический путь, но путь, скорее всего, без ГУЛАГа, а возможно, даже и без Гитлера, без Второй мировой...

Но раньше Учредительного собрания пришли большевики с их матерой зрелостью и опытом выживания в любых условиях, немецкими деньгами и решимостью захватить власть во что бы то ни стало, не останавливаясь перед такими «пережитками прошлого», как закон, мораль, человеческие жизни.

Вот деятелей такого рода самодержавная авторитарная система как раз хорошо воспитала и закалила! В условиях, которые заставляли вхолостую работать ответственных настроенных парламентских политиков, естественно раздувалось значение маргинальных радикалов и популистов. Там, где недовольство растет, но не находит выхода в деле, там герой и вождь — тот, кто красиво может наговорить с три короба, громче всех кричит, дает простые и очень заманчивые обещания. А уж если он к тому же «пострадал от режима» — был в тюрьме, ссылке, вынужденной эмиграции, то его претензии вообще не знали границ и, как правило, абсолютно не совпадали со способностями к государственной работе. Репрессии, испытанные такого рода людьми, их не ослабляют, а «делают им биографию». И надо сказать, политическую биографию заговорщикам, революционерам и террористам царский режим действительно сделал

своей столетней традицией сугубо карательных и вместе с тем беспомощных попыток побороть это зло.

Справедливости ради следует отметить, что популизм большевиков отвечал настроениям стихийного коммунизма большей части населения страны, в массе своей состоящего из крестьянской бедноты, рабочих и солдат. «Долой войну!», «Земля — крестьянам!», «Фабрики — рабочим!» — это ведь так понятно для тех, кто беден, вообще ничего не имеет, кроме собственных рук, и смертельно устал от войны. И во всем этом тоже — историческая вина царизма, так и не выучившего уроки Первой русской революции и все сделавшего для повторения социального взрыва, но уже в неизмеримо больших масштабах.

Большевицкая диктатура, несмотря на то что рождалась как власть, действующая от имени большинства народа, уже одним своим фактом существования развязала в стране Гражданскую войну и на многие десятилетия «заморозила» Россию кровью. Естественно, задачу эволюции власти она не решала, поскольку внутри себя не столько выращивала, сколько уничтожала. В первую очередь и почти без исключения — самостоятельных, инициативных, образованных, тех, кто на самом деле мог обеспечить стране лидерские позиции в мире не в плане силы и пролитой крови, а в смысле реального, естественного, а не деформированного, как случилось, развития страны.

Сравнивать сегодняшнюю Россию с Россией 90-летней давности на уровне буквальных аналогий — это, несомненно, более чем условность. Те, кто пытается это делать буквально, занимаются небезопасным «историческим пиаром». Но повод для аналогий и для такого «пиара» существует.

Сегодня опять складывается знакомая картина. Как и 90 лет назад, нынешняя российская авторитарная система — это прежде всего коррупция и бюрократический беспредел. Главная слабость этой системы, пытающейся существовать за счет официально культивируемого пренебрежения правом человека на жизнь и достоинство, проистекает из ложных, умозрительных конструкций типа «нефтегазовая сверхдержава» и «суверенная демократия». Однобокое, преимущественно сырьевое развитие экономики, отказ от признания неприкосновенности частной собственности, государственный налоговый рэкет, неразрешимость проблемы создания современных производств не только тормозят экономический прогресс России, но и подрывают ее перспективу. При сохранении этих давних и новых, приобретенных в ходе «реформ» пороков Россия стано-

вится экономически уязвимой, а в смысле дееспособности и эффективности государственной власти — немощной страной.

Однако ахиллесова пята нынешнего режима — его разрыв со значительной частью общества. Власть правящей номенклатуры основана на обмане и манипулировании, подкупе и угрозах, а не на искусстве компромисса. Воинственный имморализм, насаждаемый в обществе, и духовная усталость народа, окончательно подорванного пятнадцатилетием бедности, социальных лишений в наиболее чувствительных сферах, привели к политической апатии. Необходимые механизмы и способы преодоления всего этого не только не созданы, но в последние годы демонтированы и те, которые хоть в какой-то степени были направлены на решение этой задачи и сдерживали регресс.

Все, что могло бы способствовать реальному укреплению власти и притоку в нее новых, сильных людей, вытаптывается.

Избирательное законодательство и организация выборов «обрезаны» в который уже раз так, чтобы Дума гарантированно не создавала проблем для президента и правительства. Впрочем, сейчас парламент не может быть даже школой красноречия, он ведь «не место для политических дискуссий».

Органическая связь государства с обществом подменяется имитационной деятельностью специально созданной для этого Общественной палаты, а реальные, живые гражданские организации всеми силами выдавливаются из нашей жизни как ненужные, непонятные и потому подозрительные и неблагонадежные.

Политики, которые претендуют на самостоятельность поведения и мышления, тоже последовательно и жестко ограничиваются и вытесняются с политического поля. Люди, обладающие свободным складом ума, обра-

зованные, не замаранные в финансовых аферах и в криминальном стяжательстве, отнесены к категории неуправляемых и нелояльных. А потому они не допущены к обсуждению и подготовке государственных решений.

Вместо них, в отсутствие нормальной публичной политики, возвращается политическая шпана, владеющая только одной технологией — возбуждением толпы.

Повторяются опаснейшие попытки направить общественное недовольство в сторону «понаехавших» из числа представителей «некоренного населения».

Незаметное и безынициативное премьерство, назначение министром обороны абсолютно далекого от армии человека, десятки, если не сотни назначений на государственные должности малокомпетентных людей, переназначения коррумпированных, одиозных губернаторов — это повторение нелепых кадровых опытов Николая Второго с Горемыкиным, Штюрмером и прочими случайными лицами во времена распутищины.

Сегодня самые обычные формы реального, но независимого, самостоятельного участия граждан в общественном и политическом процессе — такие, например, как голосование за негосударственные партии, гражданский контроль, членство в независимых политических партиях, местное самоуправление, общественные организации, профсоюзы, — по существу, квалифицируются как свидетельство о причастности едва ли не к антигосударственной деятельности. Разумного, просвещенного государственного управления, основанного на общественном участии в нем граждан и с опорой на него, снова не получается.

Складывается впечатление, что президентская администрация считает главной своей государственной функцией — «держать и не пущать», всячески тормозить проявления реальной демократии. Обществу навязывается гипертрофированное представление о людях, находящихся у власти,

как едва ли не тождественных самому государству и даже России в целом. Лояльность к представителям администраций различного уровня расценивается чуть ли не как показатель истинного патриотизма.

Таким образом, напрашивается вывод: главная задача власти — не эволюционное развитие государственного устройства, не постепенное реформирование с целью построения современного гибкого, устойчивого государства европейского типа с независимым правосудием, парламентом, ответственной национальной элитой и капиталом, а охранительная: выстоять, продержаться и не поступиться.

Дискуссия о Февральской революции, да и не только о ней, в подцензурных СМИ ведется только ради одного: что бы ни случилось, ни в коем случае нельзя ослаблять авторитарную хватку режима. Штатные пропагандисты и нештатные эксперты на все лады повторяют: главное — защита власти от нападков и посягательств, сохранение ее в неизменном виде, в том числе и персонально, несмотря на коррупцию, преступность, вывоз капитала и неподконтрольность государству и обществу многих сфер, важнейших для жизни и безопасности страны.

Оправдание такой системы и призывы «не прикасаться» к ней, ничего не менять — вот поистине путь к катастрофе, потому что, столкнувшись однажды с серьезными испытаниями и трудностями, эта власть способна так же, как некогда царская, в одночасье рухнуть. А серьезных трудностей у живущей в основном за счет благоприятной экономической конъюнктуры страны, которая имеет самые протяженные в мире границы и соседей из числа крайне нестабильных государств, может возникнуть много.

Обвальное падение авторитарной власти для ответственных граждан и политиков не может стать поводом для радости, будь то Февраль 17-го или же какой-нибудь катаклизм новейших времен. Искренне любить революцию как таковую, которая сминает государство, восхищаться самим процессом разрушения могут только люди, крайне обиженные властью, анархисты, «профессиональные» радикалы да еще мародеры и уголовники. Всегда, конечно, есть и разнообразная околополитическая шушера, готовая «подтолкнуть падающего» и еще нажиться на этом.

Однако сыграть свою подлую разрушительную роль подобные деятели смогут, как известно, только в том случае, если власть начнет разваливаться сама по внутренним, системным причинам. Поэтому не в них дело.

Главный и самый тревожный урок нынешнего юбилея в том, что ни у власти, ни у общества нет ни малейшего желания понять, почему в России в течение семидесяти четырех лет дважды происходило полное крушение государства.

Параллели и совпадения с Февралем 1917 года существенны и потому не подлежат замалчиванию.

У авторитарной российской власти сегодня снова нет реальной опоры на живые общественные образования — автономные институты, структуры — и на самостоятельных людей. Имитаций в виде таких, например, органов, как Общественная палата или «размножающаяся путем искусственного оплодотворения» партия власти, можно создать сколько угодно, но рассчитывать на их помощь в критической ситуации — все равно что споткнувшемуся кукловоду ждать, что его удержат и поднимут вдруг ожившие куклы. Последний русский император понял это очень поздно, когда только и оставалось записать в дневнике, что все его предали.

Сегодня суть того, что у нас называют «проблемой-2008», заключается тоже в том, что пиаровская стабильность власти держится на одном человеке, которого, как оказалось, в авторитарной системе никто не знает, кем и как заменить. Он не может уйти, не поколебав замкнутую на него «вертикаль», без ее сотрясения до самого основания.

Он не может и оставаться руководителем государства до бесконечности. Со временем все недовольство положением дел в стране, работой министров, уровнем жизни и репертуаром телеэфира сконцентрируется на нем. Авторитарные режимы вообще имеют тенденцию к самоуничтожению —

в силу их родовой неспособности сохранять свой исходный динамизм и свою изначальную природу в течение длительного времени. Бесконечные притеснения человека огромной и бездушной бюрократической системой, атрибуты полицейского государства, цинизм, ложь и пиар рано или поздно захватывают все сферы жизни и тогда рано или поздно надоедают всем, как надоедает приевшийся разврат. Общество либо находит в себе силы, чтобы сменить такой порядок вещей, либо в конечном счете погибает...

Против Путина и его системы начнут работать им же самим запущенные технологии «канализации» протестных настроений в борьбу с внешними и внутренними врагами и национальную рознь. (Точно так же, как за «патриотическими» немецкими погромами 1914-го последовали слухи о связях царской семьи с немцами.) И тогда его пребывание у власти станет дестабилизирующим фактором, приближающим крах созданной им системы.

И сразу или чуть погодя после падения власти на ее развалины ринутся, как водится, политические негодяи и мародеры. У них снова будет больше шансов, чем у всех прочих. И это уже видно.

Попытки выставить сегодня результатом случайности или заговора и представить современную Россию как наследницу самовластного государства, стоящего над подданными, заводят общество в тупик, лишают его истинных критериев в выборе адекватной историческим задачам, стоящим перед страной, формы государственного устройства и правления. В условиях, когда от государства требуется быть конкурентоспособным, чтобы сохраниться и выжить в современном противоречивом и агрессивном мире, нам предлагается архаика — традиция, которая 90 лет назад обанкротилась именно потому, что безответственное самодержавие в России цеплялось за абсолютизм как за спасательный круг, бес-

конечно злоупотребляло терпением общества, было чуждо его истинным проблемам. Идеологически раскручивая линию на стремление к идеалу в виде России 1913 года, власти ориентируются на страну, в которой с исторической неизбежностью назревал крах самодержавного режима, а с ним и государства, не желавшего и не умевшего реформироваться и приобщать общество к управлению государственными делами. Разговоры об особом, третьем пути, о «пятой Империи» — это, по сути, та же распутинская «обманка», очередная тщетная попытка заставить людей, находящихся под пятой авторитарного государства, начавшего уже разлагаться, поверить в его иссякшие способности. В такие миражи, конечно, можно верить, если нечем больше заняться, но на них ни в коем случае нельзя полагаться практически.

Что же делать? Для того чтобы действительно уберечь Россию от очередной катастрофы государственности, надо перестать играть в самодержавие накануне крушения родственной ему формы в виде нынешнего российского авторитаризма. Надо четко наконец провозгласить, что Россия по природе своей — европейская страна, что демократия европейского образца (а других и нет) — естественный и единственно верный способ организации власти в России, что права человека на жизнь, свободу и достоинство — наши, государственные, российские, русские базовые ценности.

Единственный путь к политической стабильности, к конституционной смене власти без потрясений и революций — это отказ от авторитаризма и эволюционное, поступательное движение в направлении реализации в России модели европейской социально-либеральной демократии, для разработки которой много сделали русские философы. Это означает прежде всего сближение власти и общества, расширение политического поля, создание независимой судебной системы, обеспечение неприкосновенности частной собственности и одинаковых для всех участников рынка правил, формирование среднего класса (образованного собственника, которому есть что терять; о таком собственнике мечтал еще Столыпин).

Важнейшей предпосылкой движения в этом направлении является, кстати говоря, серьезное исправление многого из того, что было сделано с начала 1990-х годов. Ведь тогда большевизм, по сути, никуда не девался. Советская власть рухнула под грузом своей собственной тяжести. Но сразу же дало себя знать, что Российская Федерация (и в этом было некоторое ее отличие от других республик Советского Союза) не знала никакого иного способа управления, кроме — едва ли не на все 100% — номенклатурного. То есть в конце XX века ситуация повторила февральскую начала века: тоталитарная система рухнула, а непрактичных мастеров разговорного жанра — демократов — быстро отодвинули от управления люди, не обремененные принципами. Власть захватили представители худшей части советской номенклатуры: «обкомовцы», «комсомольцы» и «директора». Основываясь на наборе примитивных необошевистских тезисов, они сохранили авторитаризм принятия решений и — очень «гармонично» — дополнили его «олигархией» в финансах и собственности. У новых, молодых «большевичков» подход остался прежним: главное — отобрать и поделить, цель оправдывает средства, а сохранение власти оправдывает вообще все.

В 90-е, а затем 2000-е годы произошла крайняя монетизация всех сфер жизни каждого человека. При этом в вопросах отношения человека и власти, возможности взгляда человека на общество и свое место в нем лишь усиливался самый примитивный номенклатурный патернализм. В результате основным настроением гражданина по отношению к стране и обществу стали по необходимости скрываемый «правильным поведением» скепсис, вынужденный цинизм и взгляд на государство, общество, общественную жизнь как на стихию судьбы, которой можно только покоряться или приспосабливаться, но смешно хоть в чем-то противостоять. А для удовлетворения внутреннего «чувства справедливости» можно копить камни за пазухой, чтобы однажды их бросить в какой-то объективно бессмысленный и неподходящий, но эмоционально мотивированный момент. Люди ощущают отсутствие всяких своих возможностей не только на уровне государства, но в «микросреде», в корпорациях, творческих и трудовых коллективах и даже в ряде сообществ, все еще относимых

к разряду независимых и оппозиционных: дух номенклатурного театра с заскорузлой иерархией и расписанными в ее рамках ролями оказался всепроникающим. Преобразование России как творческий процесс — а только так оно имело шанс быть продуктивным — не состоялось.

События последних 15 лет новой России убеждают: смена риторик, смена кадров и кардинальные перемены в судьбе тех или иных представителей власти нисколько не изменили ее природы, а лишь усилили самые негативные ее проявления. Нужно демонтировать олигархическую систему в политике и экономике, восстановить социальную справедливость, раз и навсегда решить вопрос с легитимацией крупной частной собственности. Обсуждение такого «проекта» — повод для отдельного серьезного разговора. Но это должен быть честный разговор во имя будущего страны, а не демагогическое осуждение «эпохи 90-х» с тем, чтобы на самом деле оставить все примерно так, как есть, или же сделать еще намного хуже. Граждане и власть должны честно смотреть вперед, а не озирааться по сторонам в поисках врагов и не пытаться искать прогресса в дремучей реакции — в этом для всех нас, сегодняшних, один из уроков переломных событий 90-летней давности нашей, все еще не пережитой истории.

Первый шаг в этом направлении — это демократизация власти, обеспечение действенного общественного контроля над ней. В связи с этим представляется, что нынешний президент России, прежде чем через год покинуть свой пост, мог бы если уж и не возглавить Великую Демократическую Эволюцию России, как в свое время от этого сознательно уклонился Николай Второй, то хотя бы существенно расчистить взгроможденные завалы на ее пути.

Из всего наиболее одиозного, что тут было наворочено режимом за последние годы, речь прежде всего идет о тех искусственно, в интересах партии власти созданных инструментах для борьбы с оппозицией, которые сначала рождались в тиши политтехнологических, бюрократических и властных кабинетов, а потом приобретали в беспрекословно послушной Думе силу закона.

Однако сегодня именно с помощью данного бесхребетного представительного органа и всей так называемой вертикали власти можно еще переделать большой минус на хотя бы небольшой плюс. И тем самым заложить основы для проведения честных выборов не только в ходе будущей кампании 2007–2008 годов, но и последующих — в более отдаленной перспективе...

Вернуть, например, избирательное право в исходное состояние, в котором оно находилось в начале 2000-х годов. Тогда оно было более демократично и больше соответствовало букве и духу действующей Конституции.

Обязательно вернуть выборы губернаторов. А для снижения коррупционности разрешить их выдвижение только от партий.

Крайне желательно было бы также законодательно и жестко ограничить возможность исполнительной власти вмешиваться в партийное строительство. Категорически запретить создание искусственной по отношению к себе, карманной оппозиции, учинение надуманных препятствий (вплоть до снятия с выборов под всяческими предлогами) оппозиции уже реально существующей, за которой стоят не корпоративные властные интересы, а интересы конкретных людей с мест.

Неплохо было бы также ввести в действующее законодательство норму, запрещающую принятие законов и подзаконных актов, обеспечивающих фактическое преимущество одним партиям в ущерб другим, полностью игнорирующих мнение протестного электората. Это и пресловутый 7-процентный барьер, это и отмена «процента неявки» и графы «против всех». Подобные новации должны квалифицироваться как посягательство на действующую Конституцию и саму государственность...

Необходимо актом помилования освободить из мест лишения свободы всех тех лиц, в отношении которых есть существенные основания считать, что они попали туда в результате действий «оборотней» в погонах или с какими-то еще знаками. (Не надо безосновательно повторять, что никто не вправе ставить под сомнение приговор суда.) Наказать или даже отста-

вить всех без исключения «оборотней» в краткосрочной перспективе не представляется возможным, но такие деятели должны знать, по крайней мере, что их возможности не безграничны.

Огромная и сложная работа нужна в направлении создания экономических институтов защиты собственности, ее легитимации и, конечно, введения справедливых экономических условий, одинаковых для всех.

...Такая возможность существенно улучшить будущее России еще есть. Неиспользование ее может привести к тому, что когда-нибудь, в отдаленном будущем, российским историкам придется снова ломать голову: были ли неизбежными, мол, какой-нибудь Февраль и Октябрь такого-то катастрофического для России зного года в начале XXI века? Не хочется оставлять им такую возможность. Поскольку мы-то уже доподлинно знаем, что исторический шанс, чтобы то или иное грозное событие произошло, в существенной мере вызревает сегодня. И творим его мы: своим действием или бездействием.

Февраль — апрель, 2007 год

Урегулирование на Донбассе

Блог Григория Явлинского на сайте «Эха Москвы», 03.10.2019

Документ, называемый «формулой Штайнмайера», подписали. На разных листах. Подписанты даже не хотят ставить свои подписи рядом на одном листе бумаги. И сама «формула», и то, как ее подписывали, — все это заставляет усомниться, что из этого что-то полезное получится и что война прекратится. Когда соглашения достигаются не через взаимопонимание, а продавливанием, потом они все равно работать не будут. Считаю, что путь к миру на Донбассе начнется тогда, когда Кремль откажется от доктрины «ограниченного суверенитета», т. е. советской политики вмешательства в дела других стран. А в практическом плане надо сделать следующее:

1. Вывести всех российских «отпускников и ополченцев» и все подразделения российских вооруженных сил из Донбасса. Немедленно прекратить военную, финансовую, дипломатическую и иную поддержку сепаратистских сил и движений, действующих на территории Украины.
2. Всемерно способствовать международным миротворческим силам в части обеспечения безопасности населения Донбасса.
3. Не препятствовать европейскому выбору Украины и не вмешиваться в ее внутренние дела, соблюдать полное равноправие, территориальную целостность и государственную независимость.

Фото: РИА Новости

4. Немедленно прекратить разжигание ненависти к Украине и пропаганду войны в российских государственных СМИ.
5. Провести обмен пленными по принципу «всех на всех» и объявить амнистию.
6. Предложить форму международной опеки над «территориями Донецкой и Луганской областей с особым порядком местного самоуправления» на основе института международной опеки, предусмотренного главой XII Устава ООН, с применением опыта Дейтонских соглашений 1995 года и соглашений по статусу Саара 1954 года.
7. Заключить специальное многостороннее (Украина, Россия, Германия, Франция, США и ЕС) соглашение о временном статусе «территорий Донецкой и Луганской областей с особым порядком местного самоуправления» под эгидой СБ ООН, в соответствии с которым все властные полномочия на этих территориях передаются международным органам управления, судопроизводство, правоохранительная

деятельность, контроль за границей осуществляются представителями стран — участниц соглашения.

8. Осуществить демилитаризацию всего донбасского региона и прилегающих территорий.
9. Разработать и ввести режим «особой экономической зоны» на основе комбинации Соглашения об ассоциации Украины с ЕС и возобновления действия Соглашения о зоне свободной торговли СНГ. Сформировать специальные фонды экономической помощи для восстановления экономики и социальной сферы региона.
10. После признания всеми участниками соглашения того, что созданы все необходимые условия для обеспечения безопасности и нормальной жизни населения, вся территория Донбасса будет передана под полный контроль Украины.

Фото: Defencenet.gr

Война в Сирии: то, о чем надо помнить

Итоги четырехлетней политики Путина на Ближнем Востоке

Сайт Григория Явлинского, 28.10.2019

Путин согласился с захватом Турцией приграничной территории Сирии и предложил Эрдогану отправить на сирийско-турецкую границу российских военных, которые помогут туркам контролировать изгнание курдов с веками обжитых земель. В этом суть подписанного на прошлой неделе в Сочи Путиным и Эрдоганом документа, все остальное — общие фразы и обещания.

Соглашение подписано, конечно, без участия самих курдов и сирийцев, пока еще номинальных хозяев земель, о сохранении «политического единства и территориальной целостности» которых, судя по сочинскому меморандуму, пекутся российский и турецкий лидеры. Согласно договоренности, Турция прекращает военную операцию против курдов, если те покидают в установленные сроки обозначенную в меморандуме «зону безопасности».

После российско-турецкого передела сирийских земель в мировых СМИ заговорили о значительном укреплении позиций Путина на Ближнем Востоке. И действительно, сделка между Путиным и Эрдоганом предполагает некоторые перемены в регионе:

- турки смогут вытеснить ненавистных курдов с приграничных территорий и избавиться от сирийских беженцев у себя в Турции, переселив их на освобожденные от курдов земли в Сирии;
- Асад сможет вернуть утраченные позиции на северо-востоке Сирии;
- иранцы смогут воспользоваться укреплением позиций Асада для решения своих задач на территории Сирии;
- американцы смогут умыть руки и снять с себя ответственность за судьбу несчастных курдов.

А что же получит Россия в результате сочинской сделки и вообще от своего участия в сирийской войне, кроме временного удовлетворения геополитических амбиций Путина?

Западная пресса пишет, что Путин становится «ключевым игроком» на Ближнем Востоке. Правда, пока непонятно, как российский президент справится с этой ролью, но в целом мотив такой: «США утратили позиции, Россия их заняла». Иностранные аналитики рассматривают происходящее как обычную для Ближнего Востока тактическую «шахматную партию»: ни долговременные, ни краткосрочные национальные интере-

сы России ими в расчет, естественно, не принимаются; пишут «Россия», а имеют в виду Путина и его воинский контингент.

Однако в самой России не могут не задаваться такими вопросами. Каковы общие реальные человеческие потери среди россиян за четыре года? Во сколько России на самом деле обходится операция в Сирии? Как оценить последствия вооруженного вмешательства России во внутренний мусульманский конфликт (на одной из сторон), ведущий к жертвам среди беззащитного гражданского населения и значительным разрушениям? Как оценивают на Ближнем Востоке заявления российского руководства о том, что одна из целей России в Сирии — испытание вооружений и обучение военнослужащих? Не станет ли одним из последствий участия в кровавом сирийском конфликте всплеск терроризма, в частности идущего в Россию из Афганистана? Почему Россия снова и снова ввязывается в сложные региональные столкновения, действуя в интересах кого угодно, но только не в собственных национальных? Для чего России миссия контроля за турецко-сирийской границей, защита интересов страны — члена НАТО и откровенный конфликт с курдами? Чем наша страна заплатит за все это?

Кстати, подписанный Путиным и Эрдоганом документ назвали «меморандумом»; на латыни «меморандум» — «то, о чем надо помнить». И запомнить этот документ придется далеко не только участникам помпезной церемонии подписания в Сочи.

К сожалению, эти договоренности, как и все, что происходит в Сирии с 2015 года, придется хорошо запомнить всем гражданам России. Потому что рано или поздно настанет время расплаты за странную и опасно противоречивую политику Владимира Путина на Ближнем Востоке.

Вот то, о чем надо помнить, — основные итоги четырехлетнего присутствия России в регионе:

1. Несмотря на радужную картину триумфального шествия Путина по Ближнему Востоку, которую рисует российская пропаганда, на поверку действия Кремля несут опасность для всего региона:

- Россия фактически стала военным союзником Ирана в регионе и одновременно предлагает поставить его главному противнику, Саудовской Аравии, противовоздушные комплексы С-400;
- Россия утверждает, что не знает, является ли массированная и результативная атака на крупнейший саудовский нефтяной объект делом рук Тегерана, хотя в Саудовской Аравии в этом никто не сомневается;
- Саудовская Аравия и другие страны Персидского залива активно поддерживают джихадистов, с которыми российская армия воюет в Сирии, помогают экстремистам на Кавказе и в Средней Азии, но при этом Россия предлагает этим странам огромные контракты на поставку оружия;
- Россия постоянно говорит о суверенитете Сирии, но фактически не препятствует турецкой военной операции на севере Сирии и разделу страны на зоны влияния;
- Россия предлагает Ливану, одной из самых нестабильных стран региона, приобрести оружие на миллиард долларов в кредит на 15 лет без процентов; учитывая всем известное катастрофическое финансовое положение этой страны, деньги возвращены не будут;
- При отправке военного контингента в Сирию в 2015 году российское руководство обещало, что операция продлится меньше года, несколько раз объявляло о выводе войск, а теперь Путин говорит, что российская армия останется в Сирии до тех пор, пока сирийское руководство не попросит ее уйти, то есть до бесконечности.

2. Участие России в гражданской войне в Сирии, российские бомбардировки, приведшие к многочисленным человеческим жертвам, в целом не поддающаяся логическим объяснениям политика Москвы в регионе — все это обрушило реальный авторитет России на Ближнем Востоке. Например, в Иордании, одной из самых умеренных и миролюбивых стран региона, в 2007 году процент позитивно и негативно относящихся к России был равным, а к 2017 году число негативно настроенных достигло 93% опрошенных. Отношение к России ухудшилось и в других ближневосточных странах.

Чтобы исправить положение, Москва решила продавать оружие в регионе сразу всем. Например, таким «заклятым друзьям», как Саудовская Аравия и Турция.

А как же тогда Иран? Ведь нельзя допустить, чтобы «подопечные» в Тегеране обиделись из-за поставок российского оружия противникам Ирана. Поэтому в Кремле решили взять на себя все расходы на поддержку Асада, и теперь Иран может использовать сэкономленные в Сирии средства для своей экспансии в другие соседние страны. Это как раз то самое вмешательство во внутренние дела Ирака, Ливана, Йемена и Сирии, против которого в Москве неизменно выступают, говоря о недопустимости «цветных революций», но в данном случае это отказываются замечать. Более того, Россия получает прибыль от продажи оружия враждующим ближневосточным странам, что усиливает эскалацию конфликтов, а вырученные средства снова идут «подопечным» в Иране, то есть одной из сторон конфликта. Участие в таком порочном круге для России может не ограничиться Ближним Востоком — страны-изгои по всему миру ищут себе «партнеров».

3. Путин стал проявлять повышенный интерес к Ближнему Востоку после событий «арабской весны». Он увидел в этом иностранный заговор, продолжение серии «цветных революций» на постсоветском пространстве. Хотя было совершенно очевидно, что главной причиной всех этих революций были внутренние факторы: коррупция, рост цен, ощущение собственной отсталости, страх людей перед завтрашним днем, желание образованного городского класса завоевать гражданские свободы.

В Кремле возникла паранойя, что «цветная революция» — например, в форме требования честных выборов — может произойти и в России, а сближение с Европой и США поставит под угрозу несменяемость российской власти.

Тогда и появилась у российского президента идея стать лидером глобальной борьбы с возможными «цветными революциями» по всему миру, сделать Россию «великой державой» среди стран-изгоев, среди всех авторитарных и деградирующих режимов.

К примеру, бегство Януковича с Украины вполне укладывалось в путинскую концепцию.

В Тегеране, видимо, быстро поняли, что такой настрой Путина можно использовать для сохранения иранского контроля в Сирии. С этой целью надо было внушить Москве, что Сирия — лучшая площадка для России, чтобы реализоваться в качестве «защитника всех диктаторов и авторитаристов от цветных революций». Так, шаг за шагом Россия стала донором и покровителем режимов-изгоев — от Ближнего Востока до Южной Америки. Но в Кремле не учли, что эти режимы вызывают неприязнь не только и не столько у Запада, сколько у их соседей. Асад, что бы ни происходило, остается абсолютным изгоем в арабском мире; Иран враждует не только с Израилем, но и с большинством арабских стран; Венесуэла — источник проблем для всех своих соседей; то же самое можно сказать и про КНДР. Причем все эти режимы находятся под санкциями, а Россия пытается играть неприглядную роль лидера обиженных.

4. Накануне недавнего визита в Саудовскую Аравию Путин заявил, что слабые связи с саудовским королевством и другими странами Персидского залива — наследие советских времен. Однако нормальных отношений у нас не было и нет потому, что жестокие авторитарные режимы в этих странах, поддерживающие все формы терроризма, включая «Ис-

ламское государство» (запрещенное в России), в этом не нуждаются. Их интересует только современное оружие и возможность немного поднажать на США: «если не будете нам помогать, будем заключать сделки с Путиным».

Моральное измерение политики Путину (кстати, как и Трампу), похоже, неведомо в принципе. Так, дикое убийство журналиста, открытого критика саудовского режима Джамала Хашогги прямо в консульстве Саудовской Аравии в Стамбуле по приказу, как заявил президент Турции Реджеп Эрдоган, с «самых верхов» в Эр-Рияде, не помешало Путину нанести преисполненный благоговения визит к этим самым верхам.

5. Ситуативное партнерство России с Ираном возникло только потому, что эта страна на самом деле находится в изоляции: в настоящий момент иранцам не на кого больше опереться, и они научились блестяще использовать антиамериканизм Кремля в своих интересах. Однако это не партнерство. Отношения неравноправны: Иран использует Россию (см. «Иранская ловушка»). В то же время страны региона, считающие Иран своим врагом, теперь видят в России главного союзника Исламской Республики — отсюда тоже потеря доверия. Даже реально партнерские отношения с Израилем постоянно находятся на грани.

6. У России сегодня нет достаточного политического веса, чтобы быть посредником в каком-либо мирном урегулировании. И хотя Путин говорит, что не хочет выступать в роли посредника между Ираном и странами Персидского залива, на самом деле он очень хочет, но не может. Когда страна не в состоянии предложить ни экономической, ни гуманитарной помощи, а только поставляет в вечно воюющий регион (одновременно всем враждующим сторонам) оружие и солдат-наемников, такая страна только усиливает эскалацию конфликтов и разрушает жизнь в регионе. У такой страны репутация выгодоприобретателя, заинтересованного в продолжении войн. Естественно, никто не станет рассматривать Россию как посредника и никогда не забудет ее зловещую роль в разрастании войны.

Именно поэтому у России не получается посредничество ни внутри Сирии, ни в арабо-израильском конфликте, ни — что особенно важно для российской безопасности — в Афганистане между правительством и талибами (см. статью Д. Карпова о попытках России имитировать свое участие во внутриафганском урегулировании).

Попытка сыграть роль посредника между Ираном и остальным миром в вопросе ядерной сделки тоже провалилась. Оказалось, что судьба сделки зависит только от Трампа, а единственное, что может Россия — налагать вето на резолюции ООН в интересах Ирана. Проблема давняя: чтобы вести себя как сверхдержава, надо ею стать.

7. Россия не добилась своих целей в Сирии. В начале операции Путин говорил, что нельзя допустить превращения Сирии в такую же территорию хаоса, какими стали Ирак и Ливия после вмешательства Запада. Но сейчас Сирия является именно такой территорией. Правительство Асада держится только на российской и иранской помощи, значительная часть территории страны не контролируется властями. Шансы на то, что сирийская государственность восстановится, мизерные.

В этой ситуации Россия пытается форсировать процесс внутрисирийских переговоров, создания новой конституции. Но даже российские эксперты признают, что ничего не получается. Хотя бы потому, что из процесса исключено три миллиона жителей провинции Идлиб и миллионы беженцев. Все они находятся под патронажем просаудовских, протурецких и прокатарских группировок, которые не могут договориться ни с Асадом, ни друг с другом. Несмотря на громкие заявления на российско-турецкой встрече в Сочи, курды реально тоже исключены из переговорного процесса, хотя Путин давал им много обещаний.

У России нет средств на послевоенное восстановление Сирии. Асад еще в 2018 году заявил, что для восстановления разрушенной инфраструктуры потребуется не менее 400 млрд долларов и 10–15 лет. У России таких денег нет и не будет. Значит, если кто-то все же инвестирует в Сирию и получит от Асада что-то взамен, это будет не Россия. Все разговоры, будто

российский бизнес что-то выиграет от эксплуатации сирийских нефтяных месторождений, не выдерживают критики, поскольку даже до гражданской войны сирийской нефти едва хватало для внутренних нужд.

8. Россия не обезопасила себя от террористической угрозы. Произошло именно то, чего Путин обещал не допустить: джихадисты — выходцы из России и стран СНГ перебазировались в Афганистан, почти напрямую угрожая российским границам. Оттуда идет сейчас террористическая активность. Оттуда следует наркотрафик. Оттуда исходит угроза нападения на бывшие советские республики, с которыми у России договор о военной помощи и открытые границы. При этом сроки начала такой войны зависят не от Путина — он не в состоянии влиять на ситуацию, — а от того, выведут ли американцы свои войска из Афганистана, смогут ли США и Катар добиться внутриафганского мирного урегулирования, что крайне сомнительно.

9. Итак, Россия заключает сделки со странами, которые поддерживают джихадистов, угрожающих ей самой.

Российская политика на Ближнем Востоке провалилась: страна не приобрела там союзников и увязла в бесконечной войне, уносящей тысячи человеческих жизней и огромные средства.

Следующим шагом, вероятно, станет выделение из российского бюджета средств на восстановление Сирии, которых, как уже говорилось, не хватит, зато они будут «распилены» между специально отобранными корпорациями, возглавляемыми «нужными людьми».

10. Итог: режим Путина навязал стране ответственность, которую Россия не может нести в силу объективных обстоятельств. Состояние отечественной экономики и дипломатии, долговременные последствия вмешательства в сирийский конфликт не дают шанса использовать гипотетические

возможности, которые создает политика самоустранения Трампа. Кстати, и это решение американского президента нельзя считать безосновательным или недальновидным. В США на Трампа нападают за предательство курдов, но нет серьезной критики отвода войск как стратегического просчета. И это в ситуации, когда для противников Трампа всякое лыко в строку. Все понимают сложность положения в регионе после атак на саудовские объекты и иранский танкер, которое еще более усугубила турецкая операция на севере Сирии.

Никто, даже США, не хочет брать на себя какие-либо обязательства. Европа (в лице Меркель) лишь констатирует, что «в регионе ощутимо возросла роль России и Ирана, но о последствиях пока судить рано». Молчит Китай, который примеривается к тому, чтобы считать зоной своих жизненных интересов едва ли не весь мир. А Россия под слабо узнаваемую музыку Александра в редакции саудовских дирижеров продолжает безоглядно лезть в капкан, который может захлопнуться когда угодно.

Среди новых рисков — возникновение линии соприкосновения с турецкими войсками и увеличение вероятности конфликта с Турцией (гораздо более масштабного, чем вызванный сбитым российским самолетом в ноябре 2015-го), новые столкновения с джихадистскими группировками. Между тем и опасность попасть под удар американцев, как это было с российскими наемниками в феврале 2018-го, не становится меньше. Вспомним удары по Сирии с кораблей ВМФ США в Средиземном море в апреле 2017 года. Решение обстрелять «Томагавками» позиции Асада Трамп принял тогда во время визита во Флориду Си Цзиньпина (см. «Капкан», 08.04.2017).

11. Почему ближневосточная политика России оказывается даже не столько тупиковой, сколько разрушительной? По той же причине, что и кризис всей российской экономики, социальной сферы и политической системы: руководство страны не имеет представления о долгосрочной перспективе и правит по принципу «сейчас мы у руля, а после нас хоть потоп». Правящая группа, похоже, не умеет и даже не пытается думать о будущем — если речь идет не о ней самой, а о будущем России.

Григорий Алексеевич Явлинский

ВТОРОЕ ИЮЛЯ

**О завершении проигранной эпохи
и перспективах**

Составитель — Игорь Яковлев

Подписано в печать 15.01.2021.

Печать офсетная. Шрифт Franklin Gothic Normal (ITC).

Тираж 500 экз.